

P7-4560

1988

1231

Германия и Прибалтика

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра новой и новейшей истории

Г Е Р М А Н И Я И П Р И Б А Л Т И К А

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
(междуведомственный)

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1988

20v/88
4145

ГЕРМАНИЯ И ПРИБАЛТИКА

Германия и Прибалтика: Сборник научных трудов (международственный) / Отв. ред. П.Я.Крупников. - Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1988. - 128 с.

Предлагаемый сборник продолжает начатое в 1972 году издание статей по проблемам истории Германии и Прибалтики.

Работы, публикуемые в этом сборнике, посвящены различным аспектам многовековых исторических связей Германии и Прибалтики, а также отдельным событиям и проблемам истории немецких привилегированных сословий Прибалтики. Предлагаемые работы являются частью исследований, над которыми работают авторы. Поэтому каждая из статей охватывает лишь отдельные стороны исследуемых ими проблем.

Сборник предназначен для историков, изучающих вопросы истории Германии и Прибалтики, может быть рекомендован студентам вузов, учителям истории и широкому кругу читателей, интересующихся данной тематикой.

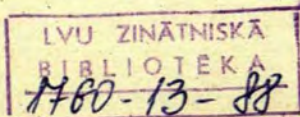
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П.Крупников (отв.ред.), Л.Перконе

Печатается по решению Издательского совета
ЛГУ им. П.Стучки

Г 10600-098у 2.88.0500000000
М 812(II)-88

© Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки,
1988

Введение

В течении семи веков - вплоть до Октябрьской революции - на территории Латвии и Эстонии господствовало прибалтийско-немецкое дворянство. Несколько раз в истории Прибалтики служила немцам захватчикам трамплином для дальнейшей восточной экспансии. В то же время немецкая культура и прогрессивные силы немецкого народа оказали положительное влияние на развитие народов Прибалтики. С развитием революционного движения в Прибалтике устанавливаются интернационалистские связи пролетариата Германии, Латвии, Эстонии и Литвы.

История Прибалтики в настоящее время изучается не только учеными Советской Прибалтики, но и историками ряда зарубежных стран. В ФРГ действует Прибалтийская историческая комиссия, в США - Ассоциация по развитию прибалтийских исследований. За последние полтора десятилетия постепенно расширились контакты занимавшихся историей Прибалтики ученых СССР (в первую очередь - Латвии, Эстонии и Литвы), Польши, ГДР, ФРГ и Швеции. Кроме участия в рижских конференциях историков, это выражается в публикации статей в сборниках "Германия и Прибалтика".

Предшлющие восемь сборников получили положительную оценку московских и рижских изданий ("Ежегодник германской истории", "Коммунист Советской Латвии"). В то же время "Цайтшрифт фюр Остфоршунг" (ФРГ) дважды публиковал весьма недоброжелательные рецензии консервативного историка Ирене Неандер. Спокойный отклик был опубликован в "Вестнике" Союза прибалтийско-немецкого дворянства в ФРГ.

В предлагаемом читателю девятом выпуске "Германия и Прибалтика" публикуется одиннадцать статей историков СССР, ГДР, ФРГ и Швеции.

Во всех статьях впервые вводятся в научный оборот новые материалы (архивные документы и др.).

Эволюция исследования истории средневекового ливонского ландтага в историографии XIX-XX вв.

Изучение истории сословно-представительных учреждений средневековой Ливонии ведется с перерывами на протяжении полутора веков. (но связано с трудоемкой работой, так как в XIV - первой половине XVI в. местные сословные представительство имело весьма сложную структуру. Наряду с органами, действовавшими в рамках отдельных ливонских государств, функционировали различные сословные институты межгосударственного характера. Высшим сословным органом с 1420-х по 1559 г. являлся обдливонский ландтаг, объединивший представителей всех политически активных сословий из всех пяти ливонских государств: Рижского архиепископства, Тартуского, Сааре-Ляэнского, Курземского епископств и государства Ливонского ордена. Найти ответ на вопрос о месте и функциях каждого регионального и межгосударственного органа в системе сословного представительства Ливонии по-прежнему остается задачей будущего. Основное внимание исследователей разных времен было сосредоточено на ландтаге. Очевидно, это связано с тем, что именно этот институт занимал особое место в политической жизни Ливонии XV - первой половины XVI в., так как в нем концентрировалось обсуждение всех важнейших общих для всей страны проблем внешней и внутренней политики.

Первая работа, посвященная истории обдливонского ландтага, была опубликована прибалтийско-немецким историком и правоведом Ф.Г. фон Бунге еще в 1836 г.¹ Тот факт, что эта тема оказалась среди тех, которые одними из первых привлекли внимание зарождающейся остзейской профессиональной историографии, вряд ли можно считать случайностью. Во время написания статьи Бунге и вплоть до 1920 г. продолжали существовать ливонские, курляндские и эстляндские ландтаги - собрания местного дворянства, являвшиеся наиболее наглядным олицетворением и своего рода символом остзей-

ских привилегий немецкого меньшинства в Восточной Прибалтике. На самом деле дворянские собрания более позднего периода ничего общего кроме названия с общеливонским ландтагом XV - первой половины XVI в. не имели. Однако совпадение наименований этих органов создавало впечатление о том, что корни ландтагов XIX в. (а следовательно и всех привилегии прибалтийских немцев) уходят в глубокую древность. В результате статья Бунге помогла поддерживать иллюзию обоснованности упомянутых привилегий и идей о необходимости их сохранения. Не удивительно, что ландтаг в его работе предстанет перед читателем как "идеальный" орган, собравшийся на котором "представители сословий репрезентировали всю страну, в том числе не допущенные на ландтаг сословия"². Этим автор дает понять, что якобы учтены были интересы всех слоев населения средневековой Ливонии, тогда как в действительности ландтаг, как известно, представлял интересы феодалов, которые редко считались даже о мнении патрицианской верхушки горожан.

Упомянутая политическая подоплека статьи и ограниченное количество приведенного в ней фактического материала³, не помешали Бунге выполнить работу на высоком для своего времени профессиональном уровне. Его труд заложил традицию исследования истории ливонского ландтага и оказал большое влияние на его дальнейший ход. Впервые был описан порядок работы высшего сословно-представительного учреждения, освещены основные направления его деятельности, выявлены причины его слабости и поставлен ряд других важных вопросов.

Не меньшее значение в прибалтийско-немецкой историографии ландтага имеет статья, принадлежащая перу Д. Эккардта⁴. Его работа появилась в обстановке, когда в связи с подготовкой и проведением реформ 60-х годов XIX в. дальнейшее существование привилегированного положения прибалтийских немцев оказалось под угрозой⁵. Статья о прошлом ландтага должна была воздействовать на патриотические чувства прибалтийских немцев, сплотить немецкие сословия и послужить доказательством права на сохранение привилегий⁶.

В работе Эккардта, охватывавшей предисторию общели-

фонского ландтага, его собственную историю в XV — первой половине XVI в. и период ландтагов — соборный дворянского сословия вплоть до XVIII в., мысль о генетической связи между названными органами проводится совершенно открыто. Д. Экарлт тоже старался показать средневековый ландтаг как орган, осуществляющий управление Ливонией якобы в интересах всего ее населения. Он особо акцентирует примирческие задачи в деятельности ландтага, считая его "местом примирения, на котором рассорившиеся в связи с различием интересов ландесгерры встречались для совместных переговоров, благодаря чему — по крайней мере отчасти — свою деятельность могло развить центральное правление"⁷.

Поскольку труд Экарлта был призван решать те же задачи, что и статья Бунге, и в нем также на первый план выдвигаются положительные моменты в истории ландтага. Работы обоих авторов объединяет также формально-правовой исследовательский подход. В то же время можно отметить, что Экарлт пошел дальше своего научного предшественника, дав более детальное описание организации общеливонского ландтага, более подробную характеристику представленных на нем сословий и более тщательное сравнение этого органа с рейхстагом средневековой Германской Империи.

К трудам Ф. Г. фон Бунге и Д. Экарлта во многом примыкает и третья в остзейской историографии специальная работа о ливонском ландтаге — статья А. фон Гернета, посвященная возникновению этого органа⁸. Хронологически она охватывает небольшой период 20-х — первой половины 30-х годов XV в. Автор не раскрывает исторические условия, при которых формировался ландтаг и рассматривает в основном правоведческий аспект его генезиса. Это приводит к тому, что А. фон Гернет переоценивает возможности ландтага, не достаточно учитывает то обстоятельство, что далеко не все принимавшиеся на нем решения впоследствии были претворены в жизнь. Вместе с тем в статье Гернета находим оригинальную, но недостаточно обоснованную и уже ранее подвергнутую критике⁶ мысль о том, что ландтаг объединял пять мелких ливонских государств в фе-

деративное государство (Bundesstaat).

Другие прибалтийско-немецкие авторы обобщающих и специальных исследований по истории Ливонии в основном писали о ландтаге в том же известном нам ключе: как об органе, "который объединял ландесгерров со всеми сословиями для соблюдения их совместных интересов"¹⁰ и с помощью которого "идеальное единство страны приобрело зримое выражение"¹¹.

Нельзя не обратить внимание на полное соответствие последних слов, написанных Л. Арбузовым-младшим в первой четверти XX в. с точкой зрения Ф. Г. Фой Бунге, высказанной почти сто лет тому назад. В подобной прочности историографических традиций нет ничего удивительного. Идеализация государственного строя, исторических событий и деятельности отдельных исторических лиц ливонского средневековья в большей или меньшей степени присуда всей остзейской меллехистике XIX - начала XX в., стремившаяся исторически обосновать необходимость сохранения привилегий немецкого дворянства и буржуазии в Восточной Прибалтике. Под влиянием актуальных политических соображений эпоха средневековья, когда Ливонии удалось успешно противостоять могущественным соседям, трактовалось как "великое время страны (die grosse Zeit des Landes)", а современниками этих ученых оно воспринималось как время сплоченности и благополучия¹². Общая историографическая ситуация не могла не отразиться и на работах о ландтаге. Об острых разногласиях, имевших на нем место, прибалтийско-немецкие историки писали мало и неохотно, равно как и избегали ставить вопрос о связи между образованием ландтага и борьбой рижского архиепископа против стремления магистра Ордена на рубеже XIV-XV вв. подчинить своему диктату всю Ливонию.

Более объективной историография ландтага стала в 20-е и 30-е годы нашего столетия, после того как старые остзейские привилегии в Латвии и Эстонии были упразднены. Однако в этот период оставшиеся здесь прибалтийско-немецкие ученые уделяли внимание не столько дальнейшему исследованию самой истории ландтага, сколько регулярному изданию необходимых

для этого источников. Л. Арбузовым-младшим и А. Бауэром была продолжена начатая в начале века О. Штафенхагеном и Л. Арбузовым-старшим работа по публикации обобщающего собрания документов о ливонских сословно-представительных учреждениях XIV-XVI вв.¹³ Тексты этих источников широко комментировались. Один из таких комментариев, опубликованный в 1926 г., по существу является небольшой статьей о первых ливонских ландтагах¹⁴ и заслуживает особого рассмотрения.

Хотя и в этой работе Л. Арбузов-младший не отступает от тезиса о ландтаге как зримом воплощении идеального единства Ливонии¹⁵, вопрос о его образовании здесь уже тесно связывается с напряженной исторической обстановкой первых десятилетий XV в. и борьбой между архиепископом и Орденем. Немалый научный интерес представляют замечания автора о порядке и содержании работы ландтага, оценка возможностей участвовавших в его работе сословий.

Некоторые из высказанных в этой работе Л. Арбузова идеи в 30-е годы были далее развиты латышскими учеными, в задачи которых уже не входило доказывать историческую обоснованность остзейских привилегий. О первом, как и о втором, свидетельствуют лекции по истории права Латвии, читавшиеся в начале 1930-х годов студентам Латвийского университета тогдашним ее доцентом А. Швабе¹⁶.

В латышской историографии этого периода нет специальных монографий или журнальных статей о прошлом ландтага. Однако Э. Аберсом и еще одним анонимным автором, которым предположительно является А. Швабе, были написаны две сравнительно обширные статьи для энциклопедических изданий¹⁷. Здесь было отмечено, что возникновение ландтага в 20-х годах XV в. являлось компромиссом между разными политическими силами в условиях, когда никто из ландесгерров не был способен полностью подчинить своей власти всю Ливонию. Некоторые новые сведения о размышлениях Э. Аберса и А. Швабе (?) приводят о компетенции и порядке проведения ландтага. Впервые специально было подчеркнуто, что латышские и эстонские крестьяне были

лишены права принимать участие в его заседаниях. Несмотря на свою лаконичность, работы 20-х и 30-х годов помогли поддерживать традиции исследования ландтага и сыграли положительную роль в деле его дальнейшего изучения.

Объем и задачи упомянутых статей включали подробное освещение истории ландтага. Это обостряло необходимость продолжить исследование, тем более, что в 1920-х и 30-х годах было опубликовано большое количество новых источников. Однако, вопреки ожидаемому, в изучении истории ливонского ландтага наступил многолетний перерыв. Тенденция к новому, более глубокому ее осмыслению наметилась лишь совсем недавно — в середине 80-х годов¹⁸.

Любопытно, что польский ученый Я. Костшак и его эстонский коллега П. Раудкиви, работы которых о генезисе и ранней истории ландтага вышли в этот период, проводили свои исследования независимо друг от друга.

Монография Я. Костшака посвящена изучению этапов формирования общеливонского ландтага¹⁹. Завершение этого процесса автор датирует образованием в 1435 г. т.е. Валкский конференции (заключением союза между Орденом, епископами, вассалами и городами), но его начальный рубеж он отодвигает на сто с лишним лет назад. Польский историк доказывает, что между общеливонскими ландтагами 20-х годов XV в. и региональными, внутрисословными и, в особенности, межгосударственными представительными институтами (т.е. вселивонскими сословными съездами) XIV в. существовала прямая генетическая связь. Я. Костшак считает, что, несмотря на их нерегулярную деятельность и слабость, уже в XIV в. в виде упомянутых органов сложилась та основа, на базе которой впоследствии вырос общеливонский ландтаг. Его создание рассматривается автором как продолжение и результат развития менее совершенных формирований сословного представительства.

В таком контексте справедливым представляется утверждение Я. Костшака, что историографический спор по поводу того, какое из аналогичных по уровню представительства сословных

собрания конца первой четверти XV в. достойно названия первого ландтага²⁰, возник в результате упрощенного подхода к проблеме его генезиса и носит чисто формально-юридический характер²¹.

П. Раудкиви в своей первой статье, посвященной генезису ливонского ландтага, ограничился 20-ми и первой половиной 30-х годов XV в. Здесь он указывает, что формирование ландтага проходило в сложной исторической обстановке и носило затяжной характер. Он тоже считает, что его завершение следует связывать с образованием Валкской конференции в 1435 г.²² Однако дальнейшее и более основательное изучение представительства вассалов на первых общеливонских ландтагах²³ и роли городов в генезисе этого органа²⁴ заставили автора отказаться от подобной постановки вопроса. В своих новейших работах он пишет о том, что в 1435 г. вассалы и города еще не достигли статуса равноправных партнеров с другими членами Валкской конфедерации²⁵.

Недавно свое согласие с подобной точкой зрения высказал также Я. Костяк, по мнению которого ландтаг на протяжении почти всего XV в. являлся органом, объединявшим уполномоченных представителей отдельных ливонских государств, а не сословий. В докладе на конференции "Die Anfänge der Stände in Preussen und seinen Nachbarländern", состоявшейся в мае 1987 г. в Мюнхене, он попытался обосновать тезис о том, что преобразование ливонской политической системы в систему, напоминающую союз сословий, стало возможным лишь в конце XV столетия²⁶.

Новейшие работы Я. Костяка и П. Раудкиви свидетельствуют о том, насколько неполны еще наши знания о прошлом ливонского ландтага. Очевидно и то, что сейчас необходимо перенести внимание от исследования начального на более поздние периоды его истории и охватить весь XV и первую половину XVI века. Кроме того, перспективным представляется более глубокое изучение отдельных направлений деятельности ландтага на протяжении более или менее коротких отрезков его деятельности. При этом следует выяснить характер взаимоотношений представ-

ленных на нем отдельных сословий или политических группировок, установить общие цели и частные аспекты в их политике, найти методику для измерения степени реального влияния ландтага на события экономической и политической жизни средневековой Ливонии. Наконец, небезынтересно взглянуть на прошлое ландтага в сравнительно-историческом плане как на составную часть процесса развития сословно-представительных учреждений в европейском или, может быть, восточноевропейском масштабе. В последнее время сравнительный метод исторического анализа завоевывает все больше сторонников среди ученых, занимающихся прошлым сословно-представительных учреждений²⁷. Его использование при исследовании богатейшей информации, которую содержат источники по истории Ливонии, может позволить добиться новых неожиданных результатов.

Примечания

- I Bunge F.G. von. Zur Geschichte der Landtage in Liv-Est-und Kurland während der bischoflichen und Ordens - Periode // Das Inland. - 1836. - S.17-24, 39-46. ; Расширив научный аппарат, автор включил затем текст этой статьи в более обобщающий труд об истории развития ливонских сословий: Bunge F.G. von. Geschichtliche Entwicklung der Staendesverhältnisse in Liv -, Esth - und Kurland bis zum Jahre 1561 - Dorpat, 1839. - S. 77-86, 92-100.
- 2 Bunge F.G. von. Zur Geschichte der Landtage... - S.24.
- 3 К моменту написания работы было опубликовано очень мало необходимых источников, многие из них еще не были обнаружены в архивах.
- 4 Eckardt J. Der livländische Landtag in seiner historischen Entwicklung // Baltische Monatschrift. - 1861. - Bd. 3. - S. 38-78, 116-159.
- 5 Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. - Рига, 1949. - Ч. I. - С.148.

- 6 См.: там же. - С.151; Духанов М.М. Остзейцы: Политика остзейского дворянства в 50-х - 70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии. - Рига, 1978. - С.101-102, 160.
- 7 Bokardt J. Der livländische Landtag ... - S. 39.
- 8 Cernet A. von. Der Ursprung des altlivländischen Landtages // Baltische Monatsschrift. - 1896. - Bd. 43. - S. 277-288.
- 9 Akten und Rezesse der livländischen Ständetage / Bearb. von C.Stavenhagen und L.Arbusow jun. - Riga, 1907 - 1933. - Bd. 1. - S. 234. - Anm. 1.
- 10 Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurlands von der ältesten Zeit bis auf unserer Jahrhundert. - Mitau, 1879. T.1. - S. 229. См. также : Seraphim E. Livländische Geschichte von der "Aufsegelung" des Landes bis zur Einverleibung in das russische Reich. - 2. Auflage. - Reval, 1897. - Bd. 1. - S. 194 - 195.
- 11 Arbusow L. Die Einführung der Reformation in Liv-, Est- und Kurland. - Leipzig; Riga, 1919-1921. - S. 33.
- 12 См.: Lenz W. "Alt-Livland" in der deutschbaltischen Geschichtsschreibung 1870-1918 // Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung / Hrgg. von G. von Rauch. - Köln; Wien, 1986. - S. 205.
- 13 Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. - Riga, 1907-1938. - Bd.1.- Lief. 1-7; Bd. 2. -Lief. 1-2; - Bd. 3.
- 14 Там же. - Т.1. - С. 230-234.
- 15 Там же. - С.234.
- 16 Švābe A. Latvijas tiesību vēsture. - Pēc 1931./1932. m.g. Latvijas universitātē lasītām lekcijām atreferējis stud. iūr. A.Širons. - B.v., 1932. - 206 lpp. ; Записанные со слов А.Швабе лекции были размножены по инициативе студентов в оугубо учебных целях. Апробация со стороны автора это издание не получило, иначе нельзя объяснить наличие в нем целого ряда грубых фактологических ошибок. Поэтому возможность использования данной публикации в качестве научной литературы представляется весьма сомнительной.
- 17 Abers Z. Landtāgs // Latviešu konversācijas vārdnīca. -

Rīga, 1933-1934. - 10. sēj. - 19961.-19972. sl.; Landtāgs // Latvju enciklopēdija. - Stokholma, 1952.-1953. - 2. sēj. - 1215.-1216. lpp.

18 До этого ландтаг как один из политических институтов средневековой Ливонии описывался в советской юридической учебной литературе, но по данному вопросу она носит компилятивный характер, не лишена неточностей и исследовательской ценности не представляет. См. Kalniņš V. Livonijas valstiskā izbūve un tiesības // P.Stučkas LVU zin. raksti.-1958.-61.lpp.;

Калнинь В. Очерки истории государства и права Латвии в XI-XIX веках. - Рига, 1980. - С.31-32; Егоров Д. Вопросы истории государства и права Эстонской ССР до Октябрьской революции. - Тарту, 1966. - С.3-13; Егоров Д. История государства и права Эстонской ССР. - Дооктябрьский период (XIII век - окт. 1917 г.). - Таллин, 1981. - С. 27-28.

19 Kostrzak J. Narodziny ogólnoinflanckich zgromadzeń stanowych od XIII do połowy XV wieku. - Warszawa; Poznań; Toruń, 1985. - 153 s.

20 В разных изданиях начало деятельности ландтага связывается с разными годами - 1419, 1421, 1422, 1424.

21 Kostrzak J. Narodziny ogólnoinflanckich zgromadzeń stanowych... - S. 123-124.

22 Raudkivi P. Liivimaa maapäeva genees aastani 1435 // Изв. АН Эст.ССР Сер. обществ. наук. - 1985. - Т.34. - № 1. - С. 78-93.

23 Raudkivi P. Läänipeeste esindus Liivimaa maapäeval (15. sajandi esimene pool) // Там же. - 1986. - Т. 35. - № 3. - С.277-286.

24 Raudkivi P. Linnade osast Liivimaa maapäeva kujunemisel // Там же. - 1987. - Т.36. - № 2. - С.160-171.

25 Раудкиви П.Ф. Образование ливонского ландтага в XIV в. - первой половине XV в. - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Таллин, 1987. - С.12; Raudkivi P. The place of the Valga (Walk) confederation (december 1435 - december 1441) in the Livonian statehood // Zapiski historyczne... (в печати).

- 26 Kostrzak J. Die Ständeprobleme in Altlivland. - Maschenschrift.
- 27 См. напр. Тöpfer В. Стánde und staatliche Zentralisation in Frankreich und im Reich in der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts // Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. - Berlin, 1977. - Bd.1. - S. 233-272; Stáde und Stádestaat. - Zur Rolle der Stáde bei der Entwicklung der Stádeverfassung in europäischen Staaten vom XIII bis zum XV Jahrhundert / Herausgegeben von В.Тöpfer. - Berlin, 1980. - 246 S. ; Гутнова Е. В. Роль бюргерства в формировании соловных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII-XVII вв. - М., 1979. - С. 50-88; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. - М., 1978. - С. 397-401.

Der Grundbesitz der Stadt Riga auf dem Lande
(13.-19. Jahrhundert) im Vergleich zu deutschen
Städten

Die Stadt Riga besass von Beginn ihrer Existenz an nicht nur eine überragende wirtschaftliche, sondern auch politische Bedeutung. Erzbischöfe und Ordensmeister versuchten die Stadt als Ausgangsbasis für weitere Eroberungen in Livland zu nutzen. Riga konnte jedoch schon nach wenigen Jahrzehnten eine relative wirtschaftliche und politische Selbständigkeit erringen. Die Stadt erkannte lediglich eine gewisse Oberherrschaft der Erzbischöfe an. Die wachsende wirtschaftliche Kraft und der Besitz des Patrimonialgebietes waren die Voraussetzungen dafür, dass sich Riga aktiv und selbstständig an den Eroberungen beteiligen konnte. Mit dem Patrimonialgebiet verfügte die Stadt sehr früh über ein Landgebiet. Der Besitz dieses Gebietes war der Stadt 1225 und 1226¹ durch den päpstlichen Legaten Wilhelm von Modena bestätigt worden.

Das Patrimonialgebiet diente den Bedürfnissen der Bürger, die in ihm Höfe und Gärten anlegten und Wiesen, Weiden und Gewässer nutzten. Das Patrimonialgebiet erfüllte in dieser Hinsicht die Funktion einer städtischen Feldmark; über eine solche Feldmark verfügten auch sehr viele Städte im Deutschen Reich².

Das Gebiet hatte jedoch noch eine andere Funktion; es war Herrschaftsgebiet des rigischen Rates über feudalsabhängige Bauern und andere Bewohner. Im Unterschied zu den deutschen Städten des Altsiedellandes, die sich zum grössten Teil ihre Feldmark erst erwerben mussten, erhielt Riga eine städtische Mark mit der Verleihung städtischer Rechte. Eine solche Praxis, neuentstehenden bzw. neuzugründenden Städten ein Areal zur landwirtschaftlichen Nutzung zu überlassen, war allerdings typisch für viele Städte des Ostexpansionsgebietes. Einen Sonderfall stellt Riga in der Hinsicht dar, dass es mit

der Verleihung städtischer Rechte und dem Besitz der Feldmark gleichzeitig ein Herrschaftsgebiet über die Stadtmauern hinaus erhielt. Im Vergleich zu deutschen Städten des Reiches gibt es keinen ähnlichen Fall.

Der Erwerb und der Besitz von Gütern, Bauern und Rechten auf dem Lande durch Städte und Bürger war keine Ausnahmerecheinung in der Geschichte der Städte im Feudalismus. Die bisherigen Forschungsergebnisse lassen es noch nicht zu, diese Tatsache quantitativ darzustellen. Das liegt vor allem daran, dass für die kleineren und mittleren Städte noch zu wenige Untersuchungen vorliegen. Die vorhandenen Ergebnisse machen es jedoch wahrscheinlich, dass der Grundbesitzerwerb auf dem Lande durch Städte und Bürger eine allgemeine Erscheinung war.

Der Grundbesitzerwerb auf dem Lande durch die Städte erreichte in der sogenannten Territorial- bzw. Landgebietspolitik einen gewissen Höhepunkt. Unter Territorium versteht die Forschung ein geschlossenes Gebiet, in dem die Stadt landesherrliche Rechte ausübte³. Der Erwerb und der Besitz eines Territoriums wird vor allem den Freien- und Reichsstädten zugeschrieben. Die bedeutendsten Beispiele sind Nürnberg, Ulm, Rothenburg ob der Tauber, Schwäbisch-Gmünd und Schwäbisch-Hall⁴. Nur die Reichsstädte konnten nach Auffassung einiger Forscher als Landesherr fungieren. Der Begriff Landgebiet wird einerseits als Synonym für Territorium verwendet, andererseits für städtische Gebiete, in denen der Rat der Stadt keine landesherrlichen Rechte ausübte. Beispiele für eine Landgebietspolitik geben die selbständigen und landesherrlichen Städte Hamburg, Müneburg, Bremen, Braunschweig⁵, Leipzig⁶ und Erfurt⁷ ab. In der Literatur wird allerdings eine solche klare begriffliche Differenzierung von Territorium und Landgebiet nicht immer eingehalten. Die Untersuchungen zu einzelnen Städten haben auch gezeigt, dass nicht nur Reichsstädte landesherrliche Rechte in ihrem Gebiet ausübten, sondern auch landesherrliche Städte wie z.B. Soest (Westfalen)⁸.

Riga war weitestgehend selbständig, war aber keine Reichsstadt; deshalb können wir in bezug auf das Patrimonialgebiet von einem Landgebiet sprechen. Die Herrschaftsverhältnisse in

Livland, gekennzeichnet durch die Auseinandersetzungen zwischen den Erzbischöfen und den Ordensmeistern, waren allerdings recht kompliziert. Aus diesem Grunde konnte Riga sein Gebiet fremden Einflüssen und Ansprüchen weitgehend entziehen. Die Bewohner des Landgebietes zahlten keine landesherrlichen Steuern und leisteten keine Abgaben an die Stadt.

Nachdem sich die Stadt fast drei Jahrhunderte auf den Erhalt und die Erweiterung des Patrimonialgebietes konzentriert hatte, betrieb sie nach der Reformation eine umfangreiche Erwerbspolitik in Liv- und Kurland. Im Gefolge der Reformation erwarb sie bis 1621 durch Schenkung und durch Kauf Güter des ehemaligen Domkapitels zu Riga⁹. 1621 erhielt die Stadt als Schenkung Gustav Adolfs Amt und Flecken Lemsal¹⁰. Weiterhin kaufte die Stadt zwischen 1586 und 1767 34 grössere und kleinere Höfe mit dazugehörigen Bauern. Für 23 Höfe wendete die Stadt mehr als 43 000 Reichstaler auf¹¹. Ein solcher umfangreicher Güterkauf im Spätfeudalismus liess sich für deutsche Städte nicht nachweisen. Das hängt vor allen Dingen damit zusammen, dass die deutschen Städte im Ergebnis des Aufbaus der einzelnen Territorien ihre Selbständigkeit einbüssten und damit auch die Herrschaft über ein ländliches Gebiet. Dieser Prozess setzte bereits im 15. Jh. ein und erreichte Ende des 18. Jh. seinen Abschluss. Der Verlust der städtischen Selbständigkeit bedeutete nicht in allen Fällen den Verlust des gesamten Grundbesitzes auf dem Lande. Riga's umfangreicher Grundbesitzerwerb bis ins 18. Jh. liegt zum einen darin begründet, dass Ende des 16. Jh. die Macht des Ordens gebrochen worden war und zum anderen darin, dass sich in relativ kurzer Zeit polnische, schwedische und russische Herrscher ablösten. Die Stadt verstand es immer wieder, sich von dem jeweiligen neuen Herrscher ihre Privilegien bestätigen zu lassen.

Die beiden genannten Besonderheiten haben ihre Ursache in der Geschichte der Stadt Riga. Eine Gemeinsamkeit mit den deutschen Städten bestand dagegen darin, dass der Erwerb und der Erhalt eines Gebietes grosse finanzielle Mittel erforderte. Die Nachrichten über den Umfang des Güterkaufes auf dem Lande durch Städte und Bürger verdeutlichen, dass zahlreiche

Städte über die nötigen Mittel verfügten, um Ländereien, Bauern und Rechte kaufen zu können. Diese Geldmittel flossen vor allem aus dem Handel. Der grosse finanzielle Aufwand für den Grundbesitzerwerb hatte jedoch auch negative Folgen, da er zu Verschuldungen der Städte führen konnte. Es gibt auch Beispiele dafür (Braunschweig), dass der umfangreiche Grundbesitzerwerb durch den Rat der Stadt Anlass zu innerstädtischen Auseinandersetzungen gab¹². Diese Tatsache wirft die Frage auf, welche Ursachen und Motive dem Grundbesitzerwerb zugrunde lagen und welche Bedeutung ein Gebiet für die Städte hatte. Ursachen für die Territorial- bzw. Landgebietspolitik der deutschen Städte werden ganz allgemein in der territorialen und politischen Zersplitterung des Deutschen Reiches gesehen¹³. Die Erwerbspolitik der Städte kann als Teil der Auseinandersetzungen mit dem Feudaladel angesehen werden. Ein Motiv für die Städte war also, den Einfluss des örtlichen Adels zurückzudrängen. Ein weiteres wichtiges Motiv war die Sicherung der Handelsstrassen. Dieses Motiv spielte für die Territorial- bzw. Landgebietspolitik von Nürnberg, Ulm, Lübeck, Hamburg, Braunschweig, Bremen, Lüneburg, Leipzig und Erfurt eine entscheidende Rolle. Ausser den genannten Beweggründen gab es andere-sichere Anlage von Kapital, Selbstversorgung mit landwirtschaftlichen Produkten, regelmässige Einnahmen, Absatzgebiet für handwerkliche Erzeugnisse, mehr Ansehen erringen, das ländliche Handwerk ausschalten, Nutzung günstiger Angebote, Ebenbürtigkeit mit dem Adel, System der Selbsthilfe. Eine Reihe dieser Motive trifft auch für die Erwerbspolitik der Stadt Riga zu, auf die Besonderheiten wurde bereits verwiesen.

Die Bedeutung eines Territoriums bzw. Landgebietes für die einzelnen Städte war unterschiedlich und unterlag gewissen Wandlungen.

In der Frühphase der städtischen Erwerbspolitik hatte das ländliche Gebiet vor allem politische und handelspolitische Bedeutung; erst im Spätfeudalismus nahm die wirtschaftliche Wertigkeit zu. Die Städte übten in ihren Gebieten grundherrliche, gerichtsherrliche und landesherrliche Rechte aus, nahmen feudale Herrschaft wahr. Mit der Ausübung der ge-

nannten Rechte waren regelmässige Einnahmen verbunden: Zinsen, Gülten, Zehnte, Naturalien, Steuern, Gerichtsgebühren u. a. Die Gebiete dienten auch als Rohstofflieferant für die städtischen Handwerke. Im Gebiet hatten Mühlen, Ziegeleien, Bergwerke, Hammerwerke u. a. gewerbliche Einrichtungen ihren Standort. Der finanzielle Nutzen aus den Gebieten stand jedoch häufig in Widerspruch zu den aufgewendeten Geldmitteln für den Erwerb derselben.

Für Bremen, Leipzig, Lübeck und Nürnberg wurde festgestellt, dass das Gebiet kaum finanzielle Bedeutung hatte. Grössere wirtschaftliche Bedeutung hatte das territorium für Ulm, wo die Einnahmen aus dem Gebiet 20 % der Gesamteinnahmen betragen.¹⁴

Ein Wandel in der Wertigkeit des Landgebietes lässt sich auch für Riga feststellen. Das Patrimonialgebiet hatte zunächst für die Stadt fast ausschliesslich politische Bedeutung. Erst mit der Schaffung der Landvogtei Ende des 14. Jh. wurden die Einnahmen aus dem Gebiet regelmässiger von den Bauern eingefordert und registriert¹⁵. Wie das erhaltene gebliebene Buch der Landvogtei von 1576-1578 verdeutlicht, war das Verhältnis zwischen Ausgaben und Einnahmen noch ungünstig¹⁶. Dieses ungünstige Verhältnis änderte sich erst im Ergebnis einschneidender Veränderungen in der Verwaltung des Patrimonialgebietes Mitte des 17. Jh. Das Patrimonialgebiet wurde neu eingeteilt, indem vier Amtshöfe mit dazugehörigen Bauerngemeinden gebildet wurden. Die Bauern leisteten jetzt nicht mehr nur Geld- und Naturalrente, sondern auch Arbeitsrente¹⁷. Diese Veränderungen in der Verwaltung des Gebietes sind einerseits Ausdruck dafür, dass die wirtschaftliche Bedeutung gewachsen war, andererseits, dafür, dass sich auch im Gebiet der Stadt Riga Einflüsse der Gutsherrschaft bemerkbar gemacht hatten. Die neue Organisation des Grundbesitzes und die verstärkte Ausbeutung der Bauern führten dazu, dass die Einnahmen aus dem Grundbesitz nicht nur absolut stiegen, sondern auch die Ausgaben überstiegen.

Die Bedeutung eines städtischen Gebietes hing nicht nur mit den Motiven seines Erwerbs, sondern auch mit der Grösse

zusammen. Die Grösse der städtischen Territorien und Landgebiete war recht unterschiedlich, und sie war auch nicht die gesamte Zeit über konstant. Über die grössten Territorien verfügten Nürnberg mit 1500 km² und 35 000 Einwohnern und Ulm mit 830 km² und 24 000 Einwohnern¹⁸. Die Grössenbestimmung des rigischen Patrimonialgebietes und des übrigen Grundbesitzes ist schwierig. Das Gebiet war 740 km² gross¹⁹ und zu ihm gehörten 6 Höfe mit 12 Gemeinden und 377 Bauernstellen (um 1700)²⁰. Zu Lemsal gehörten 3 Gemeinden mit 173 Bauernstellen (Mitte des 17. Jh.)²¹ und zu 16 Höfen 249 Bauernstellen (Anfang des 19. Jh.)²². Nach diesen, nicht vollständigen Angaben über seine Grösse kann sich das Landgebiet der Stadt Riga durchaus mit den Territorien von Nürnberg und Ulm messen.

Die unterschiedliche Bedeutung eines Territoriums bzw. Landgebietes für die Städte hatte auch Auswirkungen auf die Lage der Bauern. Als allgemeiner Grundsatz kann festgestellt werden, dass der städtisch-bürgerliche Grundbesitz auf dem Lande die feudalen Produktionsverhältnisse nicht veränderte. Mit dem Besitz von Gütern und Bauern wurden Städte und Bürger feudale Ausbeuter. Der Grad der feudalen Ausbeutung war in den einzelnen städtischen Gebieten unterschiedlich. In diesem Zusammenhang kann folgende These aufgestellt werden: je geringer der wirtschaftliche Wert für die Stadt war, um so weniger griff der Rat in die Verhältnisse der Bauern ein.

In der Literatur gibt es gerade zur Frage der Auswirkungen des städtisch-bürgerlichen Grundbesitzes auf die Lage der Bauern kontroverse Auffassungen, indem einerseits die positiven Wirkungen überbetont werden; andererseits die negativen. Einige Forscher betonen den zwiespältigen Charakter des Grundbesitzererwerbs durch Städte und Bürger im Feudalismus²³. Die progressive Bedeutung des direkten Eindringens von Städten und Bürgern in die Landwirtschaft lag u.a. darin, dass die Arbeits- und Naturalrente durch die Geldrente abgelöst wurde, die Bauern in die Markt- und Ware-Geld-Beziehungen einbezogen wurden, wodurch sie stärkere Anreize für die Steigerung der Produktion erhielten. In diesem Prozess trat eine zeitweilige Verbesserung der Lage der Bauern

ein. Die blosse Existenz freier Bürger und die Möglichkeit des Zuzugs für die Bauern in die Städte gab dem bäuerlichen Klassenkampf wesentliche Impulse. Die negativen Auswirkungen bestanden darin, dass die Bürger den Markt beherrschten, die Preise bestimmten, das ländliche Handwerk und Gewerbe zurückdrängten. Das Entscheidende war jedoch, dass Bürger und Städte ihre Ländereien ausschliesslich mit feudalen Methoden bewirtschafteten. Diese Erscheinung führte dazu, dass sich zwischen Stadt und Land wirtschaftliche und politische Gegensätze auftraten. Teile der Bürgerschaft, besonders die Oberschichten, entwickelten sich zu feudalen Ausbeutern und ihre Interessen näherten sich denen des Feudaladels an²⁴. Diese Aussagen lassen den Schluss zu, dass die Lage der Bauern in den städtisch-bürgerlichen Gebieten nicht wesentlich besser war als in den kirchlichen und adligen. Die vorliegenden Forschungsergebnisse zu den einzelnen Städten reichen jedoch noch nicht aus, um die Frage für jede Stadt und für den städtisch-bürgerlichen Grundbesitz insgesamt ausreichend beantworten zu können.

Für den Grundbesitz der Stadt Riga liess sich eine Tendenz zur Verschlechterung der Lage der Bauern seit dem 17. Jh. feststellen. Diese Verschlechterung der Lage der Bauern zeigt sich u.a. in der Einrichtung von Frohhöfen, in der Einführung der Arbeitsrente und in einer Erhöhung der Natural- und Geldabgaben. Die persönliche Freiheit und das Erbrecht der Bauern sind jedoch ein Ausdruck dafür, dass die Lage der Bauern im Vergleich zum adligen Bereich günstiger war. Zusammenfassend kann festgestellt werden, dass das Patrimonialgebiet und der übrige Grundbesitz der Stadt Riga in der Geschichte der Stadt eine wichtige Rolle gespielt hat. Der Vergleich mit deutschen Städten hat Gemeinsamkeiten und Unterschiede in den Ursachen und Motiven und in der Bedeutung des Grundbesitzererwerbs verdeutlicht. Auch das Beispiel Rigas hat gezeigt, welche wichtige Bedeutung der Erwerb von Ländereien, Bauern und feudalen Rechten für die Geschichte der Städte im Feudalismus hatte.

Anmerkungen

- 1 Zentrales Staatliches Historisches Archiv der Lettischen SSR (ZSHA LSSR). Bulla über Pinken und Holmhof. - Fonds 8, Op. 2. - Kopsell B. - N 73; Privilegium über Klein Jungfernhof. - Fonds 8. - Op. 2. - Kap. B. - N 41.
- 2 Getheln G. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes und der angrenzenden Landschaften. - Strassburg, 1892. - Bd.1.
- 3 Steinert R. Das Territorium der Reichsstadt Mühlhausen in Thüringen. - Diss. - Leipzig, 1910. - S.9.
- 4 Reimann K. Untersuchungen über die Territorialpolitik deutscher Reichs- und Freistädte. - Diss. - Breslau, 1935.
- 5 Behr H.-J. Die Landgebietspolitik nordwestdeutscher Hansestädte // Hansische Geschichtsblätter. - 1976. - 94. Jg. - S. 17-35.
- 6 Emmerich W. Der ländliche Grundbesitz des Leipziger Rates. - Leipzig, 1936.
- 7 Rommel L. Grundherrschaftliche und bäuerliche Verhältnisse im Gebiet der Stadt Erfurt am Beginn des 16. Jahrhunderts // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. - 1980. - T. 11. - S.159-180.
- 8 Diekmann K. Die Herrschaft der Stadt Soest über ihre Börde // Westfälische Zeitschrift. - 1965. - 115. Jg. - S. 109.
- 9 Bulmerincq A.v. Vier Bücher der Landvogtei der Stadt Riga. - Riga, 1923. - 1. Bd. - S. 147f.
- 10 ZSHA LSSR. - Fonds 8. - Op. 2. - Kap. B. - N 15.
- 11 Ibid. - Kap. A. - B. - C. - D.
- 12 Behr H.-J. Die Landgebietspolitik... - S. 32.
- 13 Reimann K. Untersuchungen über ... - S. 6.
- 14 Neusser G. Das Territorium der Reichsstadt Ulm im 18. Jahrhundert. - Ulm, 1964. - S. 162.
- 15 Bulmerincq A.v. Die Besiedlung der Mark der Stadt Riga 1201-1600. - Riga, 1921. - S. 19.
- 16 Bulmerincq A.v. Vier Bücher der Landvogtei... - S. 87 f.
- 17 Ibid. - Riga, 1931. - Bd. 3. - S. 2.
- 18 Wunder G. Reichsstädte als Landesherren // Zentralität als Problem der mittelalterlichen Stadtgeschichtsforschung. -

- Köln; Wien. - 1979. - S. 79.
- 19 Bunge G.F.v. Die Stadt Riga im vierzehnten und fünfzehnten Jahrhundert. - Leipzig, 1878. - S. 72.
- 20 Bulmerincq A.v. Vier Blöcher der Landvogtei... - S. 81 f.
- 21 ZSHA LSSR. - Fonds 673. - Op. 1. - d. 193.
- 22 Ibid. - Fonds 7172. - Op.2. - D. 18; Fonds 7172. - Op.1. - D.162, D.161; Fonds 673. - Op. 1. - D. 664; Fonds 673. - Op. 1. - D. 328.
- 23 Fritze K. Am Wendepunkt der Hanse. - Berlin, 1967. - S.82.
- 24 Ibid. - S. 82 f.

М. Духанов

Прибалтийское дворянство, царизм и реформы
(50^е-60^е гг. XIX в.)^X

Тему данной статьи нельзя отнести к числу изучаемых впервые. Она исследовалась многими учеными уже на протяжении более 100 лет, и тем не менее интенсивность ее изучения не снижается, а в марксистской литературе даже растет.

Такое явление объясняется, во-первых, пониманием того, что целостная картина прошлого Латвии и Эстонии немислима без четкого представления о таком их элементе, как история прибалтийского дворянства, державшего в своих руках судьбы этого региона на протяжении столетий. Второй причиной можно считать широкие возможности этой темы для решения на конкретно-историческом материале таких общетеоретических проблем, как роль господствующих классов в историческом процессе, их взаимоотношения с государством, влияние экономических и политических мотивов на политику дворян, влияние крестьянского движения на процесс социально-экономических и политических изменений и т. д. Причина интереса к данной теме состоит еще в возможности, исследуя ее, выйти за пределы рамок прибалтийского региона и с позиций компаративизма анализировать проблемы истории Латвии и Эстонии в общеевропейском контексте (объяснительные черты прибалтийского дворянства и его специфика). Немалый интерес вызывает эта тема, наконец, и как одна из главных точек соприкосновения научных интересов историков-марксистов и немарксистов.

В связи с этим несколько дополнительных сообщений. Думаю, что весь цех историков-профессионалов объединяют по меньшей мере два важных фактора: интерес к истории и общая, чрезвычайно ответственная задача — хранить коллективную память о прошлом и передавать ее последующим поколениям.

Что касается отличия, то их наиболее глубокие корни лежат в сфере методологии, в применении к исторической науке

^X Данная статья опубликована в журнале "Zeitschrift für Ostforschung". — 1985. — Н. 4. — с. 558-567.

диаметрально противоположных философски-теоретических учения. Отсюда — различия в видении и истолковании предмета исследования, в выборе критериев оценки, в обобщающих выводах.

Однако все эти принципиально важные различия не исключают возможности продуктивного сотрудничества историков разных направлений, при том обязательном условии, что обе стороны в диалоге руководствуются интересами науки и ведут спор, проявляя желание и искусство понимать друг друга. В таком случае дискуссия выдвигает перед каждой из сторон новые научные вопросы, будит мысль, заставляет искать наиболее убедительные доводы и вносить по мере лучшего понимания проблемы коррективы в свои прежние взгляды.

Хочется утверждать, что названным требованиям в последние годы отвечало и обсуждение проблем истории Прибалтики в рамках регулярных конференций в Риге и Марбурге. Конечные станции, на которых расположились обе стороны, отстоят, конечно, и сегодня далеко друг от друга. Но на промежуточных станциях наши пути скрещиваются все чаще. Причем это относится не только к фактографии, к признанию и использованию новых фактов, введенных в научный оборот, но и к немаловажным заключениям.

Примеры такого сближения на промежуточных станциях имеются и по теме данной статьи. Так, например, представляется правомерным считать, что в историографии Прибалтики в ФРГ уже нет прежнего единодушия в утверждениях о готовности дворян к реформам и тем более об их роли как инициаторов реформ. В свою очередь, автор настоящей статьи, оставаясь верным точке зрения о преобладании консерватизма в политике прибалтийских дворян и после перехода к буржуазному обществу, отчетливее, чем ранее, видит способность дворян адаптироваться к капитализму.

Сближаясь на промежуточных станциях, мы, однако, по-прежнему расходимся в итоговых оценках. Наиболее спорным вопросом остается характеристика отношения дворян к реформам, способствовали ли они процессу буржуазных преобразований или задерживали его, держали ли курс на радикализацию или

сужение этого процесса, какими мотивами руководствовались при этом.

Исследуемый здесь период ограничен практически двумя десятилетиями — 50-ми—60-ми годами прошлого века. Такое ограничение связано с тем, что именно тогда в прибалтийских губерниях были реализованы наиболее значительные буржуазные реформы, и их итоги явились предпосылкой более поздних изменений в экономике, социальной структуре, национальных отношениях, народном просвещении и культуре.

Еще одно ограничение статьи состоит в том, что в ней не предполагается подробное изложение событий. История реформы, вопрос о том, "как это в действительности происходило", рассмотрен в других публикациях автора¹, и их материалы служили основой при написании данной работы.

Первое, что привлекает внимание историка при анализе отношения дворян к реформам — это многократная и частая смена их тактического курса. Если изобразить его графически, получится зигзагообразная линия. Возьмем для примера главные вехи становления самой важной из буржуазных реформ — Положение о лифляндских крестьянах 1860 г.

В 1849 г. Николай I утвердил это Положение в качестве временного закона. Главным в нем были решения о продаже земли крестьянам и переходе от барщины к денежной ренте. Однако уже через пять лет, в 1854 г. лифляндский ландтаг образовал комиссию для пересмотра и переработки этого закона, а еще через 2 года — в 1856 г. — принял новый проект, в котором фактически перечеркнул главные пункты, зафиксированные в 1849 г. Наконец, в 1860 г. произошло фактическое возвращение к тому, что было решено в 1849 г., т.е. II лет назад. Александр II утвердил новое Положение о лифляндских крестьянах, почти не отличавшееся от прежнего. Однако и на этом точка не была поставлена. Наступил 3-х летний период "ничего неделания" по реализации этого закона. В итоге к 1863/64 хозяйственному году доля проданных крестьянам земель не достигла и 2,5%, а по вопросу об отмене барщины не был даже установлен срок. Новая вспышка активности произошла в марте 1864 г. — марте 1865 г., когда два ландтага, один за другим

решили активизировать продажу земли и назначили срок отмены барщин. Но по истечении небольшого времени эта попытка, в виде относительного оживления продажи земли крестьянам, угасла.

Чем же обусловлены столь частые повороты тактики дворян в отношении к реформам? Современникам, даже хорошо информированным, но видевшим все со стороны, они представлялись как нечто "неожиданное и внезапное" (так оценивал некоторые из них Александр II).

Однако, как показывает изучение истории реформ, ничего неожиданного или хотя бы случайного в этих поворотах не было. Была железная логика классовых интересов, обусловленная неравномерным течением событий. Именно ей и диктовалась зигзагообразность тактической линии. Ее высшие точки — периоды наибольшей готовности дворян к реформам — совпадали с кульминацией крестьянского движения. И наоборот — низкие точки — моменты самого упорного противодействия дворян реформам — сливались со временами спада движения крестьян или его полного затишья. Вспомним выступление крестьян, вошедшее в историю как "война в Махтре" (апрель—август 1858 г.). Известно, что она повлияла даже на изменение правительственной программы освобождения крестьян в России в 1861 г. Тем большее воздействие она оказала на политику царизма в Прибалтике. В самой прямой форме это сказалось в принятии Александром II в 1859 г. решения о пересмотре утвержденного им же незадолго до этого (1856 г.) Положения об эстляндских крестьянах, неудовлетворенность которым и привела к войне в Махтре.

На крайнюю необходимость такого шага царь указал генерал-адъютант Н. В. Исаков, направленный в губернию для подавления крестьян. Выполнив свою кровавую миссию, он счел, однако, нужным предупредить царя о недостаточности репрессивных мер и необходимости реформ. Народ, писал Исаков, — "не долго может оставаться в рамках безропотного повиновения, как бы велик ни был запас его терпения"³. Также Э. Эттинген, брат губернатора Лифляндии А. Эттингена объявлял эволюцию правительственного курса в 1864 г. тем, что на царя и Валуева "нагнала страх" "большая петиция эстляндских крестьян"⁴. Аналогич-

ным примером является резкое обострение в 1863 г. ситуации в Курляндии и вблизи ее границ — в Литве, Белоруссии, Польше, приведшее к принятию "вдруг" решения курляндских дворян начать продажу земли крестьянам, чему они до того упорнейшим образом противились.

Отметим, что в таких, особенно острых ситуациях на дворян усиливалось давление и "сверху" в форме советов, увещаний, а иногда и требований вступить на путь реформ. Во многих случаях это вызывало среди дворян опасения, как бы правительство не взяло дело реформ в свои руки и не пошло на большие уступки, чем те, которые сами дворяне считали максимально возможными. В итоге они становились более покладистыми, и именно в таких случаях давление "сверху" приносило наибольший эффект.

Следует лишь добавить, что в особо острых ситуациях и само дворянство выступало в необычной для себя роли "толкача" реформ. Так было в Курляндии (июль-август 1863 г.), когда руководителю сословия К. Рекке при поддержке генерал-губернатора В. Ливена добивался скорейшего утверждения Петербургом решений Братской конференции по вопросу о продаже земли крестьянам⁵. Сходно, согласно информации риттерштафтсгауптманна А. Кайзерлинга, были настроены после "войны в Махтре" и эстляндские дворяне⁶.

Такова внутренняя логика зигзагообразной тактики. Ее развитие определял прежде всего "напор снизу". "Давление сверху" имело лишь второстепенное значение, поскольку оно чаще всего осуществлялось в умеренных формах.

Все, что пока говорилось о характере и мотивах дворянской политики реформ, отнюдь не означает, что дворян к изменениям вынуждали одни лишь внешние факторы. Имелись и внутренние, так сказать, собственные побуждения, к тому же важные. Но, судя по источникам, это были, как правило, мотивы экономические, обусловленные стремлением лучше хозяйствовать в своем имении. Применять значение прилагавшихся к этому усилий, конечно, никак нельзя, ибо в сочетании с тем, что в положительном смысле отличало дворян Прибалтики от большого числа русских дворян (прежде всего непосредственное руковод-

ство именем и склонность к предпринимательству), это способствовало тому, что феодальный помещик мог относительно быстро превратиться в аграрного капиталиста, что влияло на более высокие темпы развития аграрного капитализма в прибалтийских губерниях и в известной мере и на социальные изменения.

Однако и настроившись на ведение хозяйства по-капиталистически, прибалтийские дворяне как сословие оставались решительными противниками реформ. В качестве владельца имени каждый из них видел преимущества новых форм хозяйствования и руководил именем так, как это представлялось ему наиболее доходным. Но это вполне совмещалось с тем, что в ландтаге он решительно выступал против узаконения этих мер. Мы видели уже при обзоре истории Положения 1860 г., с каким упорством дворянство сопротивлялось узаконению отмены барщины и пролази земли крестьянам, т.е. тех мер, пользу которых часть сословия осознало еще в 40-х гг, а большинство - немногим позднее.

Чем объяснить столь различное, иногда даже противоречивое повеление дворян? Вопрос это не простой и его полное решение представляется невозможным без дополнительных исследований всей совокупности экономических, политических и психологических аспектов истории Прибалтийских дворян. Поэтому ограничимся пока лишь некоторыми предположениями.

Противоречивость поведения дворянина можно было бы попытаться толковать как результат разрыва между широтой видения хозяина, хорошо знавшего свое дело и личные интересы, и узостью сословного кругозора, неумением видеть общую пользу. Думаю, однако, что такое толкование никак не подходит к прибалтийским дворянам, очень опытным в делах политики и крайне щепетильным в соблюдении сословных интересов. Не хотелось бы также считать противодействие дворян реформам ошибкой. Наоборот, с точки зрения своих сословных интересов они действовали правильно и иначе действовать не могли, ибо в противном случае довели бы дело до самоуничтожения.

Дело в том, что господство дворян в условиях капитализма мыслимо лишь как реликт, как явление, сохранившееся в виде пережитка прошлого, и чем больше таких реликтов в социально-

экономическом и политическом строе, тем больше шансов у дворян на политическое выживание, на сохранение своего господства. Из потребности самосохранения и вытекает неприятие дворянами реформ уже после того, как Прибалтика встала на путь капиталистического развития, да и сам помещик стал хозяйствовать по-капиталистически.

В этом и состояла суть дворянского консерватизма, типичного не только для Прибалтики, но и для других регионов, где переход к капитализму произошел без буржуазной революции и дворяне остались на положении господствующего слоя⁷.

Что касается прибалтийского дворянства, то его последовательно консервативная позиция имела своим следствием то, что, в отличие от часто менявшейся тактики, стратегия сословия отличалась постоянством. Причем ее неизменность складывалась из двух компонентов: из нарастающей убежденности дворян, что наступление новой эпохи неотвратимо, а, с другой стороны, из поиска дворянами "минимального варианта" буржуазных преобразований для сохранения в максимально возможной мере своих господствующих позиций.

В совокупности эта стратегия ориентировалась таким образом на феодально окрашенный капитализм. Этому и подчинались практические меры дворян, их попытки держать судьбу реформ в своих руках, с тем, чтобы по возможности ограничивать меру уступок, задерживать их введение, при случае приостанавливаться или даже делать шаг назад в смысле пересмотра какой-то части узаконенного. Все это мы и видели на примере становления закона 1860 г.

И это не исключение. Напротив, как показало изучение истории буржуазных реформ, в процессе подготовки каждой из них (паспортной, волостной, регулировавшие телесных наказаний) прибалтийское дворянство даже самыми умеренными проектами, исходившими от правительства, противопоставляло свои еще более ограниченные варианты. В одном случае (судебная реформа) они и вовсе сорвали ее.

Стратегия прибалтийских дворян, как уже сказано, не была уникальной. Однако некоторые специфические условия политического строя Прибалтики придавали ей определенное своеобраз-

ние. Назовем лишь одно из них — автономия — особую привилегированность прибалтийских дворян в царской России. Значение остзейской автономии для политики прибалтийских дворян признают все. Одним из последних эту точку зрения вновь высказал Г. Раух в статье "Историческое сознание и идентичность", где автономия названа "центральным принципом деятельности немецких сословий"⁸.

Можно, конечно, по-разному оценивать автономия — со знаком плюс или минус. Но одно совершенно очевидно: без того, чтобы принимать во внимание исключительную приверженность дворян к автономии, останется непонятным очень многое и даже самое важное в их позиции, в том числе и консерватизм в отношении к реформам. При подсчете всех про и контра, неизбежных при реализации реформ, дворяне исходили из того, что установившийся статус в целом вполне отвечал их интересам. Поэтому к реформам они относились с оглядкой, считая, что в ходе изменений можно больше потерять, чем приобрести.

К. Ширрен — великий мастер формулировать консервативные настроения дворян, четко обосновал и эту причину их сверхосторожности. В своих "Лифляндских характерах" он призывал маленькую общину бережно относиться к своему наследству. Из опасений утратить малое, она не должна, писал он, стремиться к высшему. "Выстоять и держать" (Festhalten und Ausharren)¹⁰ — таким было наставление дерптского историка.

Бережное обращение с достигнутым Ширрен считал тем более необходимым еще и потому, что постоянно ощущал наличие серьезнейшей угрозы, которую опять же формулировал предельно точно в словах "нет народа с нами"¹¹ и в сравнении Лифляндии со зданием, лишенным крепкого фундамента¹², выражая тем самым ясное понимание того, насколько резко противостояли друг другу интересы латышского и эстонского населения и верхушки привилегированных сословий.

В заключение коротко о взаимоотношениях дворян и царизма по вопросу реформ. Ранее было сказано о давлении сверху и его главной причине — крестьянском движении. Однако имелись и другие причины расхождений. Одно из них юренилось в противоречии между централистскими тенденциями царизма и привер-

ленность прибалтийских дворян к автономии. Но в 60-х гг. XIX в. эти противоречия не слишком влияли на взаимоотношения в верхах и в вопросе о реформах царизм и дворянство выступали в общем как союзники. Царизм нуждался в социальной опоре. Дворяне не могли обойтись без его полицейской руки. Только благодаря царизму дворяне в сложной для себя обстановке сохранили свои завоевания и хорошо это сознавали. "Пока царь господствует над нацией ..., не погибнем и мы"¹³, - писал А. Кайзерлинг, а Т. Фиркс, развивая эту мысль, заявил о готовности прибалтийских дворян служить царю в качестве русской Ванды¹⁴.

Такое признание представляется особенно важным, ибо в нем раскрыта основа взаимoprивязанности господствующего класса и государственной власти - общность их интересов и идентичность взглядов. Именно это и прозвучало в часто цитируемых словах шефа жандармов и главы русских ретроградов П. А. Шувалова, когда в беседе с ландратом Лилиенфельдом он назвал Прибалтику "полем битвы большой политики", а свою тираду закончил словами: "консервативная партия России поддерживала вас ради укрепления своих позиций"¹⁵.

Эта цитата возвращает нас к тому, что подчеркнуто в самом начале - к консерватизму как определяющей черте всей политики дворян и в том числе их отношения к реформам.

Примечания

¹ См. Duhanovs M. Baltijas muižniecība laikmetu maiņā. Baltijas muižniecības politika 19. gs. 50.-70. gados un tās apoloģētiskās historiogrāfijas kritika. Tulkojums (ar papildinājumiem no 2. krievu izdevuma. - Rīga: Zinātne, 1986.

² Днг-Штиллинг Ф. О сельском быте лифляндских крестьян. - СПб., 1868. - С. 9.

³ ЦГАОР. - Ф. 678. - Оп. I. - Д. 594. - Л. 9.

⁴ LPSR CVVA. - 214.f. - 6. apr. - 395 b3 l. - 488. lp.

⁵ ЦГА СССР. - Ф. 1284. - Оп. 30. - I отд. 3 стол. - Л. 62. - Ч. I. - Л. 215-216.

⁶ LPSR CVVA. - 1.f. - 12. apr. - 79. l. - 178.-179. lp.

- 7 См.: Schmidt S. Junkertum und Genesis des deutschen Konservatismus im 19. Jahrhundert // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. - 1979. - H. 11. - S. 1058-1072.
- 8 Rauch G. Geschichtsbewusstsein und Identität // Jahrbuch des Baltischen Deutschtums. - 1983. - Bd. 30. - S. 15.
- 9 Schirren C. Livländische Charaktere // Baltische Monatschrift. - 1861. - Bd. 3. - S. 445.
- 10 Там же.
- 11 Там же. - С. 444.
- 12 См. там же. - С. 445.
- 13 Keyserling A. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern / Zusammengestellt von H. Faube. - Berlin, 1902. - Bd. 2. - S. 547.
- 14 Schedo-Ferroti D.K. Etudes sur l'avenir de la Russie. Huitieme etude. que fera-t-on de la Pologne? - Bruxelles, 1864. - P. 210.
- 15 Цит. по: Tobien A. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus. - Riga, 1925. - Bd. 1. - S. 372.

С. Кивиняэ

Остзейское дворянство и распространение
деятельности крестьянского поземельного
банка на прибалтийские губернии

Основанный в 1862 г. Крестьянский поземельный банк являлся в России первым государственным учреждением долгосрочного кредита для крестьян. Деятельность банка было предусмотрено распространить на все местности империи, за исключением царства Польского, Сибири, Закавказского и Прибалтийского краев. С основанием Государственного дворянского земельного банка, предоставлявшего потомственным дворянам кредит под залог имений на самых льготных условиях, Крестьянский банк превратился в его филиал. При открытии отделений Крестьянского банка основополагающим моментом стала не нужда крестьян в земле, а помощь разоренным дворянам в ее распродаже. В восточных губерниях правительство видело в банке и средство обрусения. Так, по мнению министра внутренних дел Д. А. Толстого, организация кредита в этом крае была необходима как мера, не только предупреждающая крестьянское малоземелье и отлив коренного русского населения, но и противодействующая вселению иностранных, преимущественно немецких, колонистов¹.

Перестройка деятельности в 1895 г. Крестьянского поземельного банка заключалась в попытках его теснее связать с общим дворянско-крепостническим направлением аграрной политики самодержавия². Банку было предоставлено право покупать имения дворянства, на что он получал ассигнования правительства. Одновременно были увеличены размеры ссуд банка до 90 % специальной оценки. В результате земельные операции Крестьянского банка намного расширились.

Отделения Крестьянского банка были уже открыты в Польше, и в новом уставе из области его действия не исключался и Прибалтийский край. Лифляндский губернатор Н. С. Суворцов

в своем рапорте за 1896 г. считал, что одним из мероприятий правительства, направленных на упорядочение аграрных отношений и поднятие материального благосостояния крестьян, могло бы послужить распространение на губернии действия Крестьянского банка. Это же в следующем году предложил и Эстляндский губернатор Е. Н. Скалон для ускорения перехода арендных участков в собственность крестьян в своей губернии или хотя бы оказания помощи некоторой части русских крестьян при покупке земли³.

Именно последний момент привлекал внимание министра внутренних дел И. Л. Горемыкина. В письме министру финансов С. П. Витте он указывал, что ввиду приостановления выселения русских крестьян из прибалтийских губерний наиболее целесообразным было бы распространение действия Крестьянского банка на край. По поручению Витте был разработан соответствующий проект, который рассматривался на представительном правительственном совещании в 1900 г. В довольно содержательном изложении дела резко критиковались как аграрные отношения в крае, так и деятельность местных дворянских кредитных обществ. Особо подчеркивалось, что фактически кредитные общества претворяют в жизнь аграрную политику рыцарств, а их роль далеко не ограничивается ипотечным делом: "Владея монополией долгосрочного банкового поземельного кредита в своем районе, пользуясь обширной властью над своими заемщиками как при самом заключении, так и во все продолжение займа, находясь в бесконтрольном и безответственном управлении тесно связанной корпорации своих членов-владельцев дворянских вотчин, связанных между собой общностью хозяйственных и сословных интересов, банки эти представляют собой могущественные учреждения, способные оказывать огромное влияние на весь быт страны, организацию ее аграрных отношений. Они являются одними из важнейших центров общественной жизни и деятельности в крае, значение, роль и цель коих не ограничивается пределами чисто кредитных операций, что, между прочим, доказывается тем известным фактом, что в залоге их находятся почти все дворянские имения края, в том числе и те, владельцы которых не имеют

надобности в кредите и хранят у себя полученные в ссуде закладные листы"⁴.

Для введения действия Крестьянского банка в прибалтийские губернии было предусмотрено ввести в устав банка ряд дополнений и изменений. Однако возник принципиальный вопрос о прекращении в этом случае выдачи ссуд под залог крестьянских участков дворянскими кредитными обществами, так как при их конкуренции крестьяне едва ли могли пользоваться помощью, предоставляемой Крестьянским банком. Окончательное решение так и не было принято, отчасти по финансовым причинам⁵. Ввиду потребности в средствах для удовлетворения земельных нужд русского крестьянства и его предпочтения населения окраин было, например, отклонено содействие мелкой польской шляхте в ее поземельном устройстве. Было очевидно, что деятельность Крестьянского поземельного банка не могла бы увеличить землевладение русских крестьян в Прибалтийском крае, да и сократить малоземелье. Но именно малоземелье и пролетаризация крестьянства считалось в правительстве наиболее угрожающим явлением⁶. Этим целям больше отвечало предложение Курляндского губернатора частично распределить казенные имения⁷.

Необходимо подчеркнуть, что для остзейского дворянства распространение деятельности Крестьянского банка, несмотря на экономические выгоды, представляло опасность, заключавшуюся в праве банка покупать и раздроблять дворянские имения. Ведь вся система земского самоуправления края базировалась на привилегиях т. н. рыцарских имений, и только владельцы ими, имматрикулированные дворяне могли полноправно участвовать в самоуправлении. С другой стороны, вовлечение Остзейского края в общеперскую систему поземельного кредита дало бы центральной власти возможность вмешаться в местное аграрное развитие и означало бы еще один шаг в сторону унификации края. Кроме того, недавно была реорганизована деятельность дворянских кредитных обществ. В 1896 г. был утвержден новый устав Лифляндского общества, а при гарантии Рижского биржевого банка и банка Мендельсона в Берлине была проведена конверсия долгов и облигаций. В результате удешевления кре-

дита и повышения размера ссуды до 8000 руб. с така сразу же требования ссуд как помещиков, так и крестьян, участились.⁸ Эстляндское общество провело конверсию при поддержке Петербургского коммерческого банка и также банка Мендельсона⁹. По новому уставу 1898 г. минимальная оценочная стоимость заложенного крестьянского участка уменьшилась с 500 до 300 руб. Поскольку был открыт и новый вид поземельного кредита - мелiorативный, можно было ожидать дальнейшего расширения операций дворянских кредитных обществ.

Заинтересованность крестьян в помощи Крестьянского банка обнаружилась в ходе особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. Во многих предложениях, особенно из Эстляндской губернии, где почти половина крестьянской земли была еще не продана, содержались требования введения действия банка, в том числе принудительной продажи по установленной цене всей крестьянской земли. Но предводитель Эстляндского рыцарства барон Э. Деллингсхаузен высказался против этого, так как Крестьянский банк выдавал ссуды в гораздо большей мере, нежели Эстляндское дворянское кредитное общество, а это вызывало бы увеличение спроса на покупку земли и, как во внутренних губерниях, повышение цен на землю. Благодаря предоставлению обширного кредита землю могли бы купить и лица, владеющие лишь незначительным капиталом, но готовые больше рисковать, вытесняя прежних арендаторов. Указывая на некоторые моменты в уставе Крестьянского банка, не отвечающие местным условиям, Деллингсхаузен считал, что, в губернии вообще нет необходимости ускорить продажу крестьянской земли, а действия банка оказались бы невыгодными для крестьян; напротив, эта мера была бы выгодной для продающих участки помещиков, но интересы "крупных и мелких землевладельцев так тесно связаны друг с другом, что мера, служащая одностороннему интересу лишь одного сословия, не может быть рекомендуема", - так резюмировал он обычной дилематической формулировкой Эстляндского рыцарства¹⁰. Подробнее сравнил условия выдачи ссуд Кредитного общества и банка один из руководящих деятелей Лифляндского дворянского кредитного общества Ф. Шульц фон

Ашерден, также считая, что условия банка не отвечают местным условиям¹¹.

На Особом совещании 1902 г., где крестьянское население представляла только сельская буржуазия, выяснились коренные противоречия между помещиками и крестьянством. По-прежнему утверждая, что аграрное положение в крае образцовое и реформы не нужны, остзейское дворянство сдержанно, но принципиально старалось избегать вмешательства правительства. Губернаторы, лучше понимая изменение расстановки классовых сил, признавали обоснованность крестьянских требований. Лифляндский губернатор М. А. Пашков высказался также за распространение деятельности Крестьянского банка¹². Эстляндский губернатор поднял этот вопрос вновь в отчете за 1902 г., что обратило на себя внимание царя. Рассмотрение проекта о распространении операций банка на Эстляндскую губернию вызвало, по мнению губернатора, несущественные возражения со стороны местного дворянства.

В это время роль Крестьянского банка по претворению в жизнь аграрной политики царизма оказалась в центре внимания правительства. В правящих кругах сформировалось направление, поддерживавшее буржуазное развитие. Однако МВД твердо придерживалось крепостнической линии, и в комиссии А. Н. Оболенского, рассматривавшей формы и методы выхода из аграрного кризиса, было предложено в целях охраны помещичьего землевладения полностью прекратить операции Крестьянского банка в большинстве губерний Европейской России¹³. Распространение действия банка на прибалтийские губернии в этих условиях явно не могло быть актуально, но фактическое безземелье на месте не позволило его совсем отменить. В. Н. Коковцев выслал в июне 1904 г. в Комитет министров дело совещания 1900 г., а в своей записке отмечал необходимость, хотя и несвоевременность включения прибалтийских губерний в круг действий Крестьянского банка, ссылаясь на положение Комитета финансов из-за войны временно сократить операции банка. Особый комитет по делам земельного кредита и предложил вопрос решить отрицательно¹⁴.

Новая аграрная политика царизма, известная под назва-

нием столыпинской, в общем выкристаллизовалась к осени 1906 года, но поворот начался уже в первые месяцы революции. Осенью 1905 г. управление Крестьянского банка усердно подготавливало расширение действий и в связи с этим было выдвинуто предложение при покупке имений, заложенных в земельных акционерных банках, принимать на себя долги этим банкам¹⁵. При распродаже имений Крестьянский банк обязывался ничем не нарушать интересы земельных банков. Это предложение было обсуждено на заседании комитета съездов земельных банков 23 ноября и передано в Государственный совет 25 января 1906 г.

В аграрных требованиях крестьянства в Прибалтике в 1905 г. вопрос о Крестьянском банке оставался по-прежнему важным. Однако и позиция некоторой части дворянства в отношении банка стала меняться тогда, когда край охватило мощное крестьянское движение, многие имения были разорены и помещичьему хозяйству нанесен крупный ущерб. Влияние имел и один неожиданный фактор. В силу указа от 3 ноября подлежало уменьшению и последующему прекращению взимание крестьянских выкупных платежей. В прибалтийских губерниях это коснулось лишь крестьян, выкупивших государственную землю. Но, по мнению обердиректора Лифляндского Дворянского кредитного общества П. Клапье де Колонк, можно было ожидать, что и собственники участков государственной земли, получившие кредит от общества, не будут платить свои взносы, а вследствие агитации, которой немало способствовала эстонская и латышская печать, крестьяне вообще откажутся от всяких дальнейших платежей в пользу продавцов, т.е. помещиков, и кредитного общества¹⁶. Как указал директор, непоступление платежей в срок лишило бы общество возможности исполнять свои обязанности, "последствием чего не только существование всего института грозила бы опасность, но и благосостояние всей Лифляндской губернии страдало бы..." Ведь капиталы фидейкомиссов, легатов, благотворительных учреждений, а также волостных обществ и частных лиц в большей части были обременены на закладные листы кредитного общества. Кроме того, общество субсидировало разные организации. Ссылаясь на столь значительный

политический и экономический поворот в губернии, Клапье де Колонк считал желательным распространение действия банка на губернии, тем более, что к этому стремилось крестьянство; подобная мера имела бы следствием не только охрану материальных интересов, но и "политическое успокоение". Несостоятельность кредитного общества дискриминировала бы все дворянство и влияла бы существенно на его экономическую и административную власть.

Предложение Клапье де Колонк вначале не получило поддержки в Риге. Лишь весной должно было состояться общее собрание кредитного общества. Само Лифляндское рыцарство было против этой меры¹⁷. Но выступление обердиректора Лифляндского Дворянского кредитного общества могло быть непосредственно связано с проектируемым нововведением в действие банка, тем более, что советник кредитного общества Р. фон Герсдорф в эти дни был в Петербурге и сразу же информировал дирекцию о состоянии дел. Одновременное обсуждение распространения деятельности банка на прибалтийские губернии позволяет предполагать тесную связь между этими вопросами. Без перечисления ипотечных долгов сфера деятельности Крестьянского банка в Прибалтийском крае оставалась узкой, а покупка земли банком была бы затруднена, так как почти все имения вместе с принадлежавшей им крестьянской землей были заложены в местных кредитных обществах.

В Эстляндии в ходе революционного движения сильно выросли предложения на продажу облигаций и свидетельств кредитного общества¹⁸. Хотя общество имело достаточно наличных денег, ситуация оказалась опасной. Так, Эстляндское рыцарство, а затем, и местное дворянское кредитное общество присоединились к предложению директора Лифляндского кредитного общества. В докладной записке министру финансов от 30 января Деллингсхаузен, указывая на обман в соседних губерниях в Эстляндской губернии задолженности крестьян кредитному обществу и продавцам-помещикам, обосновывал необходимость введения Крестьянского банка именно тем, что большая часть

крестьянской земли еще не продана¹⁹. Но банку назначалось все же лишь выдача ссуд крестьянам, а не покупка имений.

В это же время представители прибалтийского дворянства уже устремились за помощью в Берлин. Как видно из исследований Г. фон Пистолькорса, лифляндский ландрат М. фон Зиверс вел переговоры с Немецким банком о получении займа под солидарную гарантию Лифляндского рыцарства и надеялся провести эту акцию совместно с эстляндцами и курляндцами²⁰. Превысив свои полномочия, в представленном им в МИД Германии меморандуме (январь 1906 г.) он просил возможной помощи со стороны Германии далеко идущее политическое содействие. Когда выяснилось, что разумнее было бы заключить договор о займе между Немецким банком и Лифляндским дворянским кредитным обществом, Зиверсу пришлось переориентироваться на заем под залог пожалованных рыцарству имений. Представители Эстляндского рыцарства с самого начала пытались получить заем под залог имений рыцарства и в марте Дедлингсхаузен получил уже согласие царя на это; курляндцы заграничного займа не добились, а получили заем от Государственного банка по очень высокому проценту.

Но и в Германии проявилась инициатива поддержать прибалтийских немцев, чему немало способствовала кампания в правой прессе против "датской революции", организована прибалтийскими эмигрантами во главе с профессором Т. Лиманом²¹. Еще в конце 1905 г. в Берлине был создан вспомогательный комитет под председательством бывшего рижанина О. фон Фез для оказания помощи пострадавшим немцам в России. Было собрано свыше 1 млн. марок, которые в большей части были переданы прибалтийским соплеменникам. Но малоизвестен тот факт, что и союз немецких дворян при участии герцога Шлезвиг-Гольштейна, своего Вильгельма II, провел такую акцию в пользу прибалтийских дворян. Организовал эту акцию выходец из эвельских дворян Георг фон Засс²². За короткий срок 50 000 марок было передано представителям прибалтийских рыцарств. Суть этих акций заключалась больше в мо-

ральной поддержке, чем в финансовой помощи. Прибалтийским помещикам требовались гораздо большие суммы. Из мемуаров Засса известно еще, что наряду с Курляндским, Лифляндским и Эстляндским рыцарствами и Эзельское рыцарство имело официальных представителей в Берлине.

Предложение Зиверса и Эттингенов запросить крупный заем у Германии было одобрено на ландтаге в марте 1906 г., однако представители прибалтийских рыцарств и дворянских кредитных обществ совместно уже обсуждали и вопрос о распространении деятельности Крестьянского поземельного банка на край. К этому времени альтернативность в этом отношении стала немислимой, так как соответствующий законопроект был уже подготовлен. Речь, главным образом, шла о применении устава банка к местным условиям и интересам дворянства. Было предложено выдавать ссуды хозяевам единолично, а в состав управлений отделений банка включить по 2 члена по избранию ландтагов²². Все же было указано, что местному законодательству противоречит право банка дробить имения. Это ограничение не было учтено, но правила банка по выдаче ссуд во многом были приспособлены к особенностям аграрного и гражданского законодательства Прибалтики; в первую очередь разрешалось выдавать ссуды под залог уже купленной крестьянами земли. Закон о распространении деятельности банка на прибалтийские губернии царь утвердил 26 апреля 1906 г.²⁴

Введение действия Крестьянского банка должно было принести в край значительные дополнительные капиталы. Для операций новых отделений первоначально было ассигновано свыше 20 млн. рублей. Но Зиверс придерживался своего плана даже после утверждения закона о распространении деятельности банка. Наоборот, противодействие Крестьянскому банку стало у него важным мотивом. Заем в размере 5 млн. рублей Лифляндскому рыцарству и в 2 млн. г. Риге казался уже реальным. Правда, условия займа были не выгодны, но в письме от 2/15 июл. Зиверс высказывал твердое убеждение, что рыцарство согласится на эти условия, поскольку заем дает дво-

рянству возможность удержать свои землевладения и именно противостоять возможному опасному проникновению Российского Крестьянского поземельного банка. 18 июня/1 июля Немецкий банк неожиданно отказался от дальнейших переговоров; как сообщил директор банка, такой заем следует одобрить в Государственной думе, но ее согласие на "балтийский заем" совершенно исключается²⁵. Рассуждая о причинах провала займовой операции Зиверса, Пистолькорс задает вопрос, мог ли и в какой степени Зиверс рассчитывать на поддержку руководящих деятелей рыцарства и немецкого населения в целом, хотя ландмаршал представлял ему свободу действий в этом вопросе и он в это время активно участвовал в направлении действий рыцарства. Причину отказа от займа Пистолькорс видит прежде всего в политически спекулятивной деятельности Зиверса на переговорах. По нашему мнению, отказ Немецкого банка больше инспирировали ожидаемые изменения на кредитном рынке в Прибалтике в связи с введением Крестьянского банка. Не было исключено, что это принесет с собой, наряду с падением курса свидетельств дворянских кредитных обществ, продажу помещиками своих имений Крестьянскому банку, особенно учитывая новое обострение революционного кризиса. А в этом случае гарантия Лифляндского рыцарства оказалась бы весьма ненадежной. Как и полагал Зиверс, ссылка Немецкого банка при отказе на необходимость согласовать заем в Государственной думе, была отговоркой. Ходатайство Лифляндского рыцарства заключить иностранный заем предполагалось по представлению МВД в Совете министров 4 и 16 июля 1906 г. Заявленная сумма убытков вследствие аграрных беспорядков в прибалтийских губерниях достигала 5 млн. рублей. Допустив, что из общего кредита в 8 млн. рублей, отпущенного для выдачи ссуд потерпевшим землевладельцам по всей России прибалтийские помещики могут получать лишь незначительную долю, Совет министров счел возможным разрешить Лифляндскому и Эстляндскому рыцарствам совершить под солидарную ответственность и под залог пожалованных им имений 5 % займа за границей в размере 5 млн. рублей (около 10,8 млн. марок),

Но как было указано, хотя иностранным поданным дозволяется прием в залог недвижимых имуществ в прибалтийских губерниях, право на приобретение их они не имеют. Царь утвердил это без согласия Государственной думы 3 августа²⁶.

Вообще изыскание прибалтийским дворянством финансовых средств в Германии было логично. Лифляндское и Эстляндское Дворянские кредитные общества, хотя и получили правительственные субсидии, в высокой мере кредитовались крупными берлинскими банками. Но правом заграничного займа рыцарства не воспользовались, а заложили в местных кредитных учреждениях имения Эстляндского рыцарства на сумму 800 тыс. руб., имения Лифляндского дворянства - на сумму около 354 тыс. руб.²⁷

Кроме того, Лифляндское рыцарство получило для помощи пострадавшим от революции помещикам свыше 900 тыс. рублей. Как подчеркивает и Деллингсхаузен, кампания по поиску средств для восстановления имений была очень удачной²⁸. Эзельское рыцарство также ходатайствовало о залоге 4 пожалованных ему имений, что обсуждалось в Совете министров 14 ноября и получило утверждение царя 1 декабря 1906 г.²⁹

Большинство прибалтийских помещиков компенсировало экономические потери от революционного движения довольно быстро. Отчасти это произошло при помощи Крестьянского банка. После открытия отделений банка эстонская печать давала основательный обзор новых кредитных возможностей. Хотя крестьянство само требовало введения банка, в газетах писали, что трудно сказать, какую пользу от этого получают крестьяне. Помещики получили возможность продавать свои имения по высокой цене³⁰. Помощь Крестьянского банка считалась не особенно существенной - не была установлена определенная цена на землю. Однако крестьяне проявили большой интерес к новым учреждениям земельного кредита. Управляющий Митавского отделения Н.Н. Бордонос заявил в управление банка, что в первые дни пришли владельцы бывшей государственной земли, которые пожелали заложить свои участки, чтобы расплатиться с наследниками. Как отметил он, в отличие от крестьян внутренних губерний, которые не спрашивали даже о том, сколько им придется платить процентов под ссуду, латыши Курляндской губернии и уст-

но и письменно интересовались условиями кредита в банке. В отделения банка поступило много заявлений от крестьян, но в 1906 г. ни одна ссуда не была выдана. Главным препятствием являлась слишком большая централизованность делопроизводства банка³².

Неожиданно много было подано заявлений от помещиков на продажу имений, в основном в Лифляндской губернии. Управление банка разрешило покупку 7 имений; заключена была лишь одна сделка. В следующем году покупка имений Крестьянским банком в Прибалтийском крае достигла уже больших размеров. Однако дворянство сумело успешно избежать столь нежелательного для него дробления имений. Если в первое время помещики предлагали продать имения целиком, то позднее они продавали только части имений, сохраняя таким образом минимальный размер т.н. рыцарского имения и связанные с его владением сословные привилегии. Хотя распространение деятельности Крестьянского банка не совсем отвечало политическим и сословным интересам остзейского дворянства, это, как и другие проводимые правительством мероприятия в крае, в рамках новой аграрной политики не наносили ему непосредственного ущерба и экономически оказались выгодными.

Примечания

- 1 Вловин В. Крестьянский поземельный банк (1883-1895 гг.). - М., 1959. - С. 47.
- 2 Симонова И.С. Крестьянский поземельный банк в системе общей аграрной политики самодержавия (1895-3.XI 1905 г.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. - Таллин, 1971. - С. 475.
- 3 См.: Кивиняэ С. Аграрная политика царизма в Прибалтике в начале XX века // Проблемы развития социально-экономических формаций в странах Балтики. - Тарту, 1978. - С. 125-141.
- 4 ЦГИА СССР. - Ф. 1291. - Оп. 62. - Д. 94. - Л. 21.
- 5 В последнее время пассивные операции Крестьянского банка расширились, а курс его сбережений был ниже номинала.

- Но по предварительным расчетам для покупки крестьянской и
квотной/шестидольной земли в Эстляндской губернии нужно бы-
ло свыше 21 млн. руб., в Лифляндской (в основном, на о. Саа-
ремаа) - почти 32 млн. руб., а вместе с погашением долгов
во всем крае - свыше 141 млн. руб. (ЦГИА СССР. - Ф. 1291. -
Оп. 62. - Д. 94. - Л. 34.)
- 6 Кризис самодержавия в России 1895-1917. - Л., 1984. - С.
57-67.
- 7 Кивимяэ С. Аграрная политика царизма в Прибалтике в на-
чале XX века... - С. 132-133.
- 8 Engelhardt H. v. Zur Geschichte der Livländischen adeligen
Güterkreditsocietät. - Riga, 1902. - S. 189-192.
- 9 Stackelberg N. v. Der bankmäßig organisierte Agrarkredit
in Estland. - Helsingfors, 1911. - S. 211-216. °
- 10 Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной
промышленности. - XIVIII. Эстляндская губерния. - СПб.,
1903. - С. 133-134.
- 11 Schoultz von Acheraden P. Beitrag zu Beantwortung der
der Frage: Ist die Einführung der Reichs-Landwirthschaftsbank
in Livland als den livländischen Kleingrundbesitzern nutz-
bringend und daher als wünschenswert zu betrachten// Balti-
sche Monatsschrift. - Bd. LX. - 1905. - S. 191-198,
- Ачераден не отрицал выгодность этих условий для крестьян,
но они сильно регламентировали действие заемщика,
- 12 Kalljahn T. 1902. hasta erinouridamine ja recti kodan-
luse poliitiline prognoos Eestimaa Vene revolutsiooni eel.
// ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused. - 1974. - 1. - Lk. 36-47.
- 13 Симонова М.С. Крестьянский поземельный банк в системе
общей аграрной политики самодержавия... - С. 478-479.
- 14 Обзор деятельности Крестьянского Поземельного банка за
1883-1904 гг. - СПб., 1906. - С. 83.
- 15 Райский В.Л. Акционерные земельные банки и Крестьянский
банк в 1905-1916 гг. // Научные труды Курского педагогиче-
ского института. - 1973. - Т. 25(118). - С. 8-11.
- 16 ЦГИА ЭССР. - Ф. 2486. - Оп. 2. - Д. 1544. - С. 21-22.
- 17 См.: Tobien A. Die Livländische Ritterschaft in ihren

- Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus. - Berlin, 1930. - Bd.2. - S.76.
- 18 Stackelberg N.v. Der bankmässig organisierte Agrarkredit in Estland... - S.216.
- 19 ЦИГА СССР. - Ф. 2486. - Оп.2. - Д. 1544. - Л. 18-20.
- 20 Pistohlkors G.v. Zielkonflikte deutschbaltischer Politik nach der revolutionären Krise von 1905 // Die Baltischen Provinzen Russlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917 // Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte. - Köln; Wien, 1932. - Bd. 4. - S. 125 - 153;
- Его же. Прибалтийско-немецкие соображения после революционного кризиса 1905 г. относительно переориентации лояльности в сторону Германии // Германия и Прибалтика. - Рига, 1983. - С.75-90.
- 21 Об этом см.: Krupnikov P. Der Meinungskampf in der Publizistik Deutschlands über die sozialen und nationalen Probleme der Revolution von 1905 in Lettland // Die Baltischen Provinzen Russlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917... - S. 173-185.
- 22 Saas G.v. Meine Lebenserinnerungen. - Greifenhagen, 1930. - S. 189-191 (Maschinenschrift).
- 23 ЦИГА СССР. - Ф.2486. - Оп.2. - Д. 1544. - Л. 58.
- 24 ПСЗ III. - Т. XXVI. - В 27. - 826, 27 - 827.
- 25 См.: Пистолькорс Г.ф. Прибалтийско-немецкие соображения после революционного кризиса 1905 г. ... - С.81.
- 26 Особые журналы Совета министров царской России. - 1906 год. - Ч. I. - М., 1982. - С.91-94.
- 27 Карьяхярв Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905-1917 гг. - Таллин, 1981. - С.168.
- 28 Dellinghausen E.v. Im Dienste der Heimat. - Stuttgart, 1930. - S. 126.
- 29 Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. - М., 1982. - Ч. IV. - С. 684-687.
- 30 Kivimäe S. Agrarpoliitilisi küsimused eesti ajakirjanduses pärast 1905.-1907. aasta revolutsiooni // Jakobsoni C.R. "Sakala" ja eesti ajakirjanduse teed. - Tallin, 1979. - Lk.123.
- 31 ЦИГА СССР. - Ф. 592. - Оп. I. - Д. 410. - Л. 1-2.

32 О деятельности Крестьянского банка в Прибалтийских губерниях см.: Звиогздинь И. К. Характеристика материалов Митавского отделения Крестьянского поземельного банка // Вопросы аграрной истории Прибалтики. - Рига, 1982. - С. 17-29; Kivimäe S. Die Agrarreform Stolypin in den Baltischen Gouvernements // Die Baltischen Provinzen Russlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917... - S. 105-110.

Т. Карьяхярм

Совет Министров царской России о
прибалтийском земстве в 1916 г.

Как известно, земство в Прибалтике не было введено. Земскими делами на уровне губернии в Лифляндии и Эстляндии заведовали узкосословные корпорации прибалтийских дворян-помещиков - рыцарства. Поэтому вопрос о земской реформе в течение полувека, вплоть до крушения монархии неизменно стоял в повестке дня политической борьбы в Латвии и Эстонии. Минувшую историю проблемы, рассмотрим лишь один ее эпизод, связанный с обсуждением вопроса о реформе земского строя в Прибалтике в Совете министров незадолго до крушения монархии.

24 марта 1916 г. латышские депутаты Я. Залит и Н. Голдман внесли в Думу "Законодательное предложение о введении земских учреждений в Прибалтийском крае"¹. Проект подписали 93 члена Думы, в том числе такие видные кадеты, как П. Н. Милков, А. И. Шингарев, Ф. И. Родичев и др., а также эстонские депутаты Я. Раамот и Ю. Орас.

Авторы проекта предлагали лишить местные рыцарства земских функций и ввести в прибалтийских губерниях бессословное двухступенчатое земское самоуправление (волостное и губернское земство) с делением Лифляндской губернии на две части по национальному признаку. Они отвергли курьезную систему выборов, считая необходимым предоставить избирательное право всем плательщикам земских сборов. Имения рыцарств, все их капиталы, земская касса и прочее имущество должны были перейти в распоряжение бессословного самоуправления.

Означенный проект был направлен в думскую комиссию по самоуправлению. Однако членам комиссии - представителям эстонско-латышской буржуазии Я. Раамоту и Я. Залиту - не удалось убедить правооктябристское большинство комиссии и председателя комиссии сктибриста С. И. Шидловского включить в повестку дня вопрос о прибалтийском земстве. Как можно было ожидать, бессословный характер земства и порядок избрания

земских гласных в проекте "93-х" для правых и националистов оказался совершенно неприемлемым.

В апреле-мае 1916 г. проект "93-х" до рассмотрения в Совете министров обсуждался в министерствах и ведомствах. Результаты обсуждения отражены в отзывах глав ведомств.

Почти все члены кабинета признали необходимость проведения земской реформы в Прибалтике. Излагая позицию Министерства внутренних дел, начальник Главного управления по делам местного хозяйства Н. Н. Анциферов в своем отзыве писал: "Устарелость земского устройства в Прибалтийском крае и несоответствие его требованиям жизни беспорядочны"².

Министр готции А. А. Хвостов констатировал: "... положение, при котором хозяйственная жизнь целого края находится в руках одного, весьма немногочисленного, класса, каковым является имматрикулированное поместное дворянство (владельцы рыцарских имений - Т. К.), нельзя не признать в высокой степени ненормальным. Последствием же такого привилегированного положения дворянских обществ в системе местного управления является следующий крупный недостаток земского хозяйства в прибалтийских губерниях, заключающийся в крайне неравномерном распределении земских и денежных натуральных повинностей, которые главным своим тяжестью ложатся на крестьянские слои населения". Он находил, что земской реформой "будут завершены проведенные в течение прошлого столетия правительственные мероприятия по приближению Прибалтийской окраины к имперским порядкам управления и суда. Вместе с тем будет ликвидирован единственный остаток бывшей автономии прибалтийского права, выразившийся ныне в земском дворянском устройстве"³.

Министры отвергли основное содержание и идеи проекта "93-х": структуру самоуправления (волость, национальная губерния, с делением Лифляндской губернии на две части по национальному признаку, отсутствие уездного земства), систему выборов, употребление местных языков в земском делопроизводстве. Большинство членов кабинета считало нужным преобразовать земское устройство в Прибалтике на общих началах Положения о земских учреждениях 1862 г. с учетом мест-

ных особенностей.

Министр иностранных дел С. Д. Сазонов исходил из стратегических интересов царской России и обратил внимание на взаимосвязь между внутренним и внешним аспектами прибалтийского вопроса. "Насколько можно предвидеть, России в долгие годы после заключения мира придется сталкиваться, при осуществлении своих внешних политических задач, с Германией, и борьба с нею останется на очереди. При таких условиях всемерное укрепление русских государственных начал в пределах географически примыкающей к Германии прибалтийской окраины представляется делом первостепенной государственной важности.

Этой задаче едва ли соответствует основание проектируемого 93 членами Государственной думы преобразования. Не может быть сомнения, что осуществление предложения, изложенных в заявлении, — в этом заключается, по-видимому, прямая и главная цель его составителей — повлечет за собой создание в крае освященной законом системы национального самоуправления, в земских формах, двух групп местного населения, латышской и эстонской. Это совершенно ясно при рассмотрении изложенных в записке предложений относительно разделения Лифляндской губернии на две земские единицы — эстонскую и латышскую, относительно введения эстонского и латышского языков в делопроизводство и прения земских учреждений, относительно порядка избрания земских гласных и др.

Я не отношусь с предвзятым недоверием к тем или иным народностям империи, но в то же время считаю, что не в интересах России имперскими законодательными мерами слудить укреплению маленьких племенных групп на наших окраинах. В этом смысле я считаю вредным основания земской реформы в Прибалтийском крае, которые зачисляются 93 членами Государственной думы. Введение земских учреждений в крае должно быть подчинено общим началам земского устройства установленным в империи, с безусловным господством общего государственного языка.

Само собой разумеется, при осуществлении преобразования на этих основаниях необходимо было бы считаться с не-

значительностью чисто русских элементов в крае и наличием борющихся там инородческих племенных групп. Сохранение за немецким населением трех губерний прежнего господствующего положения, конечно, недопустимо; но столь же недопустима задача влияния и земской власти в обладание эстонцев и латышей. Только внимательно продуманная система куриальных выборов может создать необходимое равновесие всех элементов населения, и только этим равновесием может быть обеспечено подчинение всех их задачам общегосударственным. При построении в будущем такой куриальной системы казалось бы желательным одним из цензовых условий поставить образование, обеспечивающее знание избирательными, гласными и должностными лицами земства общеимперского языка и приобщенность их к русской государственной культуре. Тогда распространение на Прибалтийский край основ земского положения империи послужит средством к укреплению связи края с Россией и должно бы было почитаться весьма своевременным и желательным⁴.

Военный министр Д. С. Шуваев указывал, что "результатом настоящей войны, казалось бы, должно явиться укрепление русской национальности на окраинах и, в частности, в прибалтийских губерниях, а при таких условиях и все реформы местного характера желательно бы произвести после войны..." Он отметил сложность установления нормы и "правильного" соотношения участия различных национальностей в земском управлении в ситуации, где "самая главная и ценная в государственном отношении - русская национальность, фактически отсутствует". Далее Шуваев предупреждал: "При таких условиях естественно возникает опасение, что умаляя во имя государственной необходимости немецкое влияние, мы, при создании земских учреждений в названном крае, можем впасть в другую крайность, усилив значение преобладающих в прибалтийских губерниях эстонской и латышской народностей". Шуваев присоветовал, что земская реформа по проекту "93-х" поможет эстонцам и латышам в их национальной работе и поставит их в доминирующее положение в крае, вполне соответствующее их численности, но едва ли отвечающее общерусским интересам⁵.

Обер-прокурор Синода А. Н. Волкин рассматривал земский

вопрос в Прибалтике с платформы соперничества в Прибалтике двух церквей — православной и лютеранской. Он категорически отверг идею превратить лютеранский приход в мелкую земскую единицу, что, по его словам, "имело бы самые нежелательные последствия для православного населения края". Свое мнение он обосновал довольно тривиальными аргументами. "Если бы ... в качестве земской единицы в крае были признаны лютеранские приходы ..., то православное население края в земском деле оказалось бы всецело под влиянием протестантских приходских организаций, вследствие чего интересам православной русской церкви в крае был бы нанесен серьезный ущерб, а в деле стремления части населения эстов и латышей к переходу в православие был бы создан немалый тормоз. Весьма возможны нежелательные результаты и для церковно-школьного дела в Прибалтийском крае и без того находящегося здесь в тяжелом состоянии". При составлении законопроекта он потребовал принять такие основания, которые "обеспечивали бы в надлежащей степени интересы православного населения и служили возвышению в крае положения православной церкви и, в частности, улучшения церковно-школьного дела"⁶.

Министр финансов П. Л. Барк подчеркнул связь прибалтийской земской реформы с положением земского дела в других национальных окраинах России. Он призывал проявлять особую осторожность при рассмотрении национальных аспектов земского вопроса. При разработке порядка выборов земских гласных Барк предложил взять за основу сословный принцип Положения 1890 г. или же установить имущественный ценз в интересах крупных и средних плательщиков с разделением избирателей на три курии соразмерно уплачиваемому земскому сбору⁷.

Министр юстиции А. А. Хвостов также поддерживал идею сгруппировать избирателей по сословному или имущественному цензу. По вопросу о передаче имений рыцарств земским учреждениям он предложил произвести тщательное расследование о назначении таких имений⁸.

Начальник Главного управления по делам местного хозяйства Н. Н. Анциферов предложил образовать бессословные земские учреждения с выделением городов в отдельные земские едини-

цы и предоставить избирательное право не только собственникам, но и арендаторам крестьянских участков⁹.

Правая русская печать объявила эстонцев и латышей "патриотами России", "верными подданными русского царя", которые заслуживают освобождения от "тевтонского ига". В шумной кампании против "немецкого засилья" и в "защиту" прибалтийских народов выступали в Думе такие черносотенные "зубры", как Пуришкевич и Марков 2-ой.

По вопросу о лояльности эстонцев и латышей в конфиденциальной переписке царских министров проглядываются совсем иные формулы. В своем заключении военный министр Суваев отметил: "Если эти народности в течение настоящей войны и держат себя в полной мере лояльно и в некоторой части дадут пример воинской доблести в борьбе с нашим врагом, то не следует закрывать глаза на то, что эта лояльность и доблесть эстонцев и латышей вызывается не столько преданностью России и русской государственной идее, сколько ненавистью к немцам"¹⁰.

Такое же мнение выразил начальник штаба верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевич в письме И. Л. Горемыкину от 22 марта 1905 г.: "Несмотря на все усилия латышей, скрыть свои истинные чувства к России им не удалось, так как памятно их отрицательное отношение к нашим порядкам, проявившееся в целом ряде революционных выступлений 1905-1906 гг." Он обратил внимание председателя Совета министров на активизацию в Латвии деятельности социал-демократов¹¹.

20 мая 1916 г. вопрос о земской реформе (проект "93-х") обсуждался на заседании Совета министров. Кабинет постановил отложить из-за военных обстоятельств разработку правительством законопроекта¹².

Несмотря на неудачу, эстонско-латышские буржуазные круги продолжали настойчиво ходатайствовать о немедленном проведении земской реформы. Изменение обстановки - военные неудачи русской армии, накал внутренней обстановки, события в Польше (опубликование Германией манифеста о создании польского государства) - играли на руку буржуазии и вынудили правительство осенью 1916 г. вновь заняться прибалтийским земством.

9 ноября 1916 г. министр внутренних дел А.Д.Протопопов обратился к премьер-министру Б.В.Штримеру с предложением рассмотреть вопрос заново. Он предложил заявить в Думе, что правительство считает реформу "своевременной и неотложной" и что она будет осуществляться на основе принципа бессловности. А.Д.Протопопов не скрывал мотивов такого резкого поворота в отношении Министерства внутренних дел к преобразованию земского строя в Прибалтике. Он указывал на "условия переживаемого момента" и события в Польше¹³. Правительственное заявление в Думе было явно рассчитано на успокоение местного населения.

23 ноября 1916 г. Совет министров постановил поручить разработку проекта Министерству внутренних дел¹⁴. Однако обнаружилось, что необходимых данных для разработки проекта в МВД не имелось. Начался сбор дополнительных данных. Февральская революция прервала эту работу.

Приведенные материалы Совета министров лишшний раз подтверждают тот факт, что царское правительство до последних своих дней не желало расширить политические права коренных народов Прибалтики.

Вместо этого оно продолжало проводить политику баланса местных противоборствующих сил (дворянство, национальная буржуазия), исходя из принципа "разделяй и властвуй".

Примечания

- 1 Приложения к топографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия четвертая 1915-1916 гг. - СПб., 1916. - Вып. IV. - № 190.
- 2 ЦГИА СССР. - Ф. 1276. - Оп. 12. - Д. 60. - Л. 37-38.
- 3 Там же. - Л. 26-27.
- 4 Там же. - Л. 48-49.
- 5 Там же. - Л. 18-19.
- 6 Там же. - Л. 12-17.
- 7 Там же. - Л. 44-46.
- 8 Там же. - Л. 29-34.
- 9 Там же. - Л. 38.

- 10 ЦИА СССР. - №. 1276. - Оп. 12. - Д. 60. - Л. 18-19.
11 Там же. - Оп. 11. - Д. 1174. - Л. 1-2.
12 Там же. - Оп. 12. - Д. 60. - Л. 52.
13 Там же. - Л. 52-53.
14 Там же. - Л. 54.

Die deutsche Politik gegenüber Bermondts
bis Anfang Oktober 1919

Die Bermondts-Affaire im Jahre 1919 hat - so möchte ich behaupten - wie kein anderes Ereignis im Baltikum die internationale politische Aufmerksamkeit auf sich gelenkt¹. Dass es zu dieser Entwicklung gekommen ist, lag sicher nur zu einem geringen Teil an der Person von Bermondts, auch wenn er der Episode den Namen gegeben hat. Wichtig ist hier die Einordnung in den grösseren politischen Rahmen, die Ausleuchtung des zeitgeschichtlichen Hintergrundes; die Bermondts-Affaire war Höhepunkt und Abschluss zugleich der langwierigen Auseinandersetzungen im baltischen Raum zwischen dem Deutschen Reich und den Siegermächten. Dem Verlierer des Weltkrieges schien sich hier die Chance zu bieten, das Blatt der Geschichte noch einmal zu seinen Gunsten wenden zu können.

So sehr diese Ereignisse die damalige Öffentlichkeit interessierten - so umfangreich ist auch inzwischen die historische Literatur, die sich diesem Zeitabschnitt zugewendet hat. Neben wissenschaftlichen Abhandlungen und Dokumentenveröffentlichungen gehören auch zahlreiche Erinnerungen dazu. Als eine der gründlichsten Arbeiten sei hier die ungedruckte Dissertation von Charles L. Sullivan erwähnt, die bei Prof. Anderson unter dem Thema "Ridiger von der Goltz and the German Baltic Campaign 1919" entstanden ist². Doch nicht nur die wissenschaftliche, auch die belletristische Literatur hat sich dieses Themas angenommen. In Anna Seghers Roman "Die Toten bleiben jung" wird die Episode nur kurz eingeblendet³. Voll thematisiert werden die Ereignisse von Ende 1918 bis Ende 1919 in Libau, Riga und Mitau vom heute ganz vergessenen deutschbaltischen Schriftsteller Hannu Dohrmann in seinem autobiographischen Roman mit dem Titel "Chaos" - eine höchst bemerkenswerte Quelle - natürlich sui generis⁴. Dohrmann wusste, worüber er schrieb, war er doch verantwortlicher Redakteur der "Trommel", der Soldatenzeitung der russischen Westarmee.

Erstaunlicherweise ist bisher keine Spezialstudie über

53

Bernhardt geschrieben worden, wenn man von seinen eigenen Erinnerungen absieht. Diese sind zwar ausgesprochen materialreich und in manchen Punkten uneretzbar, doch können sie wissenschaftlichen Ansprüchen in keiner Weise genügen. Am Rande sei nur vermerkt, dass meiner Meinung nach ganze Partien des Buches gar nicht von Bernhardt selbst stammen, sondern von seinen Mitarbeitern verfasst sind. Wer sich ausführlicher mit der Bernhardt-Thematik beschäftigt, wird sehr bald zur Erkenntnis gelangen, dass es sich hier um ein äusserst kompliziertes und bisweilen verwirrendes Beziehungsgeflecht handelte, an dem auf den verschiedensten Ebenen zahlreiche Handlungsträger beteiligt waren, wobei die sog. Grosse Politik mit ihrer Eigendynamik immer im Blickwinkel zu behalten ist. Man nicht alle Entwicklungsstränge gleichzeitig behandelt werden können, empfiehlt sich eine Aufgliederung nach Schwerpunkten. Relevant sind Bernhardts Verhältnis oder Beziehungen zu folgenden Ländern und Gruppen: Deutschland, Alliierte, Lettland, weisse Russen, Deutschbalten. Alles Sammelbegriffe, die man natürlich stark differenzieren muss, um möglichst nah an die historische Wirklichkeit heranzukommen. Zu dieser historischen Wirklichkeit gehört die Einsicht, dass sie von unterschiedlichen - vornehmlich politischen Standpunkten aus beurteilt werden kann. Die Befugtheit gilt für den Historiker ebenso wie für den zeitgenössischen Beobachter; allerdings hat der Historiker den grossen Vorteil, dass ihm auf Grund der Quellen eine ganz unvergleichbare Informationsbasis zur Verfügung steht.

Ich will mich heute auf das Kapitel der deutschen Politik gegenüber Bernhardt beschränken und hier auch nur aufzeigen, wie es dazu kommen konnte, dass Bernhardt Anfang Oktober 1919 - also bei seinem Angriff auf Riga - über eine Armee von ca. 50.000 Soldaten verfügte, von denen höchstens 1/5 Russen waren. Die deutsche Regierung - das wird man ihr zugute halten müssen - hat diese Entwicklung nicht gewollt. Sie hat es immer wieder betont, nicht nur in der Öffentlichkeit. Auf der anderen Seite aber hatte sie es nicht verstanden, diese Entwicklung zu verhindern, was ihr zweifellos angekreidet werden muss. Naive Gutgläubigkeit und Fehlen -

2

schätzung der tatsächlichen Machtkonstellationen waren die Gründe.

Am 1. April 1919 wurde die Frage der Verwendung russischer Kriegsgefangener im Kampf gegen den Bolschewismus das erste Mal im Reichskabinett behandelt⁶. Reichswehrminister Noske teilte mit, dass die Werbung freiwilliger Truppen angeregt worden sei, fügte aber hinzu, dass er eine solche Massnahme für bedenklich halte. Nicht nur auf Grund seiner späteren Politik sind Zweifel an der Aufrichtigkeit dieser Bemerkung angebracht. In Bernondts Erinnerungen wird berichtet, dass Rittmeister Wilhelz von Rosenberg Ende März eine Zusammenkunft mit dem Minister hatte, bei der er eine Denkschrift über die Aufstellung antibolschewistischer Truppen überreichte⁷. Angeblich habe Noske den Plan grundsätzlich gebilligt und sein persönliches Engagement angekündigt. Immerhin, in der Kabinettsrunde wurde einmütig festgestellt, dass Deutschland nach dem Waffenstillstandsabkommen die russischen Kriegsgefangenen nicht ausrüsten dürfe. Ungeachtet dieser klaren Entscheidung wurde die später sog. russische Westarmee von Oberst Bernondt u.a. in deutschen Internierungslagern organisiert und vom Oberkommando Nord in Bartenstein/Ostpr. dabei tatkräftig unterstützt. Am 30. Mai 1919 erfolgte der erste Abtransport ehemaliger russischer Kriegsgefangener aus Berlin nach Kurland. Über diese frühe Phase scheinen keine Primärquellen vorzuliegen, so dass man auf Bernondts Erinnerungen angewiesen ist.

Spätestens seit dem Libauer Putsch am 16. April 1919 war die deutsche Regierung in den Augen der Alliierten in den Verdacht geraten, dass sie nicht mehr vorrangig die Bekämpfung des Bolschewismus betreibe, sondern die Stärkung der deutschen militärischen Position im Baltikum aktiv unterstütze. Mit diesem Ereignis geriet auch General von der Goltz in die politische Schusslinie - wie sich bald zeigen sollte - nicht ohne Grund. Allerdings verstand er es immer wieder, die Regierung durch taktische Züge über seine wahren Absichten zu täuschen.

Um dem zunehmenden aussenpolitischen Druck Rechnung zu tragen, beschloss das Kabinett am 5. Mai, Deutsche aus den lettischen Truppen auszuschneiden sowie Inzerate mit der Auffor-

derung zum Eintritt in die Baltische Landeswehr nicht länger zu dulden⁸. Auch wenn die Richtung stimmte, die in Aussicht genommenen Schritte waren zweifellos ungenügend. Beide Teile des Kabinettsbeschlusses machen deutlich, dass die Reichsregierung - zumindest zu diesem Zeitpunkt - nicht die nötige Sachkenntnis hinsichtlich der aktuellen Lage im Baltikum besaß, um adäquate Entscheidungen fällen zu können. Obwohl sich unter der Regierung von Niedra kurzfristig die Möglichkeit abzeichnete, dass ganze Regimenter die lettische Staatsangehörigkeit erwerben würden, de facto spielten deutsche Soldaten in lettischen Truppen keine Rolle. Auch der Zuzug von Reichsdeutschen in die Baltische Landeswehr war - wenn er überhaupt stattfand - nicht der Rede wert. Die Werbebüros in Deutschland arbeiteten für die Aufstellung von Freikorpsgruppen, die dem VI. Reservekorps unter der Führung von General von der Goltz unterstanden.

Drei Tage später - am 8. Mai 1919 - beschäftigte sich das Kabinett erneut mit der baltischen Frage und fällte jetzt den radikalen Beschluss, die deutschen Truppen aus den noch besetzten russischen Gebieten zurückzuziehen⁹. Gemeint war damit die Räumung der deutschen Verbände aus Lettland und Litauen, deren Zeitpunkt allerdings nach den Bestimmungen des Waffenstillstandsvertrages allein durch die Alliierten festgelegt werden konnte. Der Kabinettsbeschluss fand auch noch nicht die Zustimmung des Obersten Rates in Paris. Ungeachtet dessen wurde der Beschluss wenige Tage später in einer Besprechung an der u.a. Erzberger, Noske und von der Goltz teilnahmen, noch einmal bekräftigt¹⁰. Obwohl Goltz schwerste Bedenken gegen die Räumung vorgetragen hatte, dass die deutschen Truppen aus verständlichen Gründen mit Verbitterung und Unruhe reagieren könnten, liessen sich die Minister in ihrer Auffassung nicht beirren.

Wie sich aber bald zeigen sollte, war es mit dem Beschluss allein nicht getan. Die Regierung versäumte, seine Durchführung zu überwachen. In den Wochen von Mitte Mai bis Ende Juli 1919 war das Kabinett mit der Lage im Baltikum nicht befasst, obgleich sich hier ganz neue Entwicklungen ergaben. Am 18. Ju-

ni hatten schliesslich die Alliierten die Räumung des Baltikums von deutschen Truppen gefordert¹¹. Die Militärs nutzten die Zeit, um ihre eigenen Pläne mit Nachdruck voranzutreiben. Eine besondere Rolle spielte dabei das bereits erwähnte Oberkommando Nord, dem Goltz mit dem VI. Reservekorps unterstand.

Nach dem Vertrag von Strassdenhof am 3. Juli wurde Mitau systematisch zum Mittelpunkt der deutschen Präsenz im Baltikum ausgebaut. Bermondot hatte sich bereits Anfang Juni dorthin begeben und gleich nach seiner Ankunft mit von der Goltz getroffen¹². Beide waren sich einig, dass sie deutschen und russischen Truppen ihre Pläne in enger Zusammenarbeit koordinieren sollten. Das hiess zunächst, dass Bermondot deutsche Berater erhielt. Für ihn war es auch keine Frage, dass Goltz die Führungsrolle übernahm. Da von der Goltz mit seiner Abberufung durch die deutsche Regierung rechnen musste, sah er hier die Möglichkeit, seine aktive Ostpolitik - wie er sie verstand - unter der russischen Fahne zu verdecken. Dem englischen General Gough hatte er sehr deutlich erklärt, dass er nicht bereit war, Lettland zu verlassen, bevor die deutschen Interessen gesichert seien¹³.

Vom 8. Juli stammt ein Telegramm des Oberkommandos Nord an die Kommandostelle Kolberg, das deutlich die Handschrift des Generals von der Goltz trug: "Einzige Möglichkeit, deutscher Ostpolitik noch zum Erfolg zu verhelfen, besteht nach Ansicht des VI. Reservekorps in kräftiger Unterstützung der in Aufstellung begriffenen antibolschewistischen Russentruppen. Teile von deutschen Truppen in Lettland sind bereit, in russische Dienste zu treten"¹⁴. General Greener, Befehlshaber der Kommandostelle, sah sich veranlasst, dazu eine grundsätzliche Stellungnahme des Auswärtigen Amtes einzuholen. Nun ist es interessant zu beobachten, wie sich hier die Beamtenschaft bereits die Argumentation des Grafen von der Goltz zu eigen gemacht hatte¹⁵. In dem Entwurf der Antwort stand, dass Lettland und Estland sich nicht selbst gegen die englische Bedrohung wehren könnten. "Die einzige Macht, die Deutschland gleichlaufende Interessen verfolgt und instande sein würde, sich zu halten, sind die russischen Truppen im Baltikum." Aussenminister Miller war allerdings ganz anderer Mei-

nung, verwarf den Entwurf und formulierte selbst: "Pläne wegen Übertritts früherer deutscher Truppen in russische Dienste sind in keiner Weise zu fördern; Deutschland hat alles zu vermeiden, was ihm den Hass lettischer und estnischer Bevölkerung auf die Dauer zuziehen könnte."

Reichspräsident Ebert hatte sich unmittelbar vorher ganz ähnlich geäußert¹⁶. Goltz war sich bewusst, dass Eile geboten war, und erliess bereits am 13. Juli - ohne eine Antwort abzuwarten - einen Korpsbefehl, in dem er die Möglichkeit des Übertritts seiner Soldaten zu den Russen in Aussicht stellte¹⁷. Als Aussenminister Müller davon erfuhr, telegraphierte er unverzüglich nach Kolberg, dass seiner Auffassung nach dieser Befehl nicht hätte ergehen dürfen. Er vermied es aber, eine weitere Tonart anzuschlagen. Um General von der Goltz zur Raison zu bringen, wäre jetzt spätestens seine Abberufung angebracht gewesen. In der Kabinettsitzung Ende Juli, bei der das Baltikum nur am Rande gestreift wurde, war davon nicht die Rede.

Inzwischen war zwar offiziell die Räumung der deutschen Truppen angelaufen, im Grunde aber nur pro forma. Die verantwortlichen Militärs erklärten die Verzögerungen mit der mangelnden Infrastruktur des Landes. Am 13. August wurde in der Kommandostelle Kolberg auf höchster Ebene über die Lage im Baltikum beraten¹⁸. Das erhalten gebliebene Wortprotokoll offenbart, wohin der Weg gehen sollte. Goltz wollte nach seinen eigenen Worten, die lettische Feindschaft vorübergehend in Kauf nehmen, um die Freundschaft des Russlands der Zukunft zu gewinnen. Für ihn stand der Zusammenbruch der deutschen Ostpolitik auf dem Spiel. General Groener verhielt sich demgegenüber deutlich reservierter: "Die Stimmung im Lande ist doch so, dass ihr das Baltikum völlig schnuppe ist ... Unser Volk ist richtig national verblödet, so dass ihm eine Speckscheibe lieber ist, als die Verteidigung des Deutschtums im Baltikum."¹⁹

Dieser Lageanalyse folgte eine wichtige Sonderbesprechung beim Reichspräsidenten in Weimar, an der neben den Generälen Groener und von der Goltz Aussenminister Müller teilnahm²⁰.

Müller stellte noch einmal ganz klar, dass der Übertritt zu den Russen verboten sei. Allerdings merkte er nicht, dass Goltz keinerlei Absicht hatte, seiner Politik wirklich zu folgen. Die Ahnungslosigkeit des Aussenministers erhellt auch daraus, dass er hier zum ersten Mal überhaupt erfuhr, dass Bermondts Truppen bisher aus Reichsmitteln bezahlt worden waren. Gegen seinen Willen wurde dann noch in der abschliessenden Kabinettsitzung die Zahlung für einen weiteren Monat beschlossen. Dafür hatte sich vor allem Noske stark gemacht²¹.

Die Meuterei der Freikorps gegen die Räumung am 23. August kam für von der Goltz sicherlich nicht überraschend; vielmehr fügte sie sich vorzüglich in seinen Plan der allmählichen Überführung der deutschen Truppen in russische Dienste ein. Auch General Groener folgte inzwischen dieser Linie, als er Ende August dem Aussenminister telegraphierte: "Wer in Kurland bleibt, den können wir nicht hindern."²² Die Weichen waren gestellt, die Reichsregierung hatte solange tatenlos die Entwicklung im Baltikum hingenommen. Daran konnten auch die gut gemeinten Beschlüsse des Kabinetts vom 5. September nichts mehr ändern: Neuerwerbungen wurden verboten, Nichtbefolgung der Räumung sollte Entziehung von Löhnung und Verpflegung zur Folge haben, Herauslösung der deutschen Truppen aus dem russischen Verbände²³.

Als endlich auf massivsten Druck der Alliierten am 25. September das Kabinett die Abberufung des Generals von der Goltz beschloss, konnte dieser getrust das Terrain verlassen, hatte doch Bermond die Befehlsgewalt über die 50.000 Soldaten übernommen²⁴. Goltz konnte dabei sogar noch ein gutes Gewissen haben. Sein Minister - Reichwehrminister Noske hatte in einem Abschiedstelegramm sein Wirken zum Wohle des Vaterlandes und seines Volkes hervorgehoben und die Übergabe des Kommandos auf den russischen Oberst ausdrücklich gebilligt²⁵. Die Reichsregierung, in sich nicht einig, hatte den schwerwiegenden Fehler begangen, der Loyalität der Militärs zu lange zu vertrauen.

Ein letztes Wort: Die baltische Frage ist ausführlich

in der Deutschen Nationalversammlung debattiert worden. Den Nagel auf den Kopf getroffen hatte dabei der Abgeordnete Haase (USPD): "Wenn irgendwo, so gilt auf dem Gebiet der auswärtigen Politik der Grundsatz: principia obsta! Ist der erste Schritt getan, so zieht er die anderen Schritte nach."²⁶

Anmerkungen

- 1 Vgl. Wilhelm Lenz. Die Bermond-Affaire 1919 // Journal of Baltic Studies. - 1984. - XV. - S. 17-26.
- 2 Sullivan Charles L. Ruediger von der Goltz and the German Baltic Campaign 1919. - Maschinenschriftliches Manuskript. - San Jose College, 1964. Eine Kurzfassung ist im Druck erschienen: Sullivan Charles L. The 1919 German Campaign in the Baltic: The Final Phase // The Baltic States in Peace and War 1917-1945 / Hrg. V.S.Vardys, R.J.Misiunas. - Pennsylvania State University Press, 1978. - S. 31-42, 201-204.
- 3 Seghers Anna. Die Toten bleiben jung. - Luchterhand Verlag, 1963. - S. 28-30.
- 4 Dohrmann Hanns. Chaos. - Ein Revolutionsroman aus dem Baltikum. - Magdeburg, 1925.
- 5 Im Kampf gegen den Bolschewismus. - Erinnerungen von General Fürst Awaloff, Oberbefehlshaber der deutsch-russischen Westarmee im Baltikum. - Glückstadt; Hamburg, 1925.
- 6 Schulze Hagen. Das Kabinett Scheidemann: 13. Febr. bis 20. Juni 1919 (Akten der Reichskanzlei). - Boppard 1971. - S.125 f.
- 7 Im Kampf gegen den Bolschewismus. - S. 128.
- 8 Schulze Hagen. Das Kabinett Scheidemann. - S. 260.
- 9 Ibid. - S.305.
- 10 Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945 aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes (ADAP). - Serie A. -1918-1925. - Bd. 2. - Göttingen, 1984. - S. 28 f.
- 11 Volkmann Hans-Erich. Das Deutsche Reich und die baltischen Staaten 1918 bis 1920 // Von den baltischen Provinzen zu den Baltischen Staaten. - Beiträge zur Entstehungsgeschichte der Republiken Estland und Lettland 1918-1920. - Marburg, 1977. - S.397.
- 12 Im Kampf gegen den Bolschewismus. - S.151.

- 13 Documents on British Foreign Policy 1919-1939 / E.L.Woodward, R.Butler (Hrsg.). - London, 1949. - 1stSer., Vol. 3. - P. 19 f.
- 14 Ibid. - S. 80.
- 15 ADAP. - S.163-166; Vgl. auch: Linke Horst Günther. Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo // Abhandlungen des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. - Köln, 1970. - Bd. 22. - S.76 f.
- 16 Golecki Anton. Das Kabinett Bauer: 21. Juni 1919 bis 27. März 1920 // Akten der Reichskanzlei. - Boppard, 1980. - S. XLVI.
- 17 ADAP. - S. 246 f.
- 18 Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg : Nachlass v. Seeckt. N 46/131.
- 19 Ibid. - S. 23.
- 20 Golecki Anton. Das Kabinett Bauer... - S. 206.
- 21 Ibid. - S. 210.
- 22 ADAP. - S. 276.
- 23 Golecki Anton. Das Kabinett Bauer... - S. 237.
- 24 Ibid. - S. 270.
- 25 Lenz Wilhelm. Die Bermondts-Affaire 1919... - S. 21.
- 26 Verhandlungen der verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung. - 46. Sitzung vom 4.7.1919. - N 327. - Sp.1295.

Латышские социал-демократы (меньшевики) и
политика Германии в Латвии
(ноябрь 1918-1920 г.)

Латышские меньшевики с восторгом встретили Ноябрьскую революцию в Германии. Правительство К. Эберта - Г. Гаазе было оценено как "революционное и социалистическое"¹. "Мы - кружья новой демократической и социалистической Германии..." заявил 4 декабря 1918 г. в Народном Совете один из лидеров партии - Ф. Мендерс². 17 ноября 1918 г. на первом заседании Народного Совета меньшевики предложили представить партии 50% мест во временном правительстве: "... такое требование не являлось ни увеличением, особенно, если сослаться на пример Германии ... там образовалось даже не коалиционное, а чисто социалистическое правительство..."³.

Особые симпатии меньшевики питали к Независимой социал-демократической партии Германии, представители которой - Г. Гаазе, Б. Дитман, Э. Барт - вошли в правительство. Уже до Ноябрьской революции в Германии меньшевики поддерживали постоянные связи с независимыми социал-демократами. П. Кальвинш, ведущий деятель меньшевистской партии, информировал одного из лидеров "независимых" - Г. Ледебура - о положении в оккупированной Германией Латвии. Полученную от меньшевиков информацию "независимые" использовали в деятельности своей фракции в рейхстаге⁴.

В ноябре 1918 г. восторг германской революцией питался в первую очередь надеждами на то, что "... Берлинское революционное правительство... поддержит образование независимого и демократического латвийского государства"⁵ (т.е. - буржуазной Латвии - А.С.), окажет политическую и материальную помощь латышским меньшевикам. Эти надежды подкреплялись тем, что у меньшевиков уже с октября 1918 г. установились тесные контакты с немецким правым социал-демократом А. Виннигом, прибывшем в Латвию по поручению правительства принца Макса Баденского. А. Винниг встретился с представителями

меньшевиков Ф. Мендером и Э. Скубикисом и "... обещал поддержать стремление латышских социал-демократов к политическим свободам и образованию независимого латышского государства"⁶. Очевидно, что меньшевики первоначально не разобрались во внешнеполитическом курсе нового германского правительства, продолжавшего в Прибалтике империалистическую политику. "Виннига мы тогда еще хорошо не знали... Мы не знали, что он сотрудничал с Курляндским помещиком С. Брёдрихом, требовавшим колонизации Курземе, - пишет Б. Калниньш⁷. Когда А. Винниг обратился к Ф. Мендеру с просьбой поддержать его кандидатуру на пост генерального уполномоченного Германии в Прибалтике, латышские меньшевики заявили германской социал-демократии о своей поддержке А. Виннига"⁸.

Следует отметить, что в ноябре 1918 г. - начале 1919 г. меньшевики отделяли политику германского правительства в Латвии от действий немецких оккупационных властей, тем более - от политического курса местного немецкого дворянства. Выступая 18 ноября 1918 г. на заседании Народного Совета П. Калниньш зачитал декларацию фракции социал-демократов, в которой первым стояло требование ликвидировать немецкие оккупационные органы⁹. На заседании совета 19 ноября Ф. Мендерс от имени партии потребовал, чтобы временное правительство "... предприняло меры против создаваемой немецким управлением национальной милиции (немецко-русской)^X, она должна быть немедленно ликвидирована"¹⁰.

^X Ф. Мендерс имел в виду начало формирования в Латвии добровольческих соединений под названием ландесвер, которые были разрешены руководством оккупационной армии 1 ноября 1918 г. На заседании Народного Совета 4 декабря он уже выступил не только против создания ландесвера, но и за "... материальное разоружение немецкого дворянства. Пока этого не произошло, в Латвии находится опасный враг. Необходимо отчуждение помещиц о земельного фонда". - Latvijas Tautas Padome. - Rīga: Satversmes Sapulces izd., 1920. - 42. lpp.

Обострение внутривнутриполитической борьбы в Латвии в конце 1918 г., подъем народных масс на борьбу за Советскую власть, помощь Красной Армии трудящимся Латвии, антикоммунизм и антисоветизм меньшевиков — главные факторы, определившие их дальнейшее отношение к политике Германии в Латвии. А. Виниг позже писал об одном из ведущих деятелей меньшевиков — Ф. Мендерсе, что он являлся "... искренним сторонником германофильской политики..." и "... придерживался твердой антибольшевистской тактики"¹¹. Самое важное в этой характеристике политической позиции Ф. Мендерса заключалось в том, что надежды на Германию рождались именно из "антибольшевистской тактики", т.е. — из осознания того, что без военной помощи Германии создать латвийское буржуазное государство не допустить победы Советской власти невозможно. Сам по себе Ф. Мендерс и многие другие меньшевики отнюдь не были последовательными германофилами. Права И. Аппине, которая оценила прогерманскую позицию Ф. Мендера как конъюнктурную¹². Конечно, в меньшевистской печати, в выступлениях ее лидеров все выглядело так, как будто они заботились только о судьбе революции и демократии в Германии, правах ее трудового народа; гневно обсуждалась Антанга за вмешательство во внутренние дела Германии¹³. Позиция меньшевиков была близка попыткам германских социал-демократов представить себя невинными "жертвами Антанты", хотя сами они, как отмечала Р. Ликкебург, "... подготавливают новый военный взрыв, войну на Востоке"¹⁴.

В конце 1918 г. меньшевики старались отмежеваться от прямых связей с правительством К. Ульманиса. Они обвиняли его в ориентации на "империалистическую реакцию" (Англия, США, Франция) и в нежелании сотрудничать с социал-демократическим правительством Германии¹⁵. Меньшевики создавали видимость наличия у них самостоятельного внешнеполитического курса. 24 ноября 1918 г., на совместном заседании Исполнительного комитета партии и ее Рижского комитета, меньшевики высказались против участия члена партии М. Скуе-

ниекса в правительственной делегации, выезжающей в Стокгольм в поисках иностранной помощи¹⁶. Притом М.Скуениексу было запрещено участвовать в делегации не только в качестве официального члена, но и в качестве эксперта¹⁷. Когда в самом конце 1918 г. меньшевики решили, что дальнейшее пребывание в обанкротившемся Народном Совете является для партии политически ущербным, они свой выход из Совета обосновывали тем, что правительство К.Ульманиса связалось с "... западноевропейскими империалистами..." и не желает "... ориентироваться на социалистическое правительство Германии"¹⁸.

Уже в конце ноября - начале декабря 1918 г. у социал-демократов начинает появляться первое разочарование деятельностью А.Виннига^Х в Латвии. На заседании Народного Совета 2 декабря 1918 г. П.Калнинш заявил: "Винниг защищает привилегии местных узких групп (имелось в виду, в первую очередь, остзейское дворянство - А.С.), он не является достойным представителем социалистического правительства, поэтому необходимо обратиться прямо к социалистическому правительству в Берлине"¹⁹. В декабре 1918 г. и в январе 1919 г. в целях установления прямых контактов с правительством Германии ЦК социал-демократов посылает в Берлин Ф.Мендера. В Берлине он имел встречи с лидерами "независимых" Г.Гаазе, К.Каутским, Р.Гильфердингом и с представителями правых социал-демократов²⁰. В написанных в 60-е годы заметках об этой поездке Ф.Мендеро ее цель определял следующим образом: "...мы не желали, чтобы немецкая армия, в условиях, когда еще не были организованы латвийские силы, бежала из Латвии, дезорганизуя всю страну...", было необходимо "... добиться организованного стоха немецких частей "... при их невмешательстве во внутренние дела"²¹.

Ф.Мендеро отрицал высказанное в советской литературе утверждение^Х. В 1934 г. известный латвийский буржуазный политический деятель С.Паэгле писал: "Август Винниг был очень хитрым представителем Германии в Латвии. Будучи социал-демократом, он хорошо проник в латвийские левые круги (имеются в виду социал-демократы. - А.С.), многое выведая и доставляя информацию баронам и ... оккупационным властям" (ЦИА ЛатвССР)

верждение²², что он в Берлине просил у германского правительства военной помощи для борьбы с Советской властью в Латвии и поддерживал, в этих целях, формирование немецких добровольческих частей. Суть дела именно в том, что просьба Ф. Мендера об "организованном уходе немецких частей" было не чем иным, как просьбой о защите буржуазного строя в Латвии и борьбой против Советской власти в условиях, когда о каких-то "латвийских силах" серьезно говорить невозможно. Это признает и Б. Калинин, который о поездке Ф. Мендера писал более откровенно: "... ЛСДРП отпустила в середине декабря Ф. Мендера в Берлин ... чтобы добиться сопротивления Красной армии со стороны немецких войск..."²³ Даже немецкий фашистский историк К. Гримм признал: "Общие силы армии Красной Латвии, учитывая резерв на 1 января 1919 г. можно оценивать в 20 000 человек. Три четверти из них - примерно 15 000 человек - латыши. Состав латвийской антибольшевистской армии в это же время - примерно 450 человек. Таким образом, на стороне большевиков оказалось в 33 раза больше латышей, чем в антибольшевистских частях"²⁴ ... " Не выдерживает критики и утверждение Ф. Мендера, что Красная армия была слабой и ее не поддерживали жители Латвии²⁵. Тот же К. Гримм указывает, что Красную армию активно поддерживало большинство гражданского населения Латвии, а видный прибалтийско-немецкий историк Х. Римма, об этом периоде писал: "Латвийские большевики могли с уверенностью ожидать успехов, так как примерно три четверти латвийских жителей являлись большевиками или, по крайней мере симпатизировали большевикам"²⁶.

Меньшевики считали, что в конце 1918 г. - начале 1919 года сохранение германских оккупационных войск в Латвии является необходимым для борьбы против Советской власти в Латвии. Правда, в это время они еще не совсем разобрались в том, что помимо антияковских, Германия преследовала в Латвии также и другие политические цели, реализация которых не могла отвечать интересам меньшевиков. Хотя уже в конце 1918 г. началось проявление некоторого разочарования меньшевиков деятельностью А. Виллига ("... он совсем не был другом независимой Латвии, а всячески старался обеспечить чрезмерные интересы немецкого меньшинства"), они считали, что правительство Германии "... фактически ничего не знало о националистиче-

ской политике Виннига в Латвии"²⁷. Настораживающий симптом наблюдается уже во время пребывания Ф. Мендера в Берлине: когда он обратился к германским социал-демократам с просьбой оказать латышским меньшевикам материальную помощь, в ней было отказано²⁸. В Латвии правительство Германии ориентировалось не на меньшевиков, а на черносотенных латышских коллаборационистов и немецких баронов. Однако меньшевики в самом начале 1919 г. не придали должного значения этому отказу, носившему отнюдь не второстепенный, частный характер, так как по признанию самого Ф. Мендера "... в конце 1918 года, в начале 1919 года ... наши симпатии принадлежали Германии, мы думали, что она будет в международном масштабе, особенно в Прибалтике, поощрять демократию. Мы считали агрессивней вторжение русских в Латвию в конце 1918 года"²⁹. В последней фразе - объяснение симпатий меньшевиков к Германии. Их антикоммунизм и антисоветизм не позволял уже в начале 1919 года рассмотреть все цели германской политики в Латвии. Представление о Советской России как об агрессоре и побде Советской власти в Латвии как экспорте революции диктовало и просьбу Ф. Мендера в Берлине "... чтобы германское правительство что-то предприняло в Москве против русского вторжения"³⁰.

В конце 1918 г. - начале 1919 г. меньшевики попытались связаться с советами немецких солдат в Латвии, которые начали создаваться с 12 ноября 1918 года³¹ и добиться их поддержки в своей деятельности. "Мы должны сделать все, чтобы укрепить революционные учреждения немецкой армии, - писала меньшевистская печать³². Позже, в конце 1919 года, на партийной конференции секретарь партии Б. Казиниш вспоминал: "Была попытка переписываться с немецкими солдатами, находившимися в то время в Курземе, но так называемые солдатские советы просуществовали короткое время, вскоре они были распущены"³³. Никаких положительных для меньшевиков результатов контакты с солдатскими советами не дали. Главной причиной тому явилось не то, что советы просуществовали короткое время, а то, что немецкая регулярная армия не желала больше воевать в Латвии и понадобилось формировать т.н. легион

дивизии из добровольцев. Немаловажным обстоятельством было то, что в солдатских советах большинство захватили шейдемановцы, отнюдь не симпатизировавшие меньшевикам. Следует особо подчеркнуть, что меньшевики, обращаясь к немецким солдатским советам, последовательно подчеркивали свою враждебность большевизму, приверженность борьбе с Советской властью³⁴. Выпячивая свой антибольшевизм, меньшевики, конечно, могли и не знать, что в выданных германским правительством полномочиях А. Виннигу поручалось: подавлять "... спартакистов и русско-большевистские элементы ... с применением всех военных, юридических и политических средств"³⁵, но они видели антисоветизм немецких социал-демократов и заботились о том, чтобы их не приняли за большевиков. "13 ноября ... состоялся съезд солдатских советов, избравший совет в немецкой армии. На съезде участвовал как делегат и наш связной Штейнфельд... Съезд принял суровое решение против коммунистов и отверг применение русских политических методов германской революцией", пишет Б. Калинин³⁶.

Уже в феврале 1919 г. в рядах меньшевиков появилось открытое разочарование политикой Германии в Латвии, осознание ее крайне реакционного и империалистического характера, выражавшегося в поддержке местного дворянства. 19 февраля 1919 года в газете "Strādnieku Avīze" (это главный орган партии в данное время; "Socialdemokrāts" не выходил до начала июля) Ф. Менгерс был вынужден признать, "... что немецкие социалисты утверждают, что они - против кайзеровской восточной политики Германии, но когда в власти пришли шейдемановцы, эта политика в лице Виннига была продолжена"³⁷.

Критика политики Германии усилилась после разоблачения в феврале т.н. заговора Стрика³⁸; социал-демократы начали использовать в ее целях международную трибуну. Представитель партии за границей П. Сея участвовал в работе Бернской конференции рабочих и социалистов (3-10 февраля 1919 г.), на которой, отвечая на запрос П. Сея, представители германской социал-демократии Г. Майер и О. Вельс заявили о полной "... незаинтересованности Германии ..." в Латвии³⁹.

Разочаровавшись в политике германских правых социал-демократов, меньшевики сохраняли надежду на поддержку со стороны "независимых"^X. В начале марта 1919 г. П. Калниньш присутствовал на съезде "независимых" в Берлине и в своей речи осудил деятельность германских частей в Латвии, охарактеризовав ее как реакционную и соответствующую интересам местных баронов⁴⁰. Он имел также встречу с лидером правых социал-демократов Г. Мюллером и призвал его воздействовать на фон дер Гольца⁴¹. П. Сея из Берна обратился с телеграммой к Г. Гаазе, в которой сообщал о раскрытии заговора Стрика и просил "независимых" выступить за вывод германских войск из Латвии. Он также обвинил Г. Мюллера и О. Вельса в лицемерии и в сознательном обмане Интернационала. 13 марта в Учредительном собрании Германии Г. Гаазе зачитал телеграмму П. Сея и потребовал прекращения агрессивной политики Германии в Латвии. Г. Мюллер в своем ответе Г. Гаазе еще раз заявил, что социал-демократия Германии не имеет никакого отношения к деятельности германской воюющей в Латвии⁴².

Критика политики Германии в Латвии со стороны меньшевиков особенно усилилась после того, как 16 апреля 1919 года ландесвер разогнал правительство К. Ульманиса, а 26 апреля главнокомандующий немецкой армией в Латвии генерал Р. фон дер Гольц создал марионеточное "правительство" пастора А. Ниедра. Конечно, такое развитие событий в Латвии совершенно не соответствовало политическим интересам меньшевиков; при "правительстве" А. Ниедры им вряд ли нашлось бы место в политической жизни Латвии. Известно ведь, что даже ^X Среди "независимых" действительно имелись политики, которые осуждали создание добровольческих частей для войны в Латвии, критиковали деятельность А. Виннига. Реакционная политика Германии разоблачалась органами "независимых" - газетой "Freiheit" (см. Я. С. Дробкин. Ноябрьская революция в Германии. - М., 1967. - С. 300; Krupnikova P. Meiu un priekšības raksts. - Rīga, 1980. - 138. лpp.). На внешнеполитический курс правительства Германии в Прибалтике эта критика никакого влияния не оказала.

К. Ульманиса А. Ниедра обвинил в "большевизме"⁴³.

После путча П. Соя обратился к западноевропейским социал-демократам с просьбой оказать давление на германское правительство и добиться изменения его политики в Латвии. Исполнительный комитет, созданный Бернской конференцией, потребовал от немецкого правительства восстановления в Латвии временного правительства К. Ульманиса и наказания путчистов. Г. Мюллер и Ф. Велле 30 апреля 1919 г. в письме в Исполнительный комитет отвергли причастность германского правительства к перевороту и заявили о поддержке "... полного самоопределения латышского народа"⁴⁴.

В то же время политика Германии в Латвии ничуть не изменилась. 26 апреля 1919 г. в Лиепаю прибыл военный министр Германии Г. Носке. В помещении немецкого посольства он встретился с меньшевиками А. Бушевицем и Ф. Мендером. Состоялась беседа, не принесшая результатов. Носке защищал Гольца и не предпринимал никаких мер против переворота. Он оказался столь же недоброжелателем к независимости и демократии Латвии, как и Винниг⁴⁵. Очевидно, гораздо более приятным собеседником для Носке был А. Ниедра, с которым он также имел беседы в Лиепае⁴⁶. Германия продолжала проводить курс на использование

в своих внешнеполитических целях латышских черносотенцев и местных немецких баронов^x. Латышские меньшевики вскоре могли убедиться в этом самым неприятнейшим образом: 16-17 мая 1919 г. немецкие военные власти в Лиепае арестовали руководителей меньшевиков А. Бушевица, А. Рудевица и Ф. Мендера (первый раз их арестовали сразу после путча 16 апреля, но вскоре освободили), обвинив их в подготовке вооруженного восстания против немецких войск (формально приказ об аресте меньшевиков и еще 9 членов Народного Совета исходил от "главы правительства" А. Ниедра, который хотел отомстить за свое похищение в ночь

^x Об этом свидетельствовал и такой факт: 12 мая 1919 г. Народный Совет решил послать в Германию делегацию в составе трех своих членов - А. Квиесиса (Крестьянский Союз), Ф. Мендера (социал-демократ), В. Шрайнера (представитель немецкой фракции, лояльно относившейся к правительству К. Ульманиса), которая должна проинформировать правительство Шейдемана.

на 12 мая, осуществленное некоторыми близкими к меньшевикам офицерами⁴⁷.) Уже 26 мая меньшевиков освободили из под ареста; конечно, восстания они не готовили⁴⁸. ЦК социал-демократов, их представитель за границей П. Сея обратился к руководству германской социал-демократии с протестом по поводу арестов. Правление германской социал-демократии 30 мая 1919 г. осудило арест, призвало правительство отозвать Гольца из Латвии, прервать связи между германской армией и ландесвером. Одновременно правление настояло на том, что утверждения меньшевиков Латвии о лживости и лицемерности заявлений германской социал-демократии о ее политике в Латвии является совершенно необоснованными⁴⁹. 3 июня 1919 г. Ф. Мендерс обратился с письмом к главе германского правительства Ф. Шейдеману. В этом письме он обвинял германское правительство в проведении реакционной политики в Латвии и угрожал осуждением международной социал-демократии, оправдываясь в том, что меньшевики никакого восстания не готовили и опровергал выдвинутые против них обвинения⁵⁰.

Начиная с конца 1919 г. меньшевики настойчиво распространяли версию, согласно которой они самоотверженно боролись против германских планов в Латвии и "правительства" А. Ниедра. Позже, в апреле 1921 г., выступая на собрании Рижской организации социал-демократической партии, Ф. Мендерс заявил: "Мы спасли Латвию от окончательной политической и хозяйственной разрухи, которая могла наступить в случае победы феодальных сил Ниедра"⁵¹. Нетрудно понять, что такое освещение событий первой половины 1919 г. понадобилось именно потому, что на самом деле "героической борьбы" ведь не было, ее следовало изобрести, чтобы меньшевики более привлекательно выглядели в глазах народных масс, особенно - своего потенциального избирательного корпуса. Особенно после разгрома о путче 16 апреля. Министерство иностранных дел Германии в визах членам делегации отказало, сославшись на "... несвоевременность данной поездки..." - *Nonācs O. un Šreiners V. Pēc 13. novembra. Tautas Padomes locekļa memuāri. - Rīga, 1933. - 92. lpp. ; F. Mendera fonds. - N 16.*

Бермондта осенью 1919 г. стало политически очень выгодно выставлять себя в качестве национальной, антинемецкой и антидворянской силы уже с начала 1919 г. и использовать этот "герсический" ореол в целях внутривнутриполитической борьбы, особенно накануне выборов в Учредительное собрание. Но на самом деле картина была таковой, что даже Б.Калниньш, секретарь партии, выступая на меньшевистской конференции (28 декабря 1919 г. - 1 января 1920 г.) об этой "борьбе" не мог сказать ничего большего, как то, что меньшевики "... за границей, через независимую немецкую печать, распространяли сведения о настоящем положении в Латвии". Совершенно прав был меньшевик Д.Целис, который на конференции заявил, оценивая деятельность партии в первой половине 1919 г.: "... социал-демократия Латвии некоторое время находилась под сенью контрреволюции ... силы, защищавшие нас, защищали и баронов ...". "Мы, - продолжал Д.Целис, - ни идейно, ни политически не образовали ту третью силу, которая могла бы создать латвийскую демократию". Эта была неприятная правда и именно поэтому вызывала на конференции протесты Ф.Мендера⁵².

В первой половине 1919 года, когда Советская власть победила на значительной части территории Латвии и буржуазное правительство К.Ульманиса не располагало реальными военными силами для ее свержения, меньшевики ограничивались только критикой германской политики в Латвии. Уже в феврале 1919 г. "Strādnieku Avīze" опубликовала цикл статей Ф.Мендера, излагавший политическую платформу меньшевиков. В них отражалось и представление меньшевиков о роли Германии в Латвии⁵³. Свержение Советской власти - единственная задача Германии в Латвии, заявляли они. Критика меньшевиков была направлена против тех направлений политики Германии, которые существовали помимо этой цели: поддержка местной реакции, очевидные захватнические цели в Латвии, кровавый террор против гражданского населения, грабежи и мародерство^х. Исходя иными

^х В критике "вероятно немецких частей" меньшевики были совершенно искренны, ведь немецкий террор был направлен не только против сторонников Советской власти: "... расстрелива-

словами, Германия критиковалась за нежелание ограничиться только ролью могильщика Советской власти в Латвии. Правда, необходимо отметить, что в статьях Ф. Мандера содержалось требование расформирования ландесвера и проведения всеобщей мобилизации в регулярную армию буржуазного правительства Латвии⁵⁴. Однако следует отметить, что в первой половине 1919 г. о значительных военных силах буржуазного правительства говорить невозможно. Мы уже приводили выше выдержки из работ немецких авторов о состоянии латышских буржуазных частей в начале 1919 года. Конечно, определенный процесс их укрепления наблюдался, но даже 28 апреля 1919 г. и.о. главы американской миссии в Прибалтике О. Н. Солберт отметил: "Решающим фактором в этой борьбе (против Советской власти - А.С.) являются германские войска и германское командование. Вывод германских войск без замены их какой-либо равноценной силой означал бы передачу страны большевикам"⁵⁵. Это признавалось и самими меньшевиками. В 1920 г., полемизируя с Крестьянским Союзом, лидеры которого стремились скрыть свои недавние связи с немецкими реакционерами в борьбе против Советской власти и представить себя в качестве самоотверженных борцов за истинные национальные интересы, Ф. Циеленс совершенно верно писал: "... немногие роты латышских солдат, которыми руководил Калпаж и позже Балодис, являлись весьма слабой силой... Главным фактором являлись части немецкой армии и руководимый баронами ландесвер"⁵⁶.

12 мая 1919 г. (т.е. - уже после путча 16 апреля) Народный совет, в который вернулись меньшевики, направил ноту протеста германскому правительству в связи с событиями 16 апреля. "Народный Совет надеется, что германское правительство без промедления предпримет далее месту верховному командующему всякий, у кого нет подлинного немецкого удостоверения" писала " Strādnieku Avīze " 27 февраля 1919 г. "Ландесвер под руководством баронов... преследовал гражданское население. Ландесверовцы не различали социал-демократов от коммунистов, - пишет Б. Калинин. - Kalniņš В. Vēl otra nav galā. - 217. lpp.

дованию германских войск не чинить препятствий мобилизации латвийских войск, с тем, чтобы эти последние еще до вывода германских войск могли принять вместо них на себя оборону Латвии, дабы предотвратить развал фронта", говорилось в ноте⁵⁷. Одновременно Народный Совет принял резолюцию, обращенную к правительствам Германии и союзных держав, в которой просил "... в ближайшее время создать в стране третейский суд, который определил бы и ограничил на основе международного права полномочия германской армии в Латвии до момента ее вывода"⁵⁸. Итак, 12 мая Народный Совет принял проект только "... ограничить полномочия..." германской армии. Причина такой половинчатости ясна: еще не была свергнута Советская власть в Риге, а это должно было быть осуществлено исключительно немецкими частями. Конечно, поддержка со стороны Германии местных баронов, немецких частей ландсвера не соответствовало политическим целям меньшевиков, особенно — курсу на радикальную аграрную реформу, необходимую для укрепления их политических позиций и расширения социальной базы. Все-таки основным, что определяло отношение меньшевиков к политике Германии в Латвии в первой половине 1919 г., являлось осознание ими неопровержимого факта: без вооруженных сил Германии свергнуть Советскую власть невозможно.

Дальнейшее отношение меньшевиков к германской политике в Латвии определялось рядом факторов: агрессивностью политики Германии, падением Советской власти на большей части территории Латвии, ростом и укреплением латвийской буржуазной армии и др. Меньшевики резко осудили перемирие в Страздмуйжа от 3 июля 1919 г. и образование коалиционного правительства К. Ульманиса с участием представителей немецких баронов. Совершенно обоснованно они обвинили в этом Антанту⁵⁹ одновременно предупреждая правительство К. Ульманиса, что союзники, создав его кабинет, если им это будет необходимо, могут и его "... выбросить на свалку к остальному историческому, правому мусору"⁶⁰. Эта беспощадная и верная оценка правительства К. Ульманиса отражала не только искреннее разочарование меньшевиков половинчатостью исхода Цесисских

боев, но и в не меньшей мере разочарование тем, что их не пригласили в новый кабинет министров. "Необходимо образовать временное правительство, которое по своему составу и политике пользовалось бы доверием как рабочих, так и либеральной буржуазии...", писал "Socialdemokrāts"⁶¹ ("доверие рабочих" меньшевики относили к себе - А.С.). Критикуя образование коалиционного правительства они все же не шли на обострение отношений с Крестьянским Союзом и лично К.Ульманисом: вняв его просьбе, при голосовании в Народном Совете меньшевики воздержались, что вполне удовлетворяло лидера Крестьянского Союза. Такая позиция меньшевиков выдавала их желание в будущем достичь компромисса с Крестьянским Союзом по вопросу формирования правительства.

После поражения немецких частей под г.Цесис Германия, при согласии Антанты, начала готовить банды "подковника" Бермондта, надеясь использовать их в осуществлении своих агрессивных внешнеполитических планов. Латвские меньшевики обоснованно усмотрели в полчищах Бермондта смертельных врагов национальных и социальных интересов латышского народа. На конференции социалистов в Люцерне (1-9 августа 1919 г.) П.Калниньш резко осудил правительство Германии за его агрессивную политику в Латвии. Участники Люцернской конференции решили созвать в 1920 г. международный социалистический конгресс в Женеве; П.Калниньш пригрозил немецким социал-демократам, что в случае продолжения прежней германской политики в Латвии меньшевики выступят в Женеве с предложением исключить немецких социал-демократов из II Интернационала.⁶² Хотя конференция и высказалась за независимость Латвии и незамедлительный вывод германских войск⁶³, правительство Германии эти решения игнорировало.

В самом начале сентября 1919 г., в условиях неуклонно возрастающей угрозы наступления Бермондта, Ф.Мендерс, выступая на собрании Ридской организации меньшевиков, заявил о возможном вхождении меньшевиков в буржуазное правительство "... в целях спасения демократии..." и отражения агрессии бермондтовских банд.⁶⁴ После того, как 11 сентября 1919 г.

Советская Россия обратилась к буржуазному правительству К.Ульманиса с предложением начать мирные переговоры, уже 14 сентября 1919 г. ЦК меньшевиков высказался за мир с Советской Россией. Особенно подчеркивалось, что этого требует необходимость сосредоточения сил против Бермондта⁶⁵. 6 октября 1919 г. вопрос о мире с Советской Россией начал обсуждать Народный Совет Латвии, 7 октября выступил Ф.Циеленс, особо подчеркнувший, что "... ситуация в Курземе..." требует "скорейшего заключения мира"⁶⁶. 8 октября 1919 г. началось наступление Бермондта на Ригу. В сложившейся драматической ситуации в испуганных правительственных кругах возникла идея создания чрезвычайного "... политического кабинета (директории) в составе 5 членов" с участием меньшевиков. Спешно собравшийся 9 октября на свое заседание ЦК партии принял решение о возможности войти в "директорию" на следующих условиях "1) Изгнание немцев из Курземе, 2) Заключение мира с Советской Россией"⁶⁷.

В дни борьбы с Бермондтом меньшевики развернули активную политическую деятельность, отвечавшую национальным интересам Латвии. 13 октября 1919 г. Рижский комитет партии выпустил воззвание "К оружию", призывавшее народ вступить в армию для отпора агрессору; ряд видных партийных активистов участвовали в боевых действиях⁶⁸. Основные политические лозунги партии в это время — укрепление армии для отражения агрессии бермондтовцев, конфискация помещичьих земель, обеспечение земель безземельных крестьян, скорейшее заключение мира с Советской Россией⁷⁰ — отвечали интересам народных масс. Конечно, выдвигая их, меньшевики не в последний очередь заботились об укреплении своих политических позиций.

Меньшевики активизировали и свои международные контакты. В сентябре ЦК партии послал в Берлин и Веймар видного деятеля партии Д.Цедкса⁷¹, члена Народного Совета. Он сообщал, что правые социал-демократы практически поддерживают авантюру Бермондта. Коске заявил, что вывод немецких войск из Латвии задерживается не по вине Германии, а по вине правительства К.Ульманиса. Чтобы скрыть поддержку Бермондта,

Носке^X на заявление Д.Целмса о том, что в войсках Бермондта 80% немцев отвстил, что по его данным немцев не более 10% и поэтому Германия не несет никакой ответственности за поведеие бермондтовского войска⁷². Не оправдались надежды меньшевиков и на возможное давление на правительство Германии со стороны "независимых" социал-демократов: 8 октября в Национальном собрании должен с осуждением действий Бермондта был выступить Г.Гаазе, который уже 4 июля резко осудил массовые кровавые преступления частей Гольца в Латвии, но в этот же день, 8 октября, Г.Гаазе стал жертвой покушения. Правда, газета "независимых" "Freiheit" критиковала агрессивную политику Германии в Прибалтике и писала о событиях в Латвии, говоря словами Д.Целмса^{XX}, "... без злонамеренных умыслов...". Однако курс правительства Германии в Латвии не менялся.

3 ноября 1919 г. армия буржуазного правительства Латвии перешла в контрнаступление; в конце ноября, после того, как правительство Германии 23 ноября 1919 г. приняло решение о возвращении себе все полноты добрых дел Бермондта под командование и защиту германской армии, правительство К.Ульманиса разорвало дипломатические отношения с Герма-

^X Командир т.н. немецкого легиона, вошедшего в армию Бермондта, капитан I-го ранга Зиберт в середине сентября 1919 г. отмечал: "Военный министр Носке и президент государства (социал-демократ Эберт) относятся к нашим планам благосклонно. Штаб военного министра энергично поддерживает нас..." - Социалистическая советская республика Латвии в 1919 г. и иностранная интервенция. Документы и материалы в 2-х т. - Рига, 1960. - Т.2. - С.468.

В начале июля 1920 г. полиция буржуазной Латвии арестовала ротмистра 18 (Тукумского) полка Иохима Роппа, обвинявшегося в том, что с августа 1919 г. он являлся связным между Бермондтом и официальными представителями германского правительства в Берлине. ЛСИА Латвийской ССР.

^{XX} Д.Целмс с сожалением сообщал, что немецкие газеты, за исключением "Freiheit", тенденциозно освещают события в Латвии, не печатают сообщения Латвийского бюро печати (См.

нией и объявило о фактическом состоянии войны с ней.

В самом конце 1919 г. - начале 1920 года состоялась партийная конференция меньшевиков. Выступая на ней, Ф. Циеленс и Б. Калинин призывали II Интернационал исключить германских правых социал-демократов ("... хотя бы руководящих деятелей..."), "... ответственных за события в Латвии ..." из II Интернационала. Говоря о будущих отношениях Латвии с Германией, Ф. Циеленс заявил: "Она (Германия - А.С.) всегда будет против независимости Латвии". Одновременно он призывал к установлению хозяйственных связей с Германией⁷³. Следует отметить, что критика политики Германии, высказанная на конференции, последовала вскоре после разгрома Бермондта, она по многом еще питалась настроениями недавних трагических событий. Одновременно это был последний громкий критический шаг в адрес Германии. В 1920 г., в силу, в первую очередь, внутриполитических соображений, как и учитывая ряд международных факторов, меньшевики круто изменили свое отношение к Германии, выступили с резкой критикой буржуазного правительства Латвии за затягивание восстановления отношений с Германией. Ф. Мендерс сыграл важную роль в возобновлении мирных отношений между Латвией и Германией летом 1920 года.

Последовательное выступление (с 14 апреля по 15 мая 1919 г.) меньшевиков против агрессивной политики Германии в Латвии, особенно - в дни агрессии Бермондта, упрочило политические позиции меньшевиков. Правда, в октябре 1919 г. не был создан чрезвычайный кабинет министров с участием меньшевиков. После того, как взять Ригу Бермондту не удалось, а патриотическое добровольческое движение значительно укрепило армию, правительство К. Ульманиса перешло к первому испугу и вопрос о "директории" так и остался только на уровне слухов, как позже писал Ф. Мендерс⁷⁴. Но это не было столь существенно для меньшевиков: курс партии на проведение радикальной демократической аграрной реформы, в подпольный голос сдвинутой в дни отражения бермондтовской агрессии, получал поддержку значительной части населения. Фонд Ф. Мендера. - № 16).

Этим определялся, в будущем, крупный успех партии на выборах в Учредительное собрание в апреле 1920 года.

Примечания

- I Государственная библиотека Латвийской ССР им. В.Лациса. - Отдел редких книг и рукописей. - А.З. - Фонд Ф.Мендера. - № 16 (в дальнейшем - Фонд Ф.Мендера).
- 2 Sociāldemokrāts. - 1918. - 7. dec.
- 3 Ozoliņš K. Divas revolūcijas: Karš ar muižniecību kā Latvija cēlās. 1917-1920. - Rīga, 1934. - 67. lpp.
- 4 Фонд Ф.Мендера. - № 9; Kalniņš В. Latvijas sociāldemokrātijas piecdesmit gadi. - Stokholma, 1956. - 193. lpp.
- 5 Kalniņš В. Vēl cīņa nav galā. - В.в., 1983. - 168. lpp.
- 6 Там же. - С.162.
- 7 Там же. - С.162.
- 8 Там же. - С.167.
- 9 Latvijas Tautas Padome. - Rīga, 1920. - 9. lpp.
- 10 Там же. - С.15.
- II Cit no Sīpols V. Ārvalstu intervencija Latvijā un tās aizkulises. - 1918.-1920. - Rīga, 1957. - 57. lpp.
- 12 Apine I. Latvijas Komunistiskās partijas nacionālā politika (1917. gada oktobris-1920. gada janvāris). - Rīga, 1980. - 86. lpp.
- 13 Sociāldemokrāts. - 1918. - 25. nov.; 7. dec., 17. dec., 24. dec.
- 14 Дробкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. - М., 1967. - С. 299-300.
- 15 Sociāldemokrāts. - 1918. - 31. dec.
- 16 ЦГА Латвийской ССР.
- 17 Там же.
- 18 Sociāldemokrāts. - 1918. 31. dec.
- 19 Latvijas Tautas Padome... - 30. lpp.
- 20 Фонд Ф.Мендера. - № 9.
- 21 Там же.

- 22 Rudeviča A. Mēsēvisma bankrots Latvijā. - Rīga, 1957.-
39.-42.lpp.; Sīpols V. Ārvalstu intervencija... - 95. lpp.
- 23 Kalniņš B. Latvijas sociāldemokrātijas piecdesmit gadi
... - 199. lpp.
- 24 Kruņņikovs P. Melu un patiesības palete. - Rīga, 1980.
- 128. lpp.
- 25 Фонд Ф.Мендера. - № 9.
- 26 Kruņņikovs P. Melu un patiesības palete... - 129. lpp.
- 27 Kalniņš B. Vēl oīņa nav galā... - 186. lpp.
- 28 Фонд Ф.Мендера. - № 9.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Arīne I. Latvijas Komunistiskās partijas nacionālā po-
litika... - 125. lpp.
- 32 Strādnieku Avīze. - 1919. - 23.nov.
- 33 ЦГИА Латвийской ССР.
- 34 Strādnieku Avīze. - 1919. - 12. febr.
- 35 Дробиш Я.С. "Русский вопрос" в германской политике на-
кануне Версаля // Ежегодник германской истории 1976. - М.,
1977. - С.146.
- 36 Kalniņš B. Vēl oīņa nav galā... - 165. lpp.
- 37 Strādnieku Avīze. - 1919. - 19. febr.
- 38 См. об этом подробнее: Sīpols V. Ārvalstu intervencija
Latvijā... - 122.-123. lpp.
- 39 Фонд Ф.Мендера. - № 36.
- 40 Там же.
- 41 Kalniņš B. Vēl oīņa nav galā... - 22. lpp.
- 42 ЦГИА Латвийской ССР.
- 43 Niedra A. Tautas nodevēja atmiņas. - Rīga, 1924. - 1.
sēj. - 66. lpp.
- 44 Фонд Ф.Мендера. - № 36.
- 45 Там же; Kalniņš B. Vēl oīņa nav galā... - 235. lpp.
- 46 Фонд Ф.Мендера. - № 36.
- 47 Rudeviča A. Pārdomas par buržuāzisko Latviju... - 37.lpp.
- 48 Фонд Ф.Мендера. - № 36.
- 49 ЦГИА Латвийской ССР.

- 50 Фонд Ф. Мендера. - В 36; В 16. После того, как Шейдеман получил письмо Ф. Мендера, а 2 и 7 июня ему информации о Латвии представил и В. Шрейнер, которому удалось прибыть в Германию, визы для въезда делегации Народного Совета были выданы.
- 51 ЦГИА Латвийской ССР.
- 52 Там же.
- 53 Strādnieku Avīze. - 1919. - 12., 19., 21., 23., 25. febr.
- 54 Strādnieku Avīze. - 1919. - 23. febr.
- 55 Восстановление советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР // Документы и материалы. - Рига, 1986. - С. 66.
- 56 Cielēns F. Latvijas valsts tapšana // Strādnieku un bezzemnieku kalendārs 1921.g. - Rīga, 1920. - 71. lpp.
- 57 Социалистическая советская республика Латвии в 1919 г. и иностранная интервенция // Документы и материалы... - Т. 2. - С. 77.
- 58 Ozoliņš K. Divas revolūcijas... - 177. lpp. ; Paegle Sp. Kā Latvijas valsts tapa. - Rīga, 1923. - 295. lpp.
- 59 Sociāldemokrāts. - 1919. - 14. jūlijs.
- 60 Там же. - 7 июля.
- 61 Там же.
- 62 ЦГИА Латвийской ССР.
- 63 Фонд Ф. Мендера. - В 16.
- 64 Sociāldemokrāts. - 1919. - 3. sept.
- 65 ЦГИА Латвийской ССР.
- 66 Latvijas Tautas radome... - 366. lpp.
- 67 ЦГИА Латвийской ССР.
- 68 Kalniņš B. Latvijas sociāldemokrātijas 50 gadi. - 207. lpp.
- 69 Sociāldemokrāts. - 1919. - 29. oktobrī.
- 70 Фонд Ф. Мендера. - В 16.
- 71 Kalniņš B. Latvijas sociāldemokrātijas 50 gadi. - 208. lpp.; В октябре 1919 г. В. Челмс вернулся в Латвию, добровольцем пошел в армию и героически сражался против Бермоната.
- 72 Фонд Ф. Мендера. - В 16.
- 73 ЦГИА Латвийской ССР.
- 74 Фонд Ф. Мендера. - В 16.

Е. Шикова

Организационная система прибалтийских немцев в буржуазной Латвии (1920 - 1934)

Прибалтийские немцы имели большое значение в политической жизни буржуазной Латвии. Местная немецкая буржуазия, принимая участие почти во всех важнейших политических событиях парламентского периода, оказывала большое влияние не только на общественно-политическую и экономическую жизнь, но также и на взаимоотношения Латвии с Германией и другими странами.

Значительная роль прибалтийских немцев определялась особенностями всей экономической и политической жизни Латвии, которая в 20-30-е годы являлась типическим примером существующих в эпоху империализма малых капиталистических стран, "политически формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости"¹.

Политическая система Латвии в буржуазно-парламентский период отличалась нестабильностью, проявляющейся в периодических правительственных кризисах с частой сменой правительства, в политической раздробленности латвийской буржуазии.

Латышская буржуазия из-за своей политической разобщенности нуждалась в поддержке буржуазии других национальностей. Прибалтийские немцы в этом отношении являлись особенно важной политической силой. Их общее число в рассматриваемый период составляло около 3% из всего числа населения Латвии. По сравнению с другими национальными меньшинствами Латвии прибалтийские немцы занимали особое положение, которое объяснялось в первую очередь их историческим прошлым - тем, что прибалтийско-немецкая буржуазия и бывшие помещики в буржуазной Латвии еще недавно были привилегированной частью имущих классов. Во-вторых, немецкой буржуазии в целом удалось сохранить свои сильные экономические позиции в Латвии. Латышская буржуазия отменила проведенную Советской властью в 1919 г. конфискацию

помещичьего земельного имущества и в ходе буржуазной аграрной реформы оставила бывшим немецким помещикам (баронам) от 50-100 га земли. В целом после проведения буржуазной аграрной реформы в их руках находилось 504,8 тыс.² га земли, которую они потом частично распродали латышской буржуазии. Поэтому, хотя и немецкое население буржуазной Латвии было социально неоднородным, ведущее положение занимала буржуазия. В-третьих, прибалтийские немцы всегда получали поддержку от Германии. И в конечном счете, среди других политических сил буржуазной Латвии прибалтийские немцы особенно отличались своей политической организованностью, сплоченностью и высокой дисциплинированностью. Это было достигнуто централизованной, политически и идеологически единой организационной системой, которую П. Стучка в 1925 году назвал "немецкой крепостью"³.

В данной статье характеризуется процесс создания этой организационной системы в парламентский период. В целом этот процесс делится на два периода: первый - с начала 1920 г. до осени 1923 г., и второй - с осени 1923 г. до 1933/1934 гг. В это время под руководством местной немецкой буржуазии и бывших баронов была создана организационная система, преследующая две цели - с одной стороны политически и идеологически сплотить немецкое население Латвии, превратить его в национально замкнутую группу, полностью подчиненную интересам немецкой буржуазии и бывших немецких помещиков, с другой стороны - воздействовать на политическую жизнь буржуазной Латвии. В целом обе цели были достигнуты.

Прибалтийские немцы являлись открытыми противниками коммунистического и рабочего движения в Латвии. Так, VII съезд КП Латвии в своем воззвании к трудящимся страны в феврале 1923 г. отметил: "наш первый и опаснейший общий враг есть и остается помещик" и "синий барон все еще опасней нового, серого"⁴.

Обсуждаемый вопрос в исторической литературе изучен недостаточно. И. Фелдманис рассматривает изменения в организационной структуре прибалтийских немцев Латвии в связи с началом их перехода на позиции нацизма после прихода Гитлера к власти в Германии⁵, а П. Крупников дает историографический

обзор этой проблемы⁶. Организационная система прибалтийских немцев буржуазной Эстонии рассмотрена тартуским историком Я. Райдом⁷. Как источники по рассматриваемому вопросу следует расценивать работы ведущих деятелей прибалтийских немцев 20-30 гг. - В. Вахсмута⁸, П. Шимана⁹, В. Рюлигера¹⁰, А. Интелмана¹¹. Из трудов западногерманских исследователей следует выделить работы М. Гарлефа¹² и Д. Хена¹³.

Что же из себя представляла организационная система прибалтийских немцев?

В организационную систему входили партии, организации, общества, пресса, школы, институт Гердера и немецкие церковные приходы. В рассматриваемый период в различное время выходило 15 немецких газет и приблизительно 17 журналов, календарей, научных изданий.

Непосредственно к созданию этой системы немецкие "верхи" приступили в начале 1920 года после поражения Германии в первой мировой войне политических и военных неудач 1918-1919 годов. Теперь они были вынуждены в целом приспособиться к сложившимся новым обстоятельствам и включиться в политическую жизнь буржуазной Латвии. Однако немецкая буржуазия и бывшие бароны никогда не отказывались от надежды на хотя бы частичное восстановление былого положения. Для этого в первую очередь была необходима сплоченность всего прибалтийско-немецкого населения Латвии.

Первый период характерен тем, что у прибалтийских немцев Латвии в 1920-1923 годах отсутствовала ведущая организация, но действовало пять организационных центров, которые руководили политической, экономической, социальной и культурной деятельностью местных немцев и способствовали идеологическому воздействию немецких правящих кругов на всё немецкое население Латвии, его сплочению и обособлению от остального населения Латвии. Этими центрами являлись Немецкое управление просвещения, Немецкий отдел Совета лютеранской церкви, Комитет прибалтийско-немецких партий, Центр немецкого социального обеспечения и Союз немецких родителей.

Комитет прибалтийско-немецких партий (Ausschuss der

deutsch-baltischen Parteien) был образован в феврале 1920 года. До 1933 года его возглавлял П.Шиман. Комитет должен был "защищать культурные и национальные интересы всех проживающих в Латвии немцев" и официально их представлять. Это была

основная политическая организация прибалтийских немцев в буржуазной Латвии. В 1920-1923 годах в его состав входил Центральный избирательный комитет, образованный в феврале 1920 года, занимающийся организацией участия немецкого населения Латвии в парламентских и городских думских выборах.

Первой в 1920 году свою работу возобновила Прибалтийско-немецкая демократическая партия (Deutsch-baltische Demokratische Partei), образованная еще в 1917 г. Председателем этой партии был избран П.Шиман.

Свою деятельность продолжала Прибалтийско-немецкая прогрессивная партия (Deutsch-baltische Fortschrittliche Partei), образованная в 1918 году Э.Розенбергом. Это была первая из прибалтийско-немецких политических организаций, которая уже в ноябре 1918 года одобрила провозглашение буржуазной республики и вошла в Народный Совет.

В январе - феврале 1920 года были созданы три новые прибалтийско-немецкие партии: Прибалтийско-немецкая партия реформ (Deutsch-baltische Reformpartei) под руководством Э.Магнуса, Прибалтийско-немецкая народная партия (Deutsch-baltische Volkspartei), возглавляемая бароном В.Фирксом, А.Рейнсом, М.Фегесаком и Лиенская прибалтийско-немецкая партия единства (Libausche deutsch-baltische Einigungspartei). В 1920 г. все немецкие партии и их руководящий центр официально заявили о признании буржуазной республики, таким образом отмежевываясь от тех остзейских политических организаций, которые в 1918-1919 годах выступали против ее образования.

Однако партии не стали основной организационной формой, объединяющей немецкое население Латвии, хотя просуществовали вплоть до мая 1934 года.

Как показывают архивные материалы, прибалтийско-немецкие партии начиная с 1921-1922 года постепенно стали превращаться в своего рода политические дискуссионные клубы и

теряли значение как самостоятельные политические силы. Поэтому уже в 1922 году на выборах в Сейм кандидаты в депутаты буржуазного парламента выдвигались не с учетом партийных интересов, а с учетом интересов отдельных социальных групп немецкой буржуазии и бывших помещиков. Возглавлял эту работу Комитет прибалтийско-немецких партий. На местах с середины 20-х годов стали создаваться объединения прибалтийско-немецких избирателей (*Wählerverbände*), которые в дальнейшем выдвигали кандидатов в депутаты.

Под контролем и верховным руководством Комитета партий находилась деятельность немецкой парламентской фракции и фракций городских самоуправлений. Немецкая парламентская фракция образовалась после выборов в Учредительное собрание в апреле 1920 года. Ее председателем с 1920 по 1933 год был П. Шиман. В октябре 1933 г. его сменил Л. Шелер. В Учредительном собрании (1 мая 1920 г. - 3 ноября 1922 г.) немецкая парламентская фракция состояла из 6 депутатов. В I Сейме прибалтийские немцы получили 6 депутатских мест, во II Сейме - 5, в III Сейме - 6, в IV - 6. В буржуазных сеймах немецкие депутаты воспринимались не как представители отдельных партий, а как депутаты официально не оформленной единой Прибалтийско-немецкой партии (*Värsi baltiešu partija*). Так она называлась в протоколах сейма.

Учитывая большую раздробленность политических групп в буржуазном законодательном органе, немецкая парламентская фракция со своими шестью депутатами имела большой политический вес. Вопрос о политической деятельности прибалтийских немцев в буржуазной Латвии требует специального освещения. В этом случае можно привести лишь некоторые примеры.

Так, в целом из 18 правительств, образованных в 1918-1934 гг., 15 были созданы при непосредственной или т. наз. "закулисной" поддержке прибалтийских немцев. В пяти правительственных кабинетах местных немцев в различное время представляли 4 министра и 2 помощника министра. Кроме того, немецкие депутаты участвовали в работе всех важнейших комиссий Сейма. Большая часть чиновников министерства юстиции и тюремного ведомства были немцами.

В 20-х - 30-х годах прибалтийские немцы занимали влиятельное положение в системе городского самоуправления. Особенно сильны эти позиции были в Риге, где из 90 мест в 1922 г. немцы имели 18, а в 1925 г. - 15. Далее следует назвать думы городов Лиепая, Куддига, Елгава, Вентспилс, Тукумс и Бауска.

С декабря 1921 г. как отдельная секция в состав Комитета прибалтийско-немецких партий вошел Центр немецкого социального обеспечения (Deutsche Fürsorgezentrale), образованный священником О. Шабертом¹⁴. Центр немецкого социального обеспечения объединял и контролировал работу всех благотворительных организаций и проводил сбор денежных средств среди немецкого населения Латвии. В середине 20-х годов Центр объединял более 30 таких организаций и обществ¹⁵, а также организовал картотеку немецкого населения Латвии¹⁶.

Сюз немецких родителей (Deutscher Elternverband) был основан в мае 1920 г. Это была крупная немецкая организация, проводившая свои съезды (Delegiertentage), имевшая секции в провинции и занимавшаяся в основном созданием немецких школ и финансированием их деятельности. Ее членом мог стать каждый немец Латвии. Сюз в 1923 г. начал издавать свой ежегодник¹⁷, в котором публиковалась информация о деятельности всех основных организаций прибалтийских немцев Латвии.

Управление немецкого просвещения (Verwaltung des deutschen Bildungswesen) было составной частью государственного аппарата Латвии. Оно было образовано в декабре 1919 г. при министерстве просвещения буржуазной Латвии и действовало до июля 1934 г. Немецкое управление просвещения получало деньги на содержание немецких школ из бюджета государства. Во главе его по решению кабинета министров с декабря 1919 г. до января 1929 г. находился священник К. Келлер¹⁸, а с января 1929 г. до июля 1934 г. - В. Вахтсмит¹⁹.

Немецкий отдел Совета лютеранской церкви Латвии (Deutsche Abteilung des lettlandischen Oberkirchenrates) возглавлялся епископом У. Целхау. Кроме этого отдела, в Латвии в конце 20-х-начале 30-х годов действовало около 10-15 немецких церковных и религиозных организаций и обществ²⁰.

Под руководством всех названных центров действовала це-

лая сеть различных немецких организаций, общее число которых в 1923 г. составляло более 100²¹. Они и играли основную роль в организационном и политическом сплочении и объединении немецкого национального меньшинства. Такая разветвленная организационная сеть способствовала вовлечению немецкого населения Латвии в общественную деятельность и придавала ей единое идеологическое направление.

Осенью 1923 г. начался второй этап в процессе организационного конституирования. Была создана и начала действовать немецкая центральная организация — Прибалтийско-немецкое народное объединение (Deutsch-baltische Volksgemeinschaft). Начало этому процессу положило создание 7 ноября 1923 г. Прибалтийско-немецкого рабочего центра (Zentrale deutsch-baltischer Arbeit in Lettland). Его возглавил адвокат В.Ридигер. Центр организационно входил в состав Комитета прибалтийско-немецких партий и до 1926 года координировал работу немецких организаций. В 1925 г. прибалтийско-немецкие "верхи" прекратили борьбу за предоставление "культурно-национальной автономии" немцам Латвии. Тем самым, прибалтийско-немецкому руководству пришлось отказаться от планов, завершить процесс организационного конституирования образованием своих автономных, своих органов самоуправления, входящих в состав государственного аппарата буржуазной Латвии, так как это было в Эстонии²².

Весной 1926 года Центр вышел из состава Комитета прибалтийско-немецких партий, а 24 июля 1926 года он был официально зарегистрирован в Рижском областном суде. В мае 1928 г. центр был переименован в Прибалтийско-немецкий народный союз. Первый съезд прошел в мае 1927 г., а в целом до 1933 г. было проведено 13 таких съездов. Основу внутреннего строения прибалтийско-немецкой центральной организации по решению пленарного заседания 9 сентября 1926 г. составили "рабочие объединения" (Deutsch-baltische Arbeitsgemeinschaften), объединявшие по территориальному принципу на основе введенного в 1926 г. "добровольного надсамообложения" (freiwillige Selbstbesteuerung) немецких налогоплательщиков²³. В конце 20-х годов насчитывалось 30 таких "рабочих объединений", охватывавших всю территорию Латвии.

Начиная с 1928-1929 гг. начали создаваться специальные ведомства (Ämter) для централизованного руководства социально-экономической и культурной работой среди немцев Латвии. В целом в начале 1934 г. действовало 9 таких ведомств²⁴. Кроме того, как показывают архивные материалы, именно в Прибалтийско-немецком народном объединении, официально считающемся внеполитической организацией, в конечном счете решались или получали одобрение такие важные политические вопросы, как оказание доверия сменяющимся правительствам Латвии, участие немцев в правительстве, заслушивались отчеты о деятельности прибалтийско-немецкой парламентской фракции. Объединение имело связи также с Германией, поддерживало контакты с "Совюзом немцев за границей" (Verein für das Deutschtum im Ausland), который, как известно, широко пропагандировал и проводил в своей деятельности идеи "восточной политики" германского империализма.

Во втором периоде процесса организационного конституирования окончательно оформился Комитет прибалтийско-немецких партий, который официально руководил политической работой местных немцев. В 1923-1934 гг. увеличилось число немецких политических организаций. Так, в 1933 г. были созданы три новые прибалтийско-немецкие партии из которых одна - Балтийская земельная партия (Baltische Landespartei) вошла в ноябре 1933 г. в состав комитета. Во главе этой партии стояли Б. Клот, Р. Меттиг, Х. Штегман, а ее ядро составляли бывшие ландсверовцы.

Несколько раньше - в апреле 1933 г. образовался "Блок патриотического сотрудничества" (Block patriotischer Zusammenarbeit). В апреле 1933 г. под руководством Э. Крэгера образовалась нацистская Прибалтийско-немецкая национальная партия (Nationalpartei der deutschen Balten). 1 июня 1933 г. министерство внутренних дел буржуазной Латвии отказало этой партии в официальной регистрации.

В целом у прибалтийских немцев Латвии в 1920-1934 гг. было 6 партий. К ним следует причислить также и Немецкую партию труда в Латвии (Deutsche Arbeitspartei in Lettland), образованную весной 1924 г. Р. Ридзели²⁵. Эта партия была не-

большой мелкобуржуазной политической группой и в дальнейшем организационно как немецкая секция вошла в состав Социал-демократической рабочей партии Латвии. К социал-демократам примыкал профсоюз немецких рабочих и служащих (*Verband der deutschen Arbeiter und Angestellten in Lettland*). Эти организации не входили в созданную прибалтийско-немецкими "верхами" организационную систему. В целом прибалтийско-немецким "верхам" удалось подчинить своему влиянию всю многообразную систему немецких организаций и партий и предотвратить политическую раздробленность прибалтийских немцев по социально-классовому принципу. Поэтому организационная система прибалтийских немцев Латвии в 20-е - начале 30 гг. представляла в целом единый, сплоченный, консервативный фронт. Эта система, как отмечал П. Стучка, - находилась в руках "баронов, крупных промышленников, вообще денежников, ... в целом контрреволюционной силы"²⁶.

В связи с переходом большинства прибалтийских немцев Латвии на позиции фашизма после прихода Гитлера к власти и после переворота 15 мая 1934 г. в Латвии, сложившаяся система подвергалась некоторой реорганизации, но до конца пребывания прибалтийских немцев в Латвии - до их репатриации осенью 1939 г. - основная структура в корне не менялась. Проблема перехода прибалтийских немцев Латвии на позиции нацизма требует специального освещения. Можно указать лишь на то, что вожаки местных нацистов старались упрочить свои позиции среди немецкого населения Латвии и стремились захватить бразды правления в ведущей организации. В целом то, насколько действенно была эта система, показывает, переход подавляющего большинства прибалтийских немцев на позиции фашизма и их организованность при репатриации в 1939 г.

Дальнейшего исследования требует вопрос связи организации прибалтийских немцев Латвии с государственными и общественными организациями Веймарской Германии, с организациями прибалтийских немцев в Германии, а также проведение сравнительного анализа положения немецкого национального меньшинства в Эстонии, Литве, Польше, Чехославии, Венгрии, Болгарии, Югославии, Румынии, Ливии. Исследование этой темы яви-

лось бы существенным вкладом в изучении процессов, происходивших в Европе в межвоенный период.

Применения

- 1 Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. - Пол. соб. соч. - Т. 27. - С. 383.
- 2 Latvijas agrārā reforma. - Rīga: Zemkopības ministrija, 1958. - 57. lpp.
- 3 Stučka P. Politiskās izredzes un Kompartija Latvijā / Rakstu izlase. - Rīga, 1983. - 5. sēj. - 528. lpp.
- 4 Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi. - Rīga, 1958. - 1. d. - 288. lpp.
- 5 Feldmanis I. Buržuāziskās Latvijas vācu nacionālā mazākuma galveno organizāciju nacistiskās procesas (1933-1939) // Latvijas PSR ZA Vēstis. - 1981. - N 1. - 65.-80. lpp.
- 6 Krupnikova P. Melu un patiesības palete. - Rīga, 1980. - 196 lpp.
- 7 Райд Я. Прибалтийские немцы в буржуазной Эстонии (1920-1940). - Таллин, 1978. - 153 с.
- 8 Wachtmuth W. Von deutscher Arbeit in Lettland 1918-1934. Ein Tätigkeitsbericht. - Materialien zur Geschichte der baltischen Deutschums. - Köln, 1951-1953. - Bd. 1-3.
- 9 Schiemann P. Zwischen zwei Zeitaltern. - Erinnerungen 1903-1919 / Bearb. von H. Kause. - Lüneburg, 1979. - 214 S.
- 10 Rüdiger W. Aus dem letzten Kapitel deutsch-baltischer Geschichte in Lettland 1919-1945. - Gern-Eggenfelden, 1954. - T. 1. - 63 S.
- 11 Intelmann A. Aufzeichnungen über das letzte Arbeitsjahr der deutschbaltischen Volksgruppe in Lettland und ihre Umsiedlung/Bearb. von J. v. Hehn. - Essen, 1984. - 152 S.
- 12 Garleff M. Deutschbaltische Politik zwischen den Weltkriegen. - Die parlamentarische Tätigkeit der deutsch-baltischen Parteien in Lettland und Estland. - Bonn-Bad Godesberg, 1976. - 224 S.
- 13 Hehn J.v. Die Umsiedlung der baltischen Deutschen - das letzte Kapitel baltisch-deutscher Geschichte. - Marburg/Lahr, 1982. - 258 S.

- 14 Jahrbuch des baltischen Deutschtums in Lettland, 1925. - S. 26.
- 15 Jahrbuch und Kalender des Deutschtums in Lettland, 1925. - S. 142-144.
- 16 Wachtsmuth W. Von deutscher Arbeit in Lettland... - Bd. 1. - S. 57.
- 17 Kalender und Jahrbuch des deutschen Elternverbandes in Lettland, 1923.
- 18 ЦГИА ЛатвССР. - Ф. 1632. - Оп. 2. - Д. 104. - Л. 171.
- 19 Там же. - Оп. 1. - Д. 66. - Л. 1.
- 20 Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1927. - S. 176, 178, 180; Ibid. - 1933. - S. 60-62, 64-65.
- 21 Kalender und Jahrbuch des deutschen Elternverbandes... 1923. - S. 113-127.
- 22 Райд Я. Прибалтийские немцы в буржуазной обстановке... - С. 12-26; Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1927. - S. 21; Там же. - 1934. - С. 3.
- 23 Jahrbuch des baltischen Deutschtums in Lettland und Estland 1929. - S. 18.
- 24 Это были: Landamt, Finanzamt, Fürsorgeamt, Kulturamt, Jugendamt, Amt für Berufsberatung, Amt des Pressechefs, die Sektion Deutscher Nachbarschaften, Sportamt.
- 25 Сам Р. Ридель в 30-х г. перешел на позиции нацизма.
- 26 Stučka P. Politiskās izredzes un kompartija Latvijā // Rakstu izlase : 7 sēj. - Rīga, 1983. - 5. sēj. - 528. lpp.

Источники финансирования и основные направления
деятельности Общества и Института Гердера в Риге
(1921 - 1939)

В межвоенный период в жизни прибалтийских немцев в Латвии большое значение имел Институт Гердера в Риге.

Вскоре после войны в ФРГ была опубликована первая работа об Институте Гердера¹. Вторая работа - Д. фон Хена - была опубликована в 1982 г.² Кроме этих работ об Институте Гердера говорится в работе о немецких школах и культурной деятельности в Латвии³, а также в сборнике документов о переселении прибалтийских немцев в 1939 г.⁴

При подготовке данной статьи использованы неопубликованные материалы архива Общества Гердера в Риге, который в качестве отдельного фонда хранится в Центральном государственном историческом архиве Латвийской ССР. В фонде имеются большие изъяны, которые, видимо, возникли в 1939 г. Среди сохранившихся и использованных материалов следует выделить две книги протоколов собраний Общества Гердера с 1921 по 1933 годы⁵.

В них отражены вопросы приглашения германских ученых для чтения лекций, издания трудов Общества, принятия новых членов и т.д. Во-вторых, использованы две книги протоколов заседаний руководства Общества Гердера с 1920 по 1939 годы⁶, которые содержат более конкретную информацию.

Самый важный источник "Книга протоколов Общества Гердера 1933-1939 годы"⁷. В ней отражается хозяйственная деятельность общества. В нашей работе использованы, в основном, протоколы, освещавшие вопрос о доходах Общества.

Говоря об источниках финансирования Института Гердера, следует отметить, что по положениям этого института (§ 12) было определено, что его доходы состоят из субсидий Общества Гердера, платы за обучение студентов и различных пожертвований физических или юридических лиц⁸.

После раздела поместья финансовое положение немцев в

Прибалтике ухудшилось. П. Шиман писал в 1923 и 1927 годах, что немецкая культурная работа не может существовать без финансовой помощи⁹. Директор фон Хен по поводу финансового положения Института в 1932 году писал: "Финансовые затруднения, которые тормозили и обременяли развитие института, могли быть преодолены только широкими действиями." Финансовые поступления увеличивались из года в год, особенно через Либекское общество друзей и почитателей Института Гердера. Среди учреждений, оказывавших материальную помощь Институту, первое место занимало германское Министерство иностранных дел¹⁰.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют восстановить доходную часть бюджета Общества Гердера до 1933 года, т.е. в течение 12 первых лет его существования. С 1934 по 1939 годы общество получало ежегодно от 28 661 (1937 г.) до 44 835 (1936 г.) лат, в общем - 290 020 латов. Имеется возможность определить источники и структуру доходов за этот период времени. Как видно из книги протоколов Общества, доходы от членских взносов с 1933 по 1939 годы давали от 50 до 100 лат в год. Итого эта статья дала 402 лата всех доходов общества. Вторым источником доходов был дом Общества по улице Элизабетес 29, который дал от 5000 до 13 674 лата в год. Всего от дома было получено 47 039 лат. Таким образом, так сказать, внутренние латвийские ресурсы Общества не покрывали расходы Института. Как видно из протоколов Общества, такое финансовое положение было неудовлетворительным, и Общество в январе 1931 года поручило председателю в течение одного года вести тайные переговоры с посольством Германии в Латвии, "германскими высшими школами и организациями содействия в Риге и Либекке" для получения средств¹¹. Уже в начале 30-х годов Общество стало получать ежегодные пособия из Либекского общества академических друзей в размере 3-6 тысяч лат. Эти субсидии за 1934 и 1935 годы дали обществу Гердера 8 433 лата.

Четвертым и главным источником Общества с 1934 по 1939 годы являлись ежегодные "специальные дотации" из Берлина.

Эти специальные пособия о

22 341 лата в 1934 году увеличивались до 35 400 латов в 1938 и 1939 году и составили в общем 234 114 лата, в 1934 и 1935 годах эти дотации поступали под сложными цифрами, с 1936 по 1939 годы дотации поступали под тремя секретными шифрами - цель I, 2 и 3. Что эти шифры и грифы означают - наши источники не раскрывают¹².

Полученные Обществом деньги, согласно положению, направлялись в Институт Гердера или использовались совместно.

Институт Гердера (Institutum Herderianum Rigense, Herderinstitut) основан 7 сентября 1921 года и до 1923 года существовал в качестве закрытого учреждения Общества Гердера. Решением правительства от 2 января 1924 года был превращен в частную высшую школу. Институт действовал на основе закона 1927 года об Институте Гердера, и его основной задачей являлось распространение науки среди членов немецкой народности, подготавливая теологов и учителей для нужд этой национальности в Латвии. Количество профессоров, доцентов и лекторов в институте колебалось между 39 в 1929 году и 40 в 1937 году. В 1930 году обучались 233 студента. Ректор Института непрерывно ставил вопрос о необходимости приглашения дополнительных преподавателей из рейха на более длительное время. В результате в 1937 году из 40 преподавателей 12 являлись "имперскими немцами"¹³. Исследование преподавательского состава Института - дело будущего. Однако и теперь ясно, что это улучшало возможность распространения идей рейха среди местных немцев.

С другой стороны, и среди студентов Института наблюдалось увеличение количества "имперских немцев". Если в 1923 году был имматрикулирован первый студент из Германии, то в 1934 году в институте училось 29 студентов из Германии. Ректор Института хотел превратить институт в университет для "немецких групп" в Восточной Европе и запросил Министерство иностранных дел рейха о дополнительных ассигнованиях.

Правящие круги Латвии не желали такого развития. После опубликования статьи директора Латвийского телеграфного агентства Р. Берзиня, выражающей точку зрения правитель-

ства, осенью 1937 года было запрещено имматрикулировать иностранных немецких студентов, так как по положению Институт был основан для распространения науки путем подготовки местных специалистов¹⁴. Попытки ректора профессора Клумберга и посла Германии добиться отмены этого распоряжения не увенчались успехом. Приезд заграничных немецких студентов на основе студенческого обмена разрешался только Латвийскому Университету и Елгавской Сельскохозяйственной академии. Так попытки организовать на базе Института "немецкий университет Восточной Европы" провалились. Р. Берзинь возмущался против политического направления преподавания в Институте. "Кто его определяет?" - в своей статье спрашивал Р. Берзинь - и отвечает: "Прежде всего тот, кто дает средства. А средства дает учреждения Германии, задачей которых является поощрение "немецкого народного движения". Преподавателей главным образом присылает Германия, и нет сомнений, что их выбор происходит по определенному плану и по определенным принципам"¹⁵.

Положением об институте Гердера предусматривалось, что Институт содержит библиотеки, лаборатории и соразмерно своим средствам издает научные труды¹⁶. В 1938 году было разрешено при Институте "основывать научные общества, в которые, в качестве членов могут быть приняты, кроме преподавателей института, и другие работники науки и культуры"¹⁷, которые должны были составлять не больше половины состава научного общества.

Обществом и Институтом было издано около 40 научных работ, опубликованных с 1924 по 1939 годы. Авторами являлись, в основном, профессора и доценты Института Гердера. Оценка этих публикаций требует специального исследования.

Важным направлением было приглашение ученых из Германии для чтения лекций. Судя по протоколам заседаний общества, в 20-х годах приглашались в первую очередь лектора для чтения лекций по немецкой "национально-политической тематике". Так в 1926 году Н. Фрезе (Кельн) прочел лекцию "Германская и немецкая древняя история и этнография". Профессор Э. Фишер из Института антропологии и евгеники прочел лекцию "Новейшие результаты в исследовании челове-

ства", в которой открыто пропагандировал расовую теорию. Профессору Бетгену и Цисенеру, которые были приглашены с лекциями на подобные темы, правительство запретило выступать, а другим тематика лекций была изменена с политического содержания на научное.

На заседании правления Общества 18 января 1933 года председатель общества К. Келлер докладывал, что по поводу гостевых лекций в отношениях с правительством обнаружилось затруднения. Для преодоления затруднений было предложено уклоняться от политической тематики и, кроме немецких ученых, приглашать и латышских. Уже в феврале 1934 года археолог профессор Ф. Балодис прочел лекцию "Этнические проблемы и археологические исследования последних лет в Латвии"¹⁸. Однако эти меры оказались недостаточными, и 1 февраля 1934 года председатель общества К. Келлер доложил, что трудности с приглашениями для чтения лекций продолжают сохраняться. Это и понятно: тематика лекций, даже судя по весьма завуалированным названиям, стала все более нацистской. Так, например, профессор Букке прочел лекции на темы "Цивилизация и дегенерация", "Труд и человечество", "Научная евгеника", "Крестьянство и государство", "Кровь и земля" и т.д. Это свидетельствовало, что Общество и Институт Гердера стали на путь нацификации.

В то же время Общество Гердера устранилось от более или менее либерально мыслящих местных немецких ученых. Так, Р. Виттрам в 1927 и 1931 годах опубликовал две книги (Wittram R. Die französische Politik auf dem Besseler Konzil während der Zeit seiner Blüte. Riga, 1927; Wittram R. Liberalismus baltischer Literaten. Riga, 1931), из которых вторая не укладывалась в рамки традиционной прибалтийско-немецкой историографии. Поэтому предложение председателя К. Келлера о принятии Р. Виттрама в Общество Гердера в 1932 году было отклонено. Р. Виттрам был принят членом Общества только 24 февраля 1936 года¹⁹.

Оценивая международное значение Института Гердера, журнал "Политическое воспитание" (Politische Erziehung), издаваемый в Германии не без основания писал: "Институт Гердера одновременно является защитным валом против азиатско-русско-еврейского большевизма"²⁰.

Изучение законодательства и деятельности Общества и Института Гердера в Риге показывает, что законом и практикой им была предоставлена довольно широкая свобода действий для научного и культурного обслуживания немецкого национального меньшинства в Латвии. Однако исследования источников финансирования и деятельности Общества и Института показывают, что эта свобода ими была использована также в чисто политических целях.

Общество и Институт Гердера придерживались откровенно консервативной линии в 20-х годах и в начале 30-х годов даже тогда, когда в Веймарской республике у власти были либеральные и относительно либеральные коалиционные правительства с участием социал-демократов. Во второй половине 30-х годов Общество и Институт Гердера стали важными центрами национализации немецкого национального меньшинства в Латвии.

Примечания

- 1 Die autonome deutsche Schule 1920-1934. - Anhang: Das Herder-Institut zu Riga. - Köln, 1952.
- 2 Hehn J. von. Das Herderinstitut - die Universität für die deutschen Volksgruppen // Jahrbuch des baltischen Deutschtum. - 1982. - 29. - S. 119-123.
- 3 Wachsmuth W. Von deutscher Arbeit in Lettland. - 1918.- 1934. - 2. Bd.
- 4 Loeber D.A. Diktierte Option. - 2. Auflage. - Neumünster, 1974.
- 5 Protokoll der Generalversammlungen. - 1921-1925. - Heft I; 1925-1933. - Heft II.
- 6 Protokoll der Vorstandes-Sitzungen. - 1925-1935. - Vol. 2; 1933-1939. - Vol. 3.
- 7 Protokollbuch der Herdergesellschaft. - 1933-1939.
- 8 Izglītības un kultūras politikums. - Rīga, 1937. - 132 lpp.
- 9 Garleff M. Deutschbaltische Politik zwischen den Weltkriegen. - Bonn-Bad Godesberg, 1975. - S. 5.
- 10 Hehn J. von. Das Herderinstitut - ... S. 119.
- 11 Protokoll der Generalversammlung... - Heft 2. - S.130.
- 12 Zum Beispiel, d-011 m - Zweckbestimmung // Protokoll-

buch der Herdergesellschaft... - S. 9.

13 Hehn J. von. Das Herderinstitut - ... S. 120.

14 Nordicus (P. Bērziņš). Vēstietība Ērzemēs // Jaunākās
Ziņas. - 1937. - 20. janv.

15 Turpat.

16 Izglītības un kultūras nolikums. - Rīga, 1937. - 1. lpp.
- 11. §.

17 Ibid.

18 Protokoll der Vorstandssitzungen. - 1933-1939. - Bd. 3. -
S. 27.

19 Ibid. - 1925-1933. - Vol. 2. - S. 133.

20 Jaunākās Ziņas. - 1937. - 20. janv.

K. Kangeris

Hitleriešu plāni Baltijas tautu evakuēšanai 1944. gadā

Fakts kā tāds, ka vācu okupācijas vara 1944. gadā plānoja izvest Baltijas iedzīvotājus, atstāt izlaupītu un nopostītu zemi, nav nekas nezināms. Norādes uz igaunu un latviešu tautas deportāciju plānošanu atrodamas vairākos darbos¹. Analizējot šos darbus tuvāk, izrādās, ka ziņas ir nepilnīgas un galvenokārt balstās uz nedaudziem dokumentiem, kas glabājas Latvijas Centrālā Valsts Vēstures Arhīvā (LCVVA) un arī daļēji publicēti dokumentu apkopumā "Mēs apsūdzam"². Galvenā šis raksts izmantotā ziņotāja ir Okupēto Austrumu apgabalu ministra Rozenberga atbilde Armijas grupas "Ziemeļi" virspavēlniekam 1944. gada 18. februārī, kur evakuācijas plānošanā paredz ietvert visus Igaunijas iedzīvotājus un Latvijā visus ziemeļos no Daugavas, kopskaitā apm. 2 milj. cilvēku³. Šis bija tikai plānošanas sākums.

Šai rakstā mēģināšu sniegt pārskatu par vāciešu plāniem un plānošanas darbu norisi, lai no Ostlandes, vismaz Igaunijas un Latvijas, izvestu visus iedzīvotājus, (novārtā palīce materiālo vērtību izvešanas un zemes izpostīšanas plānošanas analīze), tādā mēģinot vismaz daļēji aizpildīt vēstures zinātnes robežu šai jautājumā. Šis raksts arī burtiski jāsaprot kā pārskats, kurā nevarēšu iztirzāt detaļas un diskutēt par līdzšinējās pētniecības nepilnībām šai jautājumā.

Padomju armijas ziemas ofensīva, kas Armijas grupas "Ziemeļi" dažādos frontes iecirkņos sākās starp 12. un 14. janvāri 1944. gadā, deva ātrus panākumus, kas vāciešus piespieda savu fronti atņemt par 100-280 km uz aizmuguri, tādā nonākot pie Generālkomisariātu Igaunijas un Latvijas robežām⁴. Vispārējais militārais stāvoklis, kā arī sliktā pieredze, evakuējot šos apgabalus, bet it īpaši Narvas frontes iecirknī, piespieda kā militārās, tādā arī civilās pārvaldes iestādes sākt detalizētu plānošanu tam gadījumam, ja būtu jāatstāj Baltija

resp. Igaunija un Latvija.

Pirmā apspriedē⁵ evakuācijas jautājumā notika 1944.g. 11. februārī Armijas grupas "Ziemeļi" štābā starp reihskomisāru Lozi (Lohse) un armijas grupas virspavēlnieku ģenerālpulkvedi Modelu (Model). Vienojās, ka būtu jāizstrādā divi evakuācijas varianti: plāns A - evakuācija liela pretinieka spiediena gadījumā; plāns B - evakuācija, kas būtu veikama apm. pusgada laikā. Tālāk būtu jāizšķir a) industriālā plānošana, t.s. evakuācijas, paralizēšanas un nopostīšanas plānošana (Räumungs-, Lähmungs- und Zerstörungsplanung; R.L.Z. - Planung) un b) plānošana iedzīvotāju, lopu un lauksaimniecības produktu un piederumu evakuāšanai. (Šis raksts tad arī galvenokārt apskatīs to plānošanas daļu, kas skar šo b punktu). Nopostīšanas darbiem būtu jāievēro Ukrainai izdotās vadlīnijas ("izdedzinātās zemes taktika"), pie kam tika konstatēts, ka lauksaimniecības uzņēmumu nopostīšana Baltijā būs grūtāka, jo, pirmkārt, šeit pretēji Ukrainai lauksaimniecība neesot koncentrēta kolhozos/sovhozos un, otrkārt, te neesot, pretēji Ukrainai, vajadzīgā skaita vācu tautības lauksaimniecības vadītāju (Landwirtschaftsführer), kas gerantētu pilnīgu plānu realizēšanu, bet te katrā apriņķī nopostīšanas darbos varot iessistīt ne vairāk par 3-4 lauksaimniecības vadītājiem. Evakuācijas plānošana sākusī būtu jāizdara par Igauniju un Latvijas apgabaliem ziemeļos no Daugavas, skaita ziņā ietverot ap 2 milj. cilvēku, 1 milj. liellopu, 516 000 cūku, 616 000 aitu un 400 000 zirgu⁶.

2 milj. cilvēku - tas nozīmējs "totālu" iedzīvotāju izvākšanu no Igaunijas un Latvijas (torairējā vācu terminoloģijā - "iedzīvotāju vešanu uz muguru" - vāc. "Rückführung der Bevölkerung"). Alfrēds Rozenbergs, Reiha ministrs okupētajiem Austrumu apgabaliem, "svarīgu politisku iemeslu dēļ" uzskatīja visu igauņu un latviešu izvešanu par "absolūti nepieciešamu" un tāpēc centās šai jautājumā panākt Vadoņa Adolfa Hitlera principiālu lēmumu⁷.

Telegrammā Hitleram 1944.g. 18. februārī Rozenbergs izklāstīja savus iemeslus, kāpēc visi igauņi un latvieši būtu evakuējami:

1. Igaunij un latvieši "visā savā kopumā ir vispār bijuši po-

ziņi iepretim Reicha interesēm", un tāpēc tas būtu Lielvācijas pienākums glābt šīs tautas no pilnīgas iznīcības bojševīgamā jūgā.

2. Pēc Padomju armiju iebrukuma šīs tautas šā vai tā bēgtu.
3. Iedzīvotāju neevakuēšana varētu iedragāt igauņu un latviešu leģiona cīņas morāli.
4. Iedzīvotāju atstāšana uz vietas nepārprotami stiprinātu Padomju pusi.

Telegrammas noraksts kopā ar lūgumu izpētīt šo tautu uzņemšanu Reicha robežās tika arī nosūtīts iekšlietu ministram H. Himleram⁸.

Hitlera principiālo piekrišanu paziņoja Vērmahta virspavēlniecības štāba (Oberkommando der Wehrmacht - OKW) priekšnieks ģenerālfeldmaršals V. Keitels (W. Keitel) 21. februārī: "Tām, tur (t.i. Rozenberga telegrammā) uzstādītajām principiālām vadlīnijām Igaunijas un Latvijas iedzīvotāju eventuālai izvākšanai, ja tāsa nepieciešama gaidītam tomēr kļūtu nepieciešama plašāka apjomā, ir starp citu pilnīgi jāpiekrīt." Bet pašreizējos apstākļos Hitlers noliedza jebkādu evakuāciju no Latvijas, tā modifizējot savu divas dienas agrāk izteikto pavēli, kas attiecās uz visu Ostlandi⁹. 21. februārī arī pienāca Hitlera atbilde, kurš Rozenberga uzskatiem piekrita "visā pilnībā" (voll un ganz), ka igauņu un latviešu tautas piederīgie no atstājamiem apgabaliem "bez izņēmuma" evakuējami. Kā noteiktāšanas apgabalus viņš ieteica Lietuvu un Latvijas rietumu un dienvidu daļas¹⁰. Ka "visiem līdzekļiem" jāgādā, lai izvestu visus Igaunijas un Latvijas iedzīvotājus, papildus vēl uzsvēra SS-Galvenās pārvaldes (SS-Hauptamt) šefs G. Bergers¹¹.

Pēc tam 6. martā iznāca kopējais Austrumministrijas un Saimniecības štāba "Austrumi" (Wirtschaftsstab Ost) rīkojums par "Uzdevumiem, lai sagatavotos gadījumam, kad jāizved ARLZ-pasākumi Ostlandē" (ARLZ-Massnahmen - Auflockerungs-, Räumungs-, Lähmungs-, Zerstörungsmassnahmen = decentralizēšanas, evakuēšanas, paralizēšanas, nopostīšanas - pasākumi), kuram sekoja Ostlandes darba štāba (Arbeitsstab Ostland) izveidošana. Darba štābā ietilpa civilās pārvaldes, policijas, Reicha Satiksmes pārvaldes, Pasta pārvaldes, Organizācija Todt un militāro saimniecisko iestāžu pārstāvji, kas kopēji izveda ARLZ-pasākumu

plānošanas darbus. Marta beigās blakus Ostlandes darba štābam izveidoja vēl darba štābus katram atsevišķam Ģenerālapgabalam t.i. Igaunijai, Latvijai un Lietuvai¹². ARLZ- pasākumu mašīnēriju varēja "iedarbināt" tikai militārās pavēles ceļā¹³, kas, kā vēlāk izrādījās, bija noteicošs faktors, vai izdosies realizēt ARLZ- pasākumus vai nē.

"Speciāla nozīme" tika piešķirta igauņu un latviešu iedzīvotāju grupas evakuācijai. Šīm tautām vajadzēja dot iespējami izvairīties no nonākšanas Padomju varē. Ja gadījumā nebūtu iespējama "totāla evakuācija", tad katrā gadījumā bija jānodrošina, ka "tiktu izvestas" visas abu dzimumu personas, kas derīgas kara vai darba dienestam¹⁴. Jau no pirmās dienas plānošanai tika uzlikta augstākā slepenības pakāpe, un Zemju pašpārvalžu piesnietīšanu galīgi noliedza¹⁵.

(Frontes tuvumā, apm. 20-25 km joslā Armijas grupas "Ziemeļi" virspavēlniecība izdeva speciālus rīkojumus. Šis t.s. "kaujas zonas" (Kampfzone) šai rakstā netiks skartas).

Sākumā plānošana aprobežojās ar Igauniju un Latvijas daļu ziemeļos no Daugavas, paredzot evakuētās personas noietināt Dienvidlatvijā, t.i., pa kreisi no Daugavas un Lietuvā. Bet, sākot ar maija mēnesi, arvien vairāk sāka apsvērt vienas daļas novietošanu pašā Reiba teritorijā¹⁶. Evakuējamo iedzīvotāju kolonnām nozīmētie ceļi gāja šķērsām pāri (t.i., krustojās) armijas transportu ceļiem (Rollbahn), kā arī bija jāšķērsro Daugava, kas nozīmēja apgrūtinājumu armijas kustības brīvībai. Militārā vadība nevēlējās, lai karaspēkam raštos kādi kustības ierobežojumi evakuējamo iedzīvotāju dēļ un tāpēc divās vēstulēs (21. resp. 27. maijā) pieprasīja ARLZ- pasākumu plānošanas pārtraukšanu. Papildu argumentos savā pieprasījuma atbalstīšanai armijas vadība vēl norādīja, ka ar plānošanas darbu izvērsanu plašumā tie varētu kļūt zināmi, kas savukārt varētu izsaukt nemieru karaspēka daļās un iedzīvotājos¹⁷. Austrumministra un Saimniecības štābs "Austrumi" armijas prasību noraidīja un enerģiski turpināja uzsāktos plānošanas darbus. Tagad plānošanu izvērsa arī uz apgabaliem pa kreisi no Daugavas, ietverot visus Igaunijas un Latvijas iedzīvotājus - ap 3 milj. cilvēku. Apsvērumos parādījās arī jauns variants, ka iedzīvotāji no Ziemeļu apgabaliem (un tie galvenokārt no pilsētām) būtu pārvedami ar dzelzsa-

ceļu vai kuģiem tieši uz Reiha teritoriju¹⁸.

Līdz jūnija beigām (Padomju armijas ofensīvas sākumam pret Armijas grupu "vidus" 22. jūnijā), jūnija sākumam (ofensīvas sākumam pie Generalapgabalu Igaunijas un Latvijas robežām) plānošanas darbi ARLZ- pasākumu realizēšanai, t.i., ci- vili dzīvotāju evakuēšanai bija noslēgti. Katram Generalapga- bala apriņķim bija sastādīta t.s. "apriņķa akts" (Kreismappe) katram lielākam rūpniecības uzņēmumam t.s. "orientēšanās grā- mata" ("Ortbuch"-Orientierungsbuch).

Apriņķa aktī atsevišķās nodaļās bija atrodamī dati par šādiem jautājumiem:

- iedzīvotāju skaits, sadalījums pa kolonnām, kolonnu ce- li utt.;

- visi lauksaimniecības objekti (dzirnavas, pienotavas, noliktavas u.c.) ar kartogrāfiskām norādēm un instrukcijām;

- saraksts par mazākiem mežsaimniecības, rūpniecības un amatniecības objektiem (zāģētavas, ķieģeļcepli, kūdras rak- tuves, kaļķu ceplis...);

- saraksts par lielākiem objektiem, par kuriem izgatavo- tas "orientēšanās grāmatas";

- saraksts ar pārvaldes, kultūras un sociāliem iestādīju- miem ar norādēm evakuēšanai un nopostīšanai¹⁹.

Pirmajā punktā vēl sevišķi tika izdalītas trīs ļaužu grupas ar apzīmējumu C1, C2, C3. C3 - šajā grupā ietilpa per- sonas ar ģimenes piederīgajiem, kas bija "izcēlušās ar savu uzticību vācu vadībai", resp. bija ar to sastrādājušas. Šīs grupas lielums bija 19 000 personu: Igaunijā 5 000, Latvijā 9 000, Lietuvā 5 000. Par šīm personām SD un Austrumministri- jas Politiskā nodaļa bija sastādījušas vārdiskus sarakstus un šīs personas bija katrā gadījumā jāpaglābj no nonākšanas boļševiku varā.

C2 - daudzu arodu speciālisti ar piederīgajiem, kopskai- tē 40 000 personu. Arī par šīm personām bija sastādīti vār- diskī saraksti un arī šīs personas bija steidzamības kārtībā jāizved no Ostlandes.

C1 - te ietilpa leģionā un citās vācu militārās vienī- bās iesaistīto personu piederīgie, kopskaitē 450 000. Par šo grupu vācu iestādēm nebija sastādītu vārdisku sarakstu un ar šo grupu varēja rīkoties, vadoties pēc apstākļiem, ne-

nosakot nekādu steidzamības pakāpi^{19a}. (Vēlākos mēnešos, piem., Latvijā, par Līš grupas evakuēšanu rūpējās Leģiona ģenerālin-spektors un Karavīru Palīdzība).

Līdz ar to uz papīra bija sagatavota galīga Igaunijas, Latvijas un Lietuvas izvākšana un nopostīšana, kas noritētos apstākļos, t.i., neesot ienaidnieka militāram spiedienam, varētu tikt realizēta 3-4 nedēļu laikā.

Padomju armijas ofensīvas panākumi pret Armijas grupu "Vidus", kas bija sākusies 22. jūnijā, tik ļoti satrauca Austrumu ministru Rozenbergu, ka viņš 8. jūlijā griezās pie Hitlera, lai varētu panākt Igaunijas un Latvijas galīgas, bet Lietuvai tikai daļējas evakuēšanas ievadīšanu. Pēc ministra atzinumiem šā laika spriedī izvedama evakuācija nevarēšot dot vēlamos panākumus²⁰.

Pēc Rozenberga uzskata Igaunijā un Latvijā bija jānotiek "totālai" iedzīvotāju evakuācijai. Ja dažādu iemeslu dēļ kādā vēlākā brīdī būtu jāizved "personāli ierobežota evakuācija", tad šai gadījumā vajadzētu izvest šādas iedzīvotāju grupas:

- vācu izcelsmes personas,
- militāram un darba dienestam derīgus igauņus un latviešus;
- karagūstekņus;
- leģionā un citās vācu armijas daļās iesaistīto personu piederīgos;
- igauņus un latviešus, kas sevišķi kalpojuši vācu interesēm un uzstājušies pret bolševismu, kā arī šo personu ģimeņu piederīgos;
- pats par sevi saprotams, visi Reiba vācieši.

Neskaids palika jautājums, kas darāms ar tiem 4 000 ebreju, kas strādāja Igaunijas degakmens uzņēmumos.

"Sakarā ar līdz šim parādīto lietuviešu nostāju", Lietuvā nav paredzama "totāla evakuācija". Evakuācija te būtu attiecināma tikai uz tām personu grupām, kas strādājušas vācu interesēs, ieskaitot viņu piederīgos, armijai un darbam spējīgām personām, kā arī jauniešiem, kas būtu derīgi SS - gaisa palīgu akcijai²¹.

Divas dienas pirms Rozenbergs ar rakstu griezās pie Hitlera, bija divos svarīgos jautājumos notikusi izšķiršanās. Tā kā militārā situācija Lietuvē un Latvijas dienvidos bija ne-

skaidra un varēja pieņemt, ka šajos apgabalos vairs nevarēs noturināt no ziemeļiem evakuētos, Iekšlietu ministrija 1944. gada 6. jūlijā piekrita 1,5 milj. igauņu un latviešu uzņemšanai Reicha robežās. Tajā pašā Iekšlietu ministrijas sanāksmē Sauszemes karaspēka ģenerālkvartīrmeistars ģenerālis E. Vāgners (Wagner) paziņoja starp Hitleru un OKH (Oberkommando des Heeres) suskapotu pavēli, ka jebkāda evakuācija Ostlandē ir pārtraucama (viens no iemesliem Rozenbergam griesties pie Hitlera). Nekādā ziņā nedrīkstot rasties iespāids, it kā Ostlandē būtu gaidāmas kādas evakuācijas akcijas²². Ar to tika apstādīnāta jebkura izbraukšana no Ostlandes - stāvoklis, kas pastāvēja līdz 23. jūlijam, kad pārkārtoja pavēlniecības kompetences Armijas grupas "Ziemeļi" frontes iecirknī un aizmugurē²³.

(Starp martu un jūliju no Ostlandes izveda tikai kara vešanai nesvarīgas mantas un fabriku iekārtas; attiecībā uz iedzīvotājiem galvenokārt Reicha vāciešus dekoncentrēšanas ietvaros un kopā ar fabriku iekārtām arī dažkārt šo fabriku speciālistus).

Hitlers noraidīja Rozenberga lūgumu, ko vēlreiz apstiprināja ar Vērmahta pavēlniecības rīkojumu 15. jūlijā, ka "jebkurai iedzīvotāju un materiālo vērtību evakuēšanai, kurai nav kategoriķa Vadoga rīkojuma", jāizpaliek²⁴. Baltija bija katrā gadījumā jāaizstāvi! Lai labāk varētu šo pavēli izpildīt, - visus spēkus mobilizēt teritorijas aizstāvēšanai -, Augstākam SS un policijas vadītājam Ostlandē un Ziemeļkrievijā, SS grupenīreram un policijas ģenerālim F. Jekelnam 9. jūlijā izdeva i. dzīvotāju apzināšanai un "izmantošanai" diktatoriskas pilnvaras²⁵. Armijas grupas "Ziemeļi" virspavēlnieki G. Lindemans (G. Lindemann) un J. Friesners (J. Friesner), kuri atbalstīja t. s. "lielo atrisinājumu", t. i. karaspēka atvilkšanu no Baltijas, tika jūlijā viens pēc otra nomainīti (2.7. resp. 23.7.) un atvīetoti ar Hitleram padevīgo ģenerālpulkvedi F. Šerneru (F. Schörner), pie kam reizē par jaunu noteica kompetences Ostlandes pārvaldē²⁶.

(Sevišķi Hitlera, un ar viņu Sauszemes spēku ģenerālstāba šefs ģenerālpulkvedis Guderians, bija galvenie Baltijas aizstāvēšanas idejas pārstāvi. Gausi tika ievadīta atkāpšanās plānošana no Igannijas (plāns "Königsberga", 6.9.) un

vēlāk atkāpšanās pati (pasākums "Astere", 16.9.), kas tad bija jāizved lielā steigā, zem ienaidnieka spiediena 9-10 dienās, un nevis kā plānots pie mierīga frontes stāvokļa 21 dienā²⁷).

Šai laikā Sarkanā armija bija pārgājusi Latvijas robežu (17.7.), 22. jūlijā tika iegemta Daugavpils, 31. jūlijā Jelgava un augusta pirmajās dienās Padomju kara spēki rietumos no Rīgas izlauzās cauri līdz Rīgas jūras līcim. Ar to tika pārtraukts zemes ceļš uz Kurzemi, kuru vācu armijai izdevās atjaunot tikai 20. augustā. Augusta vidū bija arī apstājusies Padomju spēku virzīšanās uz priekšu.

Išc pirmā sajūkuma, kas jūlija otrā pusē bija radies vācu pārvaldē sakarā ar Padomju armijas straujo iebrukumu, izraisot kompetenču strīdu armijas, SS resp. Jekelna un civilo iestāžu starpā, atkal haotisko apstākļu vietā varēja stāties koordinēts darbs. Tika ievadīta civiliedzīvotāju izvešana,

bet sākumā evakuēja tikai izmeklētās vietējo iedzīvotāju grupas: zināmu arodu speciālistus ar ģimenes piederīgiem; tādā personu ģimeņu piederīgos, kas eksponējušies Vācijas labā (piem., Pašpārvaldes darbinieku piederīgie); personas, kuras "izmeklējušas" atsevišķas vācu iestādes, lai nogādātu Reihā, tā, piem., kultūras darbiniekus (izmeklēti no Propagandas pārvaldes), garīdzniekus (nozīmēti no SU) u.c.²⁸ Vīriešu kārtas personām zem 48 gadiem bija uzlikts vispārējs aizliegums izbraukt no Ostlandes (8.8. 1944.g. rīkojums), resp. izbraukšanas atļauju varēja dabūt tikai ar Augstākā SS un policijas vadītāja personīgo piekrišanu²⁹. Bet, neskatoties uz visu to, augusta mēnesī no Igaunijas un Latvijas jau gāja regulāri transporti ar vietējiem iedzīvotājiem uz Vāciju, kuri tika koordinēti no vietējiem darba štābiem (Tā, piem., Latvijas darba štābs Rīgā bija ierīkojis Centrālo biroju, kurā varēja uz vietas nokārtot visas izbraukšanas formalitātes. Izbraukšana notika uz brīvprātības bāzes).

Augusta vidū Padomju armijas ofensīva Latvijā apstājās, kas deva Ostlandes, Latvijas un Lietuvas darba štābiem iespēju izvērtēt un sakopot Latvijas un Lietuvas teritorijā iegūtās plēdes³⁰. Vairumā gadījumu evakuācija bija notikusi zem taktiska spiediena 2-3 dienu laikā. Kas attiecās uz iedzīvotāju izvākšanu no atstājamiem apgabaliem, tad tā

bija bijusi "taktiska, šaura mēroga evakuācija". Bieži militārē vadība vispār nebija devusi nekādu evakuācijas pavēli, vai tā bija nākusi tikai pēdējā brīdī. Tā no Latgales, kura vāciešiem bija kā pirmā jāatstāj, evakuēja tikai 10 % civiliedzīvotāju³¹. Tāpēc Zemes pašpārvalde pārmeta vācu iestādēm, ka tās neievērojot latviešu tautas intereses un to pamatot iznīcībai. Pašpārvalde pūlējās, lai panāktu sev kādas līdzī runēšanas tiesības evakuācijas jautājumos. Kad septembrī izdeva ARLZ- pasākumiem papildu instrukcijas, tad slepenības princips tika mazliet mīkstināts un turpmāk Zemes pašpārvaldi drīkatēja informēt par evakuācijas akcijām, kuru izvešana nepalidzēja pavisam īsā laikā. To darīja tāpēc, lai aizvērtu tādu Zemes pašpārvaldes rīkojumu izdošanu (kā tas praksē jau vairākkārt bija noticis), kas nebija saskatīti ar ARLZ- pasākumiem³².

1944. gada 16. septembrī Armijas grupa "Ziemeļi" saņēma atkāpšanās pavēli. Vācu armija Igauniju atstāja lielā steigā un zem liela Sarkanarmijas spiediena, neizmantojot Igaunijā un Latvijā sagatavotās aizstāvēšanās līnijas, lai atpūstos un sakoptu spēkus. Iedzīvotāju evakuācija nebija armijas interesēs, drīzāk tā mēģināja Igaunijas bēgļus dabūt prom no atkāpšanās ceļiem, vai pat bija gadījumi, kad bēgļu kolonnas "nodirģēja" nepareizā virzienā. Stāvoklis Latvijā nebija citādāks. Arī te iedzīvotāju evakuācija sadūrās ar armijas interesēm, kura sevišķi nebija mierā ar Rīgas evakuāciju un Jekelna 29. septembrī izdoto evakuācijas pavēli, kas atcēla visus līdzšinējos izbraukšanas apgrūtinājumus³³.

Šī raksta ietvaros nav iespējams izsekot evakuācijas norisei, vai nu brīvprātīgai bēgšanai, vai arī varmēcīgai ļaunu izvešanai. Var konstatēt, ka Igauniju septembrī atstāja ap 100 000 cilvēku³⁴, bet Latviju no 1944. g. septembra līdz 1945. g. janvārim ap 180 000 civiliedzīvotāju³⁵. Par Lietuvu grūti noteikt precīzus skaitļus, jo nav iespējams starp evakuētiem lietuviešiem un lietuviešu tautības "austrumu strādniekiem" (Ostarbeiter) izšķirt, kas ir kurš. 1944. gadā oktobrī lietuviešu skaitu vācijā vērtēja ar pēri par 300 000^{35a}.

Pēc Armijas grupas "Vidus" frontes sabrukuma Reiha teritorijā nekavējoties sāka sagatavošanās darbus, lai varētu uzņemt svešu tautību piederīgos (Fremdstämmige) no austru-

mien, ieskaitot no Reinakomisariāta Ostlande. Arī šie bija vienīgi prātis, ka tam jānotiek politisku un saimniecisku apsvērumu dēļ. Robežas pārejas vietās uz Lielvāciju tika ierīkoti uztveršanas punkti, lai varētu pārbaudīt Reicha iedzīvotājus, vai tie atbilst drošības policijas prasībām un veselības aizsardzības priekšrakstiem. Pārtaudes izveda t.s. "Alberta komisijas", kurās arī ietilpa drošības policijas un ģenerālpilnvarotē darba spēka izmantošanai (Generalbevollmächtiger für den Arbeitseinsatz - GBA) pārstāvji. Pēc tam bēgļus/evakuētos novietoja uztveršanas nometnēs, no kurienes visi darba spējīgie bija iespējami drīz jāiesaišta darba procesā. Darbam nederīgiem tika nozīmēti uzņemšanas apgabali, dzīvošanai ierīkojot nometnes³⁶. Igauniem, latviešiem un lietuviešiem par uzņemšanas apgabaliem Iekšlietu ministrija nozīmēja Mecklenburgu, Pomerāniju, Šlēzviģu-Holšteīnu un beigās arī Dāniju. Svēso tautību evakuēto aprūpi pārņēma Nacionālsociālistu tautas labklājība (Nationalsozialistische Volkswohlfahrt - NSV). Austrumu ministrijā katrai Baltijas tautai nodibināja savu pārstāvniecību - "leitsteli" (Estonische, Lettische Leitstelle, bet Litauische Hilfsstelle!). Tāpat, visām trim tautām bija savi pārstāvji pie Vācu darba frontes (Deutsche Arbeitsfront - DAF). (Zemju pašpārvaldes nebija formāli likvidētas, to vadītāji atradās Reinā, bet darbība bija līdz turpmākam "iesaldēta"). Aprūpes jautājumos igauņi un latvieši bija pilnā mērā atkarīgi no vāciešiem, bet lietuviešu stāvoklis nebija tik skaidri definēts.

It sevišķi igauņu un latviešu tautu piederīgo evakuācija uz Vāciju tika pamatota gan politiski, gan saimnieciski. Tāpēc vācu puse nerunāja par "bēgļiem", bet gan par "cīnītājiem vācu lietas labā", resp., ka Igaunijē un Latvijē uzsāktā cīņa pret bolševismu jāturpina arī uz vācu zemes. Katram bija Lielvācijas interesēs jāizpilda viņam dotais svarīgais kara uzdevums³⁷. Kas bija jāsaprot ar "politiskiem motīviem", parādījās 1944.g. oktobrī, kad uz skatuves atkal parādījās Austrumministrijas rases politisko jautājumu decernents Dr. Erhards Vecels (Wetzel). Tas bija tas pats Vecels, kurš bija sastādījis ziņojumus par tām Austrumministrijas sēdēm 1942. gadā, kurās pārrunāja Ģenerālpilnvarotē "Ost"³⁸. Pārrunājot 1942. g. 27. aprīlī Ģenerālpilnvarotē, Austrumministrijas darbinieki bi-

ja nākuši pie atzinuma, ka igauņu un latviešu pārtautošana resp. pārvācošana Reicha teritorijā nebūs realizējama, pie kam viens no pamatojumiem bija, ka apspriedes dalībnieki patreizējā situācijā neredzēja iespējas, kā varētu panākt, lai šīs tautas, vai vismaz šo tautu vērtīgākā daļa, brīvprātīgi izšķirtos par pārcelšanos uz Reichu³⁹. Tagad, t.i. 1944. gada otrā pusē, šīs tautas vairāk vai mazāk labprātīgi devās uz Reichu.

Evakuētajiem slepeni izdarītās rasiskās pārbaudes rādīja, ka "lielā masa igauņu un latviešu bēgļu ir rasiski nevainojamā, ievērojama daļa pat rasiski pāri caurmēram, tā kā vēlākai eventuālai pārvācošanai nepastāv nekādi iebildumi". Turpretī ar lietuviešu bēgļiem bija "ejami citi ceļi, jo rasisku un citu iemeslu dēļ nevarēja būt domas par viņu vispārēju piesaistīšanu vācietībai". Atsevišķas personas un dzimtas varēja būt izņēmumi⁴⁰.

Īsā laikā apspriedēs starp 30. septembri un 12. oktobri tika izstrādāti plāni, kā vislabāk būtu veicama pārvācošanas politika, sevišķu uzmanību pievēršot jaunatnei. Šo apspriežu dalībnieki bija uzskatos, ka ar Baltijas tautu pārvešanu uz Vāciju un ar gaidāmiem Padomju varas atriebības darbiem Baltijā, šo tautu liktenis ir apzīmots - iznīcināšana Austrumos un pārvācošana Reichā.

Paskaidrojumi

1. Vestermannis M. Tā rīkojās vērmarts // Vācu militāristu locekļu nacistisko okupantu noziegumos Latvijā 1941-1945. - Rīga, 1973. - 147.-169.lpp.; Czollek R. Faschismus und Okkupation // Wirtschaftspolitische Zielsetzung und Praxis des faschistischen deutschen Besatzungsregimes in den baltischen Sowjetrepubliken während des zweiten Weltkrieges. - Berlin, 1974. - 178. lpp.; Deutschland im zweiten Weltkrieg/Hrsg. Wolfgang Schumann und Olaf Groehler unter Mitarbeit von Wolfgang Bleyer. - Köln, 1985. - Bd.6. Die Zerschlagung des Hitlerfaschismus und die Befreiung des deutschen Volkes (Juni 1944 bis zum 8. Mai 1945). - 404.-407. lpp.; Miller Norbert. Wehrmacht und Okkupation // Zur Rolle der Wehrmacht und ihrer

- Nährungsorgane im Okkupationsregime des faschistischen deutschen Imperialismus auf sowjetischem Territorium. - Berlin, 1971. - S. 271.
2. Mēs apsūdzam. - Dokumenti un materiāli par hitlerisko okupantu un latviešu buržuāzisko nacionālistu ļaundarībām Latvijas Padomju Sociālistiskā Republikā 1941-1945. - Rīga, 1965. - Dok. 161-163. - 222.-224. lpp.
3. Turpat. - Dok. 161. - 222. lpp. Šeit dokuments nepareizi datēts ar 16.2.1944 ! Vienīgi N.Müller's citē citu dokumentu.
4. Deutschland im zweiten Weltkrieg / Hrag. Wolfgang Schumann unter Mitarbeit von Wolfgang Bleyer. - Köln, 1984. - Bd. 5. - Der Zusammenbruch der Defensivstrategie des Hitlerfaschismus an allen Fronten (Januar bis August 1944). - S. 65-73.
5. Saimniecības stāba "Ost" vispārējās direktīvas (Rūmungs-ordnung) bija jau izdots 5.8.1943. Steidzamības pakāpju (Dringlichkeitsordnung) izstrādāšanu Reichskomisariāta iestādes sāka jau 1943. gada beigās.
6. Aktenvermerk für Besprechung zwischen Reichskommissar und Befehlshaber der Heeresgruppe Nord, 10.2.1944. - Bundesarchiv Koblenz (turpmāk BA). - R 90/3. Aktenvermerk Besprechung beim Oberkommando der Heeresgruppe Nord, 11.2.1944. - BA. - R 90/3.
7. Rosenberg - Model, 18.2.1944. - BA. - R. 6/356.
8. Rosenberg - Lammers, 18.2.1944. - BA. - R 6/357; Rosenberg-Himmler, 18.2.1944. - BA. - R 6/355.
9. Fernschreiben Keitel 19.2.1944. - Nr. HOKW 02261. - BA. - R 6/375; Fernschreiben Keitel 21.2.1944. - Nr. HOKW 02357. - BA. - R 6/375.
10. Himmler - Rosenberg, 21.2.1944. - BA. - R 6/375.
11. Berger - Brandenburg, 23.2.1944. - Ba. - R 6/356.
12. Erfahrungsbericht zum Erlass betreffend Vorbereitung von ARLZ-Massnahmen, 5.9.1944. - BA. - R 6/358.
13. Massnahmen zur Sicherung der Bereitschaft für den Fall von wirtschaftlicher Auflockerungs-, Räumungs-, Lähmungs- und Zerstörungsmassnahmen (ARLZ- Massnahmen) im Ostland, 6.3.1944. - BA. - R 6/375.
14. Turpat. - 3.-4. lpp.
15. Turpat. - 5. lpp.; Besprechung Chef Wi Stab Ost mit MVV Chef Kliper unter Beteiligung von MVOR Dr.Baath, 19.2.1944. - BA. - R 6/375.

16. Vermerk Dr. Guilleaume, 11.5.1944. - BA. - R 6/375.
17. Ziegler - Lohse, 2.6.1944 > a <. - BA. - R/6/376; Ziegler - Lohse, 2.6.1944. > b <. - BA. - R 6/376.
18. Turpat. - > b <.
19. Erfahrungsbericht zum Erlass betreffend Vorbereitung von ARLZ- Massnahmen, 5.9.1944. - BA. - R 6/358.
- 19a Labs - Reichsminister des Innern, 10.7.1944. - BA. - R 6/356; Labs - Rosenberg, 27.7.1944. - BA. - R 6/358; Telegramm Labs, bez datuma /atbilde 23.7.1944 rakstam/. - BA. - R 6/356.
20. Rosenberg - Lammers, 8.7.1944. - BA. - R 6/358.
21. Turpat.
22. Niederschrift über die mit der militärischen Entwicklung im Bereich der Heeresgruppe Mitte zusammenhängenden Evakuierungs- und Bergungsfragen, 6.7.1944. - BA. - R 6/376.
23. Hubatsch Walter. Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939-1945. - Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. - Koblenz, 1983. - Dok. - 59. - S. 264-266 (2.Aufl.).
24. Meyer - Lohse, 25.7.1944. - BA. - R 6/358.
25. Himmler - Jeckeln, 9.7.1944. Noraksts vēstulē Lohse - Bormann, 15.7.1944. - BA. - R 90/5.
26. Hubatsch Walter. - 264.-266. lpp.; Forwick Helmuth. Der Rückzug der Heeresgruppe Nord nach Kurland. - Abwehrkämpfe am Nordflügel der Ostfront 1944-1945 // Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte. - Stuttgart, 1963. - 5. - S.104.
27. Forwick Helmuth. - S. 103-107, 117-119, 177.
28. Besprechung Lohse-Schörner, 26.7.1944. - BA. - R 90/4; Trampedach - Rosenberg, 18.8.1944. - BA. - R 6/83.
29. Deutsche Zeitung im Ostland. - 1944. - 11.8.
30. Erfahrungsbericht des Arbeitsstabes Lettland, 31.8. 1944. - BA. - R 6/358; Erfahrungsbericht zum Erlass betreffend Vorbereitung von ARLZ- Massnahmen, 5.9.1944. - BA. - R 6/358; Bericht über den Ablauf der wirtschaftlichen Räumung des Generalbezirkes Litauen, 1.9.1944. - BA. - R 90/4, arī R 6/25.
31. Ģenerāldirektora Jāņa Mielā dienas grāmata // Latvija. - 1956. - N 1. Kā jau minēts, Zemes pašpārvaldi neieparīstinēja ar vācu evakuācijas plāniem, bet tai visumā bija pozitīva nostāja latviešu evakuēšanas jautājumā, resp. kā toreiz oficiālajā terminoloģijā skanēja - "glābērnā no bolševisma".

32. Tā, piem., Latvijas Zemes pašpārvalde 4.7.1944. nolēma dibināt pati savu evakuācijas štābu, ko vācieši tūlī noliedza. Augusta beigās tā pati izstrādāja savu evakuācijas plānu, kas, saprotams, nevarēja būt saskapots ar ARLZ- pasākumu plānojumiem. - Ģenerāldirektora Jāna Mieža dienas grāmata // Latvija. - 1956. - N 1; 3-4.
33. Forwick Helmuth. - 127., 130., 140. lpp.; Tēvija. - 1944. - 29.9.
34. Übersichtsvermerk betr. RLZ- Massnahmen in Estland, 10. 10.1944. - BA. - R 6/358.
35. Skaits pēc maniem aprēķiniem (K.K.).
- 35a Litauische Hilfsstelle. Bericht für Monat Oktober, 14.11. 1944. - BA. - R 6/68.
36. Schnellbriefe des Reichsministers des Innern 18.7.1944., 29.7.1944., 19.8.1944., 7.9.1944. - Visas BA. - R 6/377.
37. Grusswort Rosenbergs an Esten, Letten und Litauer, 4.11. 1944. - BA. - R 6/36; Latviešu Bals. - 1944. - 22. 11.
38. Heiber Helmut. Der Generalplan Ost // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. - 1958. - N 6. - S. 285-288.
39. Turpat. - Dok. 2. - S. 304-305.
40. Vermerk Dr. Firgau, 13.10. 1944. - BA. - R 6/137.

Redakcijas piebilde

Pēc redakcijas kolēģijas domām autora izmantoto avotu kritiskais izvērtējums un salīdzinājums ar citiem hitleriešu dokumentiem ļautu iegūt daudzpusīgāku priekšstatu par nacistu atieksmi pret Baltijas tautām.

Х. Ваину

Отношение Финляндии к германскому оккупационному режиму в Советской Прибалтике во время второй мировой войны

Позиция Финляндии в этом вопросе определялась различными факторами. Главную роль играла общность основной цели Германии и Финляндии в войне — уничтожение советского строя в СССР, "ликвидация большевизма". Но по событиям в Прибалтике правящие круги Финляндии судили также и о том, какая судьба ожидает Финляндию в "новой Европе" Гитлера, тем более, что в Прибалтике, особенно с географически и этнически близкой Эстонией у различных слоев населения Финляндии в довоенное время образовались довольно тесные отношения. По мере развития событий взгляды финнов потерпели определенные изменения.

В вопросе об участии Германии в Прибалтике советского строя и в терроре над советскими активистами никаких разногласий между германскими фашистами и правителями Финляндии не было. По мере возможности Финляндия помогала фашистской Германии в захвате Советской Эстонии. Уже в ночь на 22 июня 1941 года финские подводные лодки вместе с немецкими кораблями начали минировать Финский залив. В дальнейшем эта операция продолжалась. Примерно половина мин, на которых подорвались советские суда при эвакуации из Таллина, была поставлена с Финских сулов¹. В десанте с оккупированной материковой Эстонии на Моонзундские острова в сентябре 1941 г. приняла участие полсотня финских катеров².

Сотрудничество не ограничивалось флотом. В июле 1941 г. из Финляндии в Советскую Эстонию несколькими группами было переброшено 80 диверсантов — перебежавших ранее в Финляндию эстонцев. Их ядро прошло подготовку у германских и финских офицеров.

Политическая полиция Финляндии установила тесную связь гестапо и СД в Прибалтике, особенно в Эстонии. Ее работник О. Вихерлуото, посетивший Эстонию сразу же после начала гер-

манской оккупации, в своем отчете похвалял СД и ее эстонских сотрудников. Руководители политической полиции Финляндии затем несколько раз посещали оккупированную Эстонию. В свою очередь, шеф гестапо в Эстонии К. М. Сандбергер за 1941-1943 гг. несколько раз бывал в Хельсинки. Эстонские пособники гитлеровцев были привлечены к агентурной разведке против СССР с территории Северной Финляндии³. Финская охранка передала в руки гитлеровцев 76 человек разных национальностей - эстонцев, русских, евреев, поляков, французов, голландцев, которые были доставлены в концентрационные лагеря, в том числе в Эстонию⁴.

Но в остальном оккупированная Советская Прибалтика осталась для финнов закрытым регионом даже после того, как осенью 1941 г. было возобновлено морское и воздушное сообщение между Хельсинки и Таллином. Не была восстановлена гражданская телефонная связь между Финляндией и Прибалтикой. Почтовая связь просуществовала всего лишь две недели⁵.

Это раздражало финнов, особенно тех, кто имел знакомых в Прибалтике. К тому же многие финны тайно надеялись на то, что германские фашисты восстановят буржуазные государства в Прибалтике. На самом деле Прибалтику (и Белорусию) переименовали в Остланд и установили германскую гражданскую администрацию с центром в Риге. Литовские, латышские и эстонские "самоуправления" состояли лишь из германских марионеток и были, по существу, совершенно безвластны. Информация об этом была встречена ропотом отнюдь не только в либеральных кругах Финляндии. Правящие круги начали опасаться, что Финляндия в "новой Европе" ожидает такая же судьба.

Положение осложнялось тем, что уже в предвоенной Финляндии существовало т.н. соплеменное движение, пропагандирующее единство всех финно-угорских народов. Его ядро составляло Академическое Карельское Общество (АКО), пропагандирующее захват Советской Карелии, создание "Великой Финляндии". В целом великофинские круги стояли на правом фланге политических организаций Финляндии.

Пока Эстония была буржуазной, АКО не пропагандировало ее присоединение к Финляндии. Но после оккупации Эстонии во-

прос о присоединении Эстонии к Финляндии подняли некоторые сбежавшие в Финляндию эстонские буржуазные деятели. Адмирал П. Питка (получив на это, якобы, согласие Геринга) вручил 29 ноября 1941 г. соответствующий меморандум президенту Финляндии Р. Рюти. Утверждалось, что таково, якобы, было желание последнего президента буржуазной Эстонии К. Пятса⁶. За день до меморандума Питка, — по-видимому, скоординированно с ним — письмом о тревожном положении в оккупированной Эстонии обратились к Рюти некоторые видные деятели культуры и ученые Финляндии, имевшие раньше хорошие связи с Эстонией⁷.

План Питка обсуждался в финских правящих и крайне правых кругах. Один из великофинских идеологов Э. Раякканен обратился с соответствующим письмом к Розенбергу. Хотя он и обещал, что финляндско-эстонская уния станет одной из самых дружественных фашистской Германии стран в Европе, ответа не последовало⁸. В конце 1941 г. — начале 1942 г. правящим кругам Финляндии стало совсем ясно, что Германия включила "Остланд" в свой "гроссраум". Отрицательное отношение правительства Финляндии к унии с Эстонией было доведено через посланника Германии в Хельсинки фон Блюхера до сведения гитлеровского руководства⁹.

В конфликте между великофинской и прогерманской идеологией победителем оказалась последняя. Повторялось положение 1918 г. Тогда это выразилось, между прочим, в том, что на том основании, что на Эстонию претендует Германия, из первоначального текста марша егерей-великофиннов были вычеркнуты слова о принадлежности Эстонии к Великой Финляндии¹⁰.

Уже в конце 1941 г. в Финляндии стало известно, что гитлеровцы собираются не только аннектировать, но и германизировать Прибалтику, а коренное население выселить на восток. В некоторых кругах возник план переселить "соплеменников-эстонцев" в Финляндию и в оккупированную Финляндией Советскую Карелию. Но от этого плана отказались и Германии о его существовании не сообщили.

Официальные лица Финляндии подняли перед Германией вопрос о смягчении оккупационного режима в Прибалтике лишь

после начала коренного перелома в войне, т.е. после Сталинградской битвы. Президент Рyti говорил немецкому дипломату Л. Вайссауэру, что политика Германии в Прибалтике и других оккупированных странах наносит большой урон борьбе против СССР¹¹. Главнокомандующий вооруженными силами Финляндии маршал Маннергейм дал знать германскому военному атташе в Хельсинки, что из-за проводимой немцами политики антигитлеровские настроения в Прибалтике усиливаются¹². Гиббентроп отрицательно реагировал на подобные заявления. После этого правители Финляндии к этому вопросу больше не возвращались. Однако бывшее сотрудничество с гестапо было ограничено. Германские оккупационные власти, в свою очередь, запретили в Эстонии слушание финского радио. Это было сделано после того, как финны начали передавать не только германские, но и англо-американские военные сводки.

Новая проблема возникла в связи с резким увеличением побегов эстонских мужчин в Финляндию после того, как вслед за Сталинградом началась их насильная вербовка, по сути дела, мобилизация в войска СС. В течение 1943 г. число таких перебежчиков увеличилось с 450 до 4000. Побегии продолжались и в 1944 г. Немецкие власти в оккупированной Эстонии объявили такой переход незаконным, а беженцев - подлежащими наказанию¹³.

Нежелание эстонцев воевать за Гитлера поставило финские власти в затруднительное положение. Германия официально потребовала выдачи беженцев. Такое требование выдвигалось несколько раз¹⁴. Финские власти вначале относились к беженцам довольно враждебно, но против их выдачи выступала либеральная общественность страны, в т.ч. т.н. мирная оппозиция. В парламенте на их положение обратил внимание У.К. Хекконен, будущий президент Финляндии¹⁵.

Финские власти решили выйти из деликатного положения тем, что отправили основную часть эстонских беженцев в Финскую армию, где из них был создан полк номер 200⁰. Так можно было отклонить требования Германии о выдаче беженцев, считаясь на то, что они стали солдатами армии, возвращаясь в СССР, а с другой стороны - исключить их переход в нейтральную Шве-

цию, что вызвало бы еще большее раздражение Берлина¹⁶. В конце 1943 г. финское правительство запретило своей охране передавать гестапо данные об эстонских перебежчиках¹⁷.

С начала 1944 г. руководителей Финляндии больше всего интересовала не столько суть германской оккупации в Прибалтике, сколько вопрос о том, как долго она продлится. Ведь от этого зависела возможность самой Финляндии продолжать войну. В случае освобождения Прибалтики Красной Армией кратчайший путь связи с Германией был бы потерян. После прорыва блокады Ленинграда министр иностранных дел Финляндии Рамсай сказал германскому посланнику фон Блехеру: "Если Нарва не останется в немецких руках, для Финляндии возникнет новая ситуация"¹⁸. В это время правительство Финляндии впервые послало своего уполномоченного Д. К. Паасикиви в Стокгольм для установления контактов с А. М. Коллонтай. Тесная связь между наступлением советских войск на Нарвском направлении и миссией Паасикиви была в то время отмечена как советской, так и германской стороной.

Но когда наступление Красной Армии на Нарвском направлении было временно приостановлено, финское руководство отвергло советские условия мира.

Летом 1944 г. Советские войска добились новых успехов, отбросив финские войска на Карельском перешейке примерно до государственной границы 1940 г. и освободив Советскую Карелию; в Прибалтике был освобожден восток Эстонии и достигнуто Балтийское море. По мере успехов Красной Армии в Прибалтике тон финских газет стал более критическим в отношении действий германских фашистов в Прибалтике. Финская пресса осудила ввоз в Германию библиотеки Тартуского университета. После этого Гитлер приказал временно приостановить дальнейшее снабжение Финляндии оружием. Раздраженный Маннергейм добился отсрочки цензуры и персональных изменений в ее руководстве²⁰.

Выход Финляндии из войны был ускорен agonией оккупационного режима Германии в Прибалтике. Решение о выходе из войны было принято в конце июля 1944 г. Задержка до конца августа-начала сентября, по-видимому, частично была обу-

словлена попытками германских войск захватить в середине августа инициативу в Прибалтике под Наудом, в окрестностях Риги и в южной Эстонии³⁷. Окончательное решение запросить у Советского Союза окончательные условия мира было принято в конце августа после того, как Руминия вышла из войны и советские войска в Прибалтике, отразив попытки контрнаступления германской армии, окончательно завладели инициативой.

Примечания

- 1 Jokipii M. Saksan ja Suomen laivastoyhteyksiin 1941 jatkovodan syyttymiseen saakka // Sotahistoriallinen Aikakauskirja I. - Helsinki, 1980. - С.76-100; Meister J. Der Seekrieg in den osteuropaischen Gewassern 1941-1945. - Minchen, 1958. - S.13; Suomen laivasto. - Helsinki, 1968. - II. - С.16-20; Kalsti W. Suomen sota. - Helsinki, 1956. - II. Keskisota. - С.595.
- 2 ЦГАОР ЭССР. - Ф.Р -121. - Оп. I. - Л. II. - Л. 26-27; Haupt W. Baltikum 1941. - Neckargemind, 1963. - S. 131.
- 3 Барков Л. Указ. произв. - С. 7-78, III-II2; Мартинсон Э. Слуги свастики. - Таллин, 1962. - С.253-254; Kubu M. Gustav Möllers hemliga polis. - Stockholm, 1971. - S.118; Mäkelä L. Im Rücken des Feindes. - Stuttgart, 1967. - S.124-125.
- 4 Kubu M. Op. cit. - S.118-120, 208-211; Torvinen T. Pakolaiset Suomessa Hitlerin valtakaudella. - Helsinki, 1984. - S. 182-199.
- 5 Heimонkansa. - 1943. - N 6. - S.52; Haavio M. Me marasimme Aunuksen teitä. - Porvoo-Helsinki, 1969. - S. 231; Viikuna K. Sanan valvonta. - Helsinki, 1962. - S. 133.
- 6 Myllyniemi S. Die Neuordnung in baltischen Ländern. - Helsinki, 1973. - S.69; Manninen O. Suur-Suomen härivivat. - Helsinki, 1980. - S. 152; Warma A. Diplomaadi kroonika. - Lund, 1971. - S. 174-176.
- 7 Viitala H. Rauhanopposito. - Helsinki, 1969. - S. 85; Viikuna K. Op. cit. - S. 133.
- 8 Myllyniemi S. Op. cit. - S. 136.
- 9 Blücher W. V. Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. - Wiesbaden, 1952. - S.272,280. Manninen O. Op. cit. - С.289.

- 10 Nygard T. Suomalainen äärioikeisto maailmansotien välillä. - Jyväskylä, 1982. - S.34-35.
- 11 Skyttä K.E. Muuta kunniaa. Ris to Rytin kujanjuoksu 1939-1944. - Helsinki, 1971. - S. 185.
- 12 Akten zur deutschen auswärtigen Politik . - Ser.E. - Bd. V. - Dok. 149.
- 13 ЦГАОР СССР. - Ф. Р-65. - Оп. I. - Д. 29. - Л.54-58; Ф.Р - 819. - Оп. I. - Д. 5. - Л. 13,32, 53-54; Барков Л. В дедрах аовера. - Таллин, 1972. - С. 106.
- 14 Mullyniemi S. Op. cit., S.267; Vilkuna K. Op.cit. - S. 135.
- 15 Kekkonen U.K. Puhetta ja kirjoituksia 1936-1967. - Helsinki, 1967. - N 1. - S. 231-233.
- 16 Viitala H. Op. cit. - S. 160; Eesti riik ja rahvas. - 10. - S. 12.
- 17 ЦГАОР. - Ф. Р - 65. - Оп. I. - Д. 29. - Л. 54-58; Linkomies E. Vaikaa aika. - Helsinki, 1970. - S. 383-384.
- 18 Blücher W.V. Op. cit. - S. 348-349.
- 19 Стеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. - М., 1981. - Кн. II. - С.376; Erfurth W. Der finnische Krieg 1941-1944. - Wiesbaden, 1950. - S. 108.
- 20 Erfurth W. Op. cit. - S. 175-178; Mullyniemi S. Op. cit. - S. 274.

Заключение

Статьи данного сборника написаны авторами социалистических и западных стран. Почти все авторы являются представителями вузовской науки. Все статьи являются аргументированными исследованиями, базирующимися на важном документальном и историографическом материале.

Материалы сборника освещают различные проблемы истории, в основном такие, по которым по сей день продолжаются серьезные научные дискуссии. Они тем самым вносят новый вклад в исследование отдельных проблем в истории внутривосточной борьбы в Прибалтике и политики внешних сил — в первую очередь Германии в данном регионе.

Предыдущие сборники были использованы студентами Риги, Тарту и Вильнюса в качестве вспомогательной учебной литературы.

Редакционная коллегия надеется, что и данный сборник найдет в лице студентов-историков внимательного читателя.

Сведения об авторах

- Вайпу Х. - доцент Таллинского Политехнического института.
- Луханов М. - профессор Латвийского государственного университета им. П. Стучки.
- Кангерис К. - научный сотрудник Стокгольмского университета.
- Карьялаин Т. - профессор Таллинской консерватории.
- Кивимяэ С. - старший научный сотрудник Института истории АН Эстонской ССР.
- Лени В. - старший архивный советник федерального архива ФРГ.
- Мисан И. - ст. преподаватель Латвийского государственного университета им. П. Стучки.
- Странга А. - доцент Латвийского государственного университета им. П. Стучки.
- Строде Х. - профессор Латвийского государственного университета им. П. Стучки
- Шидлинг Р. - преподаватель Ростокского университета им. В. Пика.
- Шимкува Е. - старший преподаватель Рижского политехнического института

О г л а в л е н и е

Введение	3
<u>Мисано И.</u> Эволюция исследования истории средневекового ливонского ландтага в историографии XIX—XX вв.	4
<u>Schilling R.</u> Der Grundbesitz der Stadt Riga auf dem Lande (13.—19. Jahrhundert) im Vergleich zu deutschen Städten.....	15
<u>Духанов М.</u> Прибалтийское дворянство, царизм и реформы (50 ^е —60 ^е гг. XIX в.).....	24
<u>Кивиньяз С.</u> Остзейское дворянство и распространение деятельности крестьянского поземельного банка на прибалтийские губернии.....	34
<u>Карьяхюм Т.</u> Совет Министров царской России о прибалтийском земстве в 1916 г.....	49
<u>Ленз В.</u> Die deutsche Politik gegenüber Estland bis Anfang Oktober 1919.....	57
<u>Странга А.</u> Латвийские социал-демократы (меньшевики) и политика Германии в Латвии (ноябрь 1918—1920г.)... ..	66
<u>Шимкува Е.</u> Организационная система прибалтийских немцев в буржуазной Латвии (1920—1934).....	86
<u>Стродс Х.</u> Источники финансирования и основные направления деятельности Общества и Института Гердера в Риге (1921—1939).....	97
<u>Kangeris K.</u> Hitleriešu plāni Baltijas tautu evakuēšanai 1944. gadā.....	104
<u>Вайну Х.</u> Отношение Финляндии к германскому оккупационному режиму в Советской Прибалтике во время второй мировой войны	118
Заключение	126
Сведения об авторах	126

ГЕРМАНИЯ И ПРИБАЛТИКА

Сборник научных трудов
(междуведомственный)

- Рецензенты: А.Ролова, д-р ист. наук, профессор, зав. каф. истории древнего мира и средних веков ЛГУ им.П.Стучки;
- У.Суна, д-р филос. наук, профессор, зав. каф. философии ЛГУ им.П.Стучки;
- А.Рубенис, доц., зав. каф. марксизма-ленинизма Латвийской академии художеств

Редакторы: П.Крушников, Н.Терентьева
Технический редактор И.Балоде
Корректор И.Балоде

Подписано к печати 08.08.1988. ЯТ 08373. Ф/б 60x84/16.
Бумага М1. 8,3 физ.печ.л., 7,7 усл.печ.л., 6,3 уч.-изд.л.
Тираж 500 экз. Зак. № 1020 Цена 1 р.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
226098 Рига, б. Райниса, 19
Отпечатано на роталитге, 226050 Рига, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки

517

1 p.

PT-4560
1988

90

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509000968